

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Чжао Цзин

**Устойчивые единицы русского языка и их употребление
в разговорной речи (на материале записей диалогического и
полилогического взаимодействия горожан-уральцев)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. А. Купина

Екатеринбург – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Устойчивые единицы русского языка:	
семантическая, стилистическая, аксиологическая специфика.....	10
1.1. Вопрос о границах устойчивых единиц. Денотативная и коннотативная составляющие семантики устойчивых единиц.....	10
1.2. Аксиологическая составляющая семантики устойчивых единиц.....	33
Выводы.....	48
Глава 2. Устойчивые единицы в русской разговорной речи.....	50
2.1. Разговорная речь: аспекты анализа	50
2.2. Диалог и полилог: трактовки опорных понятий и общая характеристика анализируемого материала.....	63
Выводы.....	81
Глава 3. Устойчивые единицы русского языка в межличностном речевом общении горожан-уральцев.....	83
3.1. Устойчивые единицы в составе внутрисемейных межличностных разговоров.....	83
3.2. Устойчивые единицы в составе межличностных разговоров друзей и соседей.....	139
Выводы.....	177
Заключение.....	179
Список использованных словарей русского и китайского языков.....	181
Список литературы.....	188

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию функционально-смысловой нагрузки, стилистической и аксиологической специфики устойчивых единиц русского языка, реализованных в межличностном общении горожан-уральцев.

Исследования в области коллоквиалистики обнаруживают «массовое проникновение в разговорную речь элементов просторечия и жаргонов, смещение ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов» [Крысин 2008: 111–112] и устойчивых единиц. Из этого следует целесообразность оперативной фиксации устойчивых сочетаний и оборотов, реализованных в живой разговорной речи.

Актуальность работы определяется необходимостью системной лингвистической интерпретации смысловой, стилистической и аксиологической нагрузки устойчивых единиц в межличностном речевом общении горожан с учетом структуры языкового значения и контекстных преобразований.

Материал исследования выделяется поэтапно. На первом этапе материалом исследования являются фразеологические, аксиологические, толковые словари русского языка и словари разговорной речи; материал второго этапа – расшифрованные записи диалогов и полилогов горожан-уральцев [Живая речь уральского города: тексты 1995; Шалина 2009; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011; Ценностное содержание разговорного диалога 2021].

Объект исследования – зафиксированные словарями русского языка устойчивые сочетания и обороты (этап первый); тематически целостные фрагменты текстов-разговоров горожан-уральцев, отмеченные использованием воспроизводимых устойчивых единиц (этап второй).

Предмет исследования выделяется поэтапно. На первом этапе анализируется денотативная и коннотативная составляющие семантики, стилистическая и аксиологическая специфика устойчивых единиц русского

языка; на втором этапе для специального анализа выделяются реализованные в диалогах и полилогах устойчивые единицы, функции которых выявляются с учетом предметной темы целостного фрагмента разговора, а также коммуникативных и социальных ролей участников общения, их интенциональных установок.

Цель исследования – выявление семантической, стилистической, аксиологической специфики устойчивых единиц в системе языка, уточнение их функций в межличностном речевом общении горожан-уральцев.

Для достижения поставленной цели требуется решение ряда **задач**.

1. Формирование терминологического аппарата работы. Для реализации поставленной задачи с опорой на теоретическую литературу рассматриваются дефиниции фразеологизма; выделяются узкий и широкий подходы к типологии фразеологических единиц; уточняются критерии выделения устойчивых сочетаний и оборотов.

2. Анализ семной структуры языкового значения фразеологизма: выделение денотативного, коннотативного участков значения; характеристика стилистической маркированности устойчивой единицы; уточнение места аксиологической составляющей в структуре значения, выделение устойчивых сочетаний-аксиологем и контраксиологем.

3. Систематизация подходов к изучению структуры общенационального русского языка; уточнение содержания понятий «разговорный стиль», «разговорная речь»; «городское просторечие».

4. Выявление специфики функционирования устойчивых единиц в составе тематически целостных фрагментов разговорных диалогов и полилогов.

5. Интерпретация культурно-специфической маркированности межличностного речевого общения горожан-уральцев.

Степень разработанности темы исследования: теоретической базой диссертационного исследования являются идеи и методы фразеологии, теории коллокации, стилистики русского языка, лингвоаксиологии и коллоквиалистики.

В настоящее время фразеология сформировалась как самостоятельное

научное направление (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, А. Н. Баранов, В. В. Виноградов, Е. М. Вольф, С. Г. Воркачев, Д. О. Добровольский, М. Л. Ковшова, В. В. Красных, Э. В. Кузнецова, В. М. Мокиенко, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, В. Н. Телия, А. И. Федоров, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, С. Г. Шулежкова и др.).

К фразеологизмам относят лексически неделимые устойчивые сочетания, а также воспроизводимые обороты [См.: Шанский 1996].

Критерий воспроизводимости позволяет использовать широкий подход к выделению устойчивых единиц и рассматривать в их составе не только сращения, единства, фразеологически связанные сочетания, фразеологические выражения, но и коллокации (О. С. Ахманова, С. Ю. Богданова, Е. Г. Борисова, М. В. Влавацкая, В. П. Захаров, Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук, Т. Ю. Павельева, В. А. Плунгян, М. В. Хохлова и др.).

Стилистическое своеобразие устойчивых единиц устанавливается с опорой на труды по стилистике средств (И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, М. Н. Кожина, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева, Е. Ф. Петрищева, Г. Н. Скляревская, Ю. М. Скребнев и др.).

Для формирования терминологического поля диссертационного исследования важными являются философские положения аксиологии, в центре которой находится проблема ценностей (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, В. Гумбольдт, А. А. Ивин, В. В. Ильин, М. С. Каган, Н. О. Лосский, Н. С. Рыбаков, Л. Н. Столович, 李建群 Ли Цзяньцзюнь, 张岱年 Чжан Дайнянь, 周树智 Чжоу Шужи и др.).

В настоящее время интенсивно развивается лингвистическая аксиология – научное направление, в границах которого устанавливается аксиологический статус слова и устойчивой единицы, разрабатываются принципы лингвоаксиологической интерпретации текстов разных стилей и жанров (С. Ф. Анисимов, Н. Д. Арутюнова, Л. К. Байрамова, И. Т. Вепрева, Е. М. Верещагин, С. Г. Воркачев, В. В. Дементьев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Колесов, В. В. Красных, Н. А. Купина, Т. В. Ларина,

О. А. Михайлова, В. М. Мокиенко, Е. Ф. Серебренникова, 赵馥洁 Чжао Фуцзе и др.).

В процессе анализа языкового материала в диссертации используются концептуальные положения, сформулированные в трудах исследователей русской разговорной речи (В. И. Беликов, Т. Г. Винокур, Т. И. Ерофеева, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, М. Н. Кожина, Л. П. Крысин, О. А. Лаптева, Н. Н. Розанова, Н. В. Рыжова, О. Б. Сиротинина, Ю. М. Скребнев, В. В. Химик и др.); труды, посвященные изучению речи города и феномена просторечия (Т. Г. Винокур, Т. И. Ерофеева, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, Б. А. Ларин, Н. Н. Розанова, Ф. П. Филин, И. В. Шалина, Е. Н. Ширяев, Д. Н. Шмелев, Л. В. Щерба и др.); труды, связанные с механизмами речевой коммуникации (Г. М. Андреева, В. В. Богданов, И. Н. Борисова, Д. П. Гавра, Н. Н. Германова, Б. Ю. Городецкий, А. А. Данченко, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, Е. М. Лазуткина, Т. В. Ларина, Б. Ф. Ломов, Е. С. Никитина, Ю. С. Панова, В. Н. Пугач, А. В. Радюк, А. А. Романов, К. Ф. Седов, Е. В. Сидоров, И. А. Стернин, Л. П. Якубинский и др.).

Методологической базой анализа текстов-разговоров являются идеи, сформулированные в трудах сотрудников уральской научной школы стилистики и лингвокультурологии (И. Н. Борисова, И. Т. Вепрева, С. Ю. Данилов, Т. В. Ицкович, Н. А. Купина, Т. В. Матвеева, О. А. Михайлова, Ю. Б. Пикулева, И. В. Шалина и др.).

Лингвоспецифическое своеобразие устойчивых единиц и ментально-специфические особенности речевой коммуникации устанавливаются с опорой на труды по страноведению и лингвострановедению (Е. М. Верещагин, В. В. Колесов, Д. В. Колесова, В. Г. Костомаров, Л. И. Ройзензон, А. А. Харитонов и др.).

Научная новизна диссертационной работы заключается в выявлении функций устойчивых единиц русского языка в составе тематически целостных фрагментов живой разговорной речи горожан-уральцев.

Теоретическая значимость исследования. Полученные в диссертационной работе научные результаты могут использоваться в трудах по фразеологии, коллоквиалистике и лингвоаксиологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут оказаться полезными для составления аксиологических фразеологических словарей, а также в вузовской практике преподавания русского языка как иностранного.

Методология и методы исследования. В диссертационной работе с опорой на комплексный анализ реализуются различные общенаучные методы, в том числе классификация, описание, наблюдение, интерпретация. В процессе комплексной характеристики устойчивых единиц реализована группа методов и приемов компонентного, стилистического, лингвоаксиологического, а также (по принципу дополнения) контрастивного анализа; интерпретация функциональной нагрузки воспроизводимых сочетаний и оборотов, реализованных в разговорной речи, осуществляется на основе методов системно-смыслового, контекстуального, лингвострановедческого анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе интерпретации семантики устойчивой единицы целесообразно учитывать компонентный состав отдельного словарного значения, разграничивая денотативную отнесенность, коннотативную составляющую, стилистическую и аксиологическую маркированность.

2. В системе языка закреплены устойчивые единицы в статусе аксиологем и контраксиологем.

3. Универсальные критерии воспроизводимости, частотности, предсказуемости коллоката в границах словосочетания позволяют рассматривать коллокации как разновидность устойчивых единиц.

4. Устойчивые сочетания и выражения в составе тематически целостных фрагментов диалогов и полилогов характеризуются полифункциональностью. Они используются говорящими для номинации предметной темы и как средства, задающие ее развитие; участвуют в формировании хронотопа и тональности

текста-разговора; выступают как сигналы базовых ценностных предпочтений и отталкиваний участников общения; в конфликтном речевом взаимодействии значимость приобретает персуазивная функция устойчивых единиц.

5. В непринужденном речевом взаимодействии проявляются «полиглотизм горожанина», соблюдение традиций, сложившихся в национальной культуре.

6. Анализ живой речи горожан-уральцев позволяет выявить страноведческие особенности межличностной коммуникации, описать лингвоспецифические, в том числе просторечные, устойчивые единицы, не имеющие прямых аналогов в китайском языке.

Достоверность выводов и результатов исследования обеспечивается репрезентативностью изученного языкового материала, комплексной методикой анализа, адекватной цели и конкретным задачам исследования, привлечением авторитетных теоретических трудов по теме диссертационного исследования.

Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении основного объема диссертационного исследования, в обосновании научной новизны, в выявлении специфики функционирования устойчивых единиц в составе тематически целостных фрагментов диалогического и полилогического речевого взаимодействия горожан-уральцев.

Структура диссертационной работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, трех основных глав, заключения. Список использованных словарей русского и китайского языков содержит 70 наименования; список литературы – 337 наименований. Общий объем основного текста диссертации – 180 страниц.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационной работы обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УГИ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Материалы по теме диссертации были представлены в докладах на Евразийском молодежном форуме «Евразия – пространство сотрудничества, мира и согласия»

(Казахстан, 2021); на Международной научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (Томск, 2021); на Международной конференции «Eurasian Conference on Language and Social Sciences» (Екатеринбург, 2021); на Международном научном конгрессе «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (Москва, 2021); на Международных научных конференциях «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2021; 2022; 2023; 2024);

Содержание работы отражено в 12 публикациях. 3 статьи опубликовано в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

ГЛАВА 1. УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИЧЕСКАЯ, СТИЛИСТИЧЕСКАЯ, АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

1.1. Вопрос о границах устойчивых единиц. Денотативная и коннотативная составляющие семантики устойчивых единиц

Задачи изучения фразеологизмов и принципы их типологии обозначены в трудах российских исследователей [Алефиренко 2008; Виноградов 1977а, 1977б; Крысин 2007; Кузнецова 1989; Ларин 1977а, 1977б; Мокиенко 2005; Телия 1996; Шанский 1996]. Одним из главных направлений, определивших развитие русской фразеологии, является разработанная В. В. Виноградовым концепция о связи фразеологизма со словом, словосочетанием и предложением. Семантический, морфологический и синтаксический критерии составляют центр грамматического учения В. В. Виноградова о слове [Виноградов 1986]. Грамматический принцип был важным при изучении фразеологических единиц в их соотношении со словом и предложением.

«Фразеология – раздел языкознания, в котором изучаются лексически неделимые сочетания слов, т. е. особые фразеологические единицы» [Фомина 1990: 304]. В настоящее время фразеология сложилась в самостоятельную научную дисциплину [Алефиренко 2008; Байрамова 2011; Зимин 2016; Ковшова 2016а, 2016б; Мелерович, Мокиенко 2011; Сафина 2003; Шулежкова 2016, 2019; Эмирова 2020 и др.]. Выделяются «фразеологические сращения и фразеологические единства, составляющие ядро системы фразеологических единиц» [См.: Виноградов 1977а, 1977б]. Примыкают к ним фразеологические сочетания, сохраняющие лексическую отдельность, но занимающие в предложении одну синтаксическую позицию.

Опора на авторитетные лингвистические исследования [Алефиренко 2008; Архангельский 1964; Виноградов 1977а, 1977б; Гак 1977; Ларин 1977а, 1977б; Жуков 1978; Ковшова 2016а, 2016б; Крысин 2007; Мокиенко 2005; Молотков

1997; Телия 1996; Фомина 1990; Шанский 1996; Шулежкова 2016] дает возможность получить непротиворечивое представление о фразеологических единицах русского языка, принципах их выделения, аспектах интерпретации и шире – о принципах анализа фразеологического фонда национального языка, осмыслении фразеологии как специальной лингвистической дисциплины. Обзор взглядов русистов на выделение предмета фразеологии как особой лингвистической дисциплины и трактовку фразеологических единиц представлен, в частности, в диссертациях [Захарова 2001; Зимина 2007; Крюкова 2007; Эфендиева 2001 и др.].

«Фразеологией называют <...> совокупность свойственных языку несвободных сочетаний <...> В этом значении чаще используется синонимичное словосочетание – фразеологический состав» [Фомина 1990: 304].

Китайские ученые особо подчеркивают, что фразеология – особый «код культуры», хранящий традиции народа, передающий из поколения в поколение культурные знания [См.: 辞源 Цыюань: Этимологический словарь 1979: 136; см. также: 现代汉语词典 Словарь современного китайского языка 2012: 58]. Именно поэтому изучение фразеологии неродного языка открывает возможности понимания особенностей национальной культуры. Разработка теоретических проблем фразеологии сопровождается составлением фразеологических словарей китайского языка [常用成语词典 Словарь общеупотребительных фразеологизмов 2004; 现代汉语成语词典 Фразеологический словарь современного китайского языка 2009 и др.] и двуязычных словарей [俄汉成语词典 Русско-китайский фразеологический словарь 1959; 俄汉成语词典 Русско-китайский фразеологический словарь 1984 и др.].

«Объектом фразеологии как самостоятельной науки являются прежде всего собственно фразеологизмы (сращения, единства, фразеологически связанные сочетания)» [Фомина 1990: 305]. Необходимо в процессе анализа «сложную и разноплановую фразеологическую единицу <...> сопоставить со словом и словосочетанием» [Там же]. В этой связи подчеркивается, что

предметом фразеологии является «исследование фразеологизмов и их категориальных признаков...» [Ройзензон 1972: 80]. Именно в системе языка закреплён фразеологизм, «фраземный знак» [См.: Архангельский 1978: 14], интерпретация которого осуществляется с опорой на концепцию В. В. Виноградова [См.: Виноградов 1977а, 1977б].

В научной литературе «фиксируются отличительные признаки фразеологических единиц» [См.: Архангельский 1964: 20, 91]: «структурный (они состоят более, чем из одного слова), семантический (они характеризуются переосмыслением компонентов) и функциональный (они узуальны, устойчивы)» [Гак 1977: 205]. Выделяется «целостность номинации (направленность фразеологического образования в целом на объект номинации) в сочетании с признаком устойчивости (воспроизводимости)» [Ахманова 1957: 168]. Другими словами, область фразеологии исчерпывается сращениями и единствами. Узкое понимание фразеологических единиц позволяет трактовать составляющие фразеологизма как компоненты, каждый из которых утратил закреплённое в языке лексическое значение и грамматическую (частичную) отдельность.

Выделим ещё одну дефиницию, в соответствии с которой фразеологизм рассматривается как «несвободная, устойчивая, воспроизводимая, раздельнооформленная единица языка, состоящая из компонентов, наделённая целостным (реже частично целостным) значением» [Жуков 1978: 6]. Обращает на себя внимание возможность «частичной целостности», предполагающей включение в состав фразеологизмов устойчивых сочетаний, сохраняющих лексическую самостоятельность компонентов. Из дефиниции следует, что фразеологизмы, помимо сращений и единств, включают несвободные, фразеологически связанные сочетания.

Устойчивость компонентного состава и воспроизводимость позволяют интерпретировать фразеологизм как единицу системы языка. Фразеологическая единица «воспроизводима в готовом виде» и представляет собой «языковую единицу, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянную) по своему значению, составу и

структуре» [Шанский 1996: 22]. Значение термина «фразеологизм» расширяется, если в состав фразеологии включаются фразеологические выражения [См.: Мокиенко 2005: 4].

Необходимо отметить, что в лингвистической литературе синхронный подход, предполагающий рассмотрение единиц языка в его современном состоянии, противопоставляется диахронному, историко-центрическому.

Как уже отмечалось, узкий подход предполагает выделение трех типов фразеологизмов: сращений [Виноградов 1977б: 147], единств [Там же: 151–152] и сочетаний [Там же: 159].

«Основным признаком фразеологического сращения является семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов» [Виноградов 1977б: 147]. Приведем отдельные примеры извлеченных из словаря под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1968] фразеологических сращений: *выеденное яйцо* – «Пустяк, ничего не стоящее дело» [Там же: 542]; *вот так клюква* – «Выражение удивления, разочарования и т. п.» [Там же: 80]; *почивать на лаврах* – «Удовлетворившись достигнутым, совершенным, успокаиваться на этом» [Там же: 350]; *держат в кубышке* – «Не пускать в оборот, хранить дома. О деньгах» [Там же: 135]; *кисейная барышня* – «Изнеженный, не приспособленный к жизни человек» [Там же: 33].

Устойчивое неделимое сочетание, «не переводимое дословно на другой язык и обладающее яркими выразительными возможностями» [Матвеева 2010: 120], обозначается термином «идиома». Носители русского языка как иностранного понимают, что русские идиомы невозможно дословно перевести на их родной язык по причине культурно-лингвистического своеобразия, а также из-за отсутствия прямых аналогий. Важную роль играет знание народной традиции, фактов русской истории, литературы и культуры. Идиоматичность фразеологической единицы обуславливает необходимость лингвострановедческого анализа [См.: Верещагин, Костомаров 1980; 1982; 2005], предполагающего знание и понимание культурно-фоневой информации.

Как представляется, переводчику следует опираться в таких ситуациях на

явление «межъязыковой синонимии», придерживаясь принципа «эквивалентности перевода» с целью обеспечения эффективной межъязыковой коммуникации [Комиссаров 1990: 40–41, 51; см. также: Федоров 2002: 9; Таирбеков, Таирбекова и др. 2018: 3–5].

«Фразеологические единства отличаются от сращений потенциальной образностью и потенциальной выводимостью общего значения из семантической связи компонентов» [Виноградов 1977б: 152]. Приведем отдельные примеры извлеченных из словаря фразеологических единств: *акции повысились* – «Шансы на успех или роль, значение кого-либо или чего-либо возрастают» [ФСРЯ 1968: 30]; *душа не на месте* – «Кто-либо встревожен, чувствует себя очень беспокойно» [Там же: 150]; *поклониться в ножки* – «Униженно просить о чем-либо» [Там же: 198]; *стар и мал* – «Все без различия возраста» [Там же: 454]; *стать поперек пути* – «Мешать, препятствовать кому-либо в чем-либо, обычно в достижении какой-либо цели» [Там же: 453]. Осознание инофоном образной основы фразеологизмов свидетельствует об общности восприятия отдельных участков реальной действительности носителями разных лингвокультур.

Фразеологические сочетания, в которых «слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию» [Виноградов 1977б: 159], отличаются «аналитичностью, свойственной словосочетанию, могущей сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах» [Там же]. Приведем отдельные примеры извлеченных из словаря под редакцией А. Н. Тихонова фразеологических сочетаний [ФССРЛЯ 2004. Т. 1]: *глубокий сон* [Там же: 252], *кедровые орехи* [Там же: 495], *день открытых дверей* [Там же: 324], *врачебный осмотр* [Там же: 739]. Отметим, что несвободные сочетания, фиксируются фразеологическими словарями нерегулярно. Толковые словари отмечают их наряду с идиомами. Так, в четырехтомном «Словаре русского языка» в словарной статье «после объяснения всех значений слов, с абзаца, со знаком ♦ (◇) приводятся «фразеологические обороты и устойчивые сочетания»,

в том числе представляющие собой широкоупотребительные составные названия и термины» [СРЯ 1981. Т. 1: 9].

«Устойчивость понимается как ряд ограничений на различных уровнях, налагаемых системой языка на реализацию стержневого члена сочетания» [Гвоздарев 1973: 20]. «В первую очередь это ограничения в лексико-семантической сочетаемости» [Там же]. Исследователи отмечают, что «устойчивость фразеологических сочетаний связана с воспроизводимостью их в речи» [Виноградов 1977б: 140–142; см. также: Гвоздарев 1973: 20]. Этот критерий «оказывается необходимым, так как ограничения, накладываемые языком, законами сочетаемости слов с фразеологически связанными значениями, не могут быть представлены в виде каких-то обобщенных правил» [Гвоздарев 1973: 20].

Фразеологический фонд русского языка, в соответствии с широкой трактовкой, включает устойчивые выражения, которые характеризуются воспроизводимостью в речи в готовом виде. В их ряду выделяются воспроизводимые «семантически и синтаксически членимые образования, целиком состоящие из слов со свободным значением, но характеризующиеся устойчивым составом и употреблением» [Шанский 1996: 62]. Например: *Под лежащий камень вода не течет* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 426]; *Синица в руках лучше соловья в лесу* [Там же Т. 2: 145]; *Здоровья за деньги не купишь* [Рыбникова 1961: 58] и др.

Широкий подход к фразеологии не отрицает ее узкого понимания. На взгляд исследователя, «фразеологию можно определить как всё, что воспроизводится в готовом виде и не является словом» [Телия 1996: 58]. Данная точка зрения позволяет все устойчивые сочетания слов, а также предложения (обороты), воспроизводимые в сознании носителей национального языка, отнести к фразеологизмам. Воспроизводимость – универсальный критерий, позволяющий не ограничивать состав фразеологии идиомами.

Б. А. Ларин, анализируя классификацию фразеологических единиц, предложенную В. В. Виноградовым, отмечает, что её недостатком является

«ограничение материалом современного и притом почти исключительно литературного языка» [Ларин 1977а: 136]. По мнению ученого, в основе классификации фразеологических единиц общенационального языка, включающего диалекты, городское просторечие, жаргоны [См.: Купина, Матвеева 2013: 30–39], должен лежать исторический подход к становлению идиом, «принцип постепенного накопления идиоматичности в развитии от переменных словосочетаний к неразложимым» [См.: Виноградов 1977а: 119]. Он предлагает «трехчленную схему: обычные словосочетания; устойчивые метафорические словосочетания; идиомы» [Ларин 1977а: 147].

Устойчивые единицы используются в рамках литературно-разговорного и книжного функциональных стилей. При этом особые группы составляют «книжные и разговорные фразеологизмы» [Шанский 1996: 168–169]. Следует отметить, что в настоящем исследовании анализируются не только литературные, но и реализованные в речи носителей общенародного русского языка просторечные, жаргонные, субъязыковые устойчивые единицы, «находящиеся за пределами литературности, но входящие в состав фразеологической системы» [См.: Менон 2007: 45–48; Потанина 2014: 219–221; Хомяков 2014: 151–157; см. также: Ермакова, Земская, Розина 1999]. Просторечные, жаргонные, субъязыковые и диалектные фразеологизмы «воспроизводятся в речи как нечто единое с точки зрения смыслового содержания и лексико-грамматического состава» [Крысин 2007: 167]. Например, фразеологизм *к свиньям (собачьим)* – «Употребляется при выражении раздражения, недовольства по поводу кого-либо или чего-либо» – относится к просторечию [ФСРЛЯ 2008: 600]; фразеологизм *мокрое дело* – «Убийство» – относится к общему жаргону [Там же: 185].

Проведенный анализ точек зрения лингвистов позволяет сделать вывод о том, что «основные признаки фразеологических единиц (устойчивость, воспроизводимость) рассматриваются как универсальные критерии выделения единиц фразеологической подсистемы русского языка» [Виноградов 1977б: 140–142]. Отмечается, что признаки фразеологической единицы не уникальны. Так,

свойственна фразеологическим единствам образность, целостность семантики сращений и единств присуща отдельным словам. При этом собственно фразеологический пласт национального языка можно рассматривать как совокупность несвободных, воспроизводимых словосочетаний и выражений (оборотов), отличающихся от свободных словосочетаний и выражений.

Предварительно отметим, что в речи горожан-уральцев употребляются не только идиомы (*бить по мозгам, жаба давит, концы отдать* и др.), но и устойчивые выражения (*Под лежащий камень вода не течет; Со здоровьем не шутят* и др.), а также воспроизводимые как готовые членимые сочетания (*длинные патлы, начальное звено* и др.), которые примыкают к собственно фразеологическим.

Устойчивость, как следует из анализа специальной литературы, соотносится с единицами, являющимися автоматически воспроизводимыми говорящими в речевой практике [См.: Виноградов 1977а, 1977б; Шанский 1996], семантически целостными [См.: Жуков 1978], характеризующимися заданным порядком и составом словесных компонентов [См.: Архангельский 1964]. «Высокой степенью устойчивости характеризуются фразеологические сращения и единства» [См.: Кунин 1970: 122]. Средней степенью устойчивости характеризуются фразеологически связанные сочетания.

Понятие устойчивости предполагает «заданность компонентов на лексическом уровне» [См.: Лапаева 2007: 76], т. е. понимается как «предсказуемость совместного появления элементов в сочетании» [Там же; см. также: Мельчук 1960: 73], а также «ограничение сочетаемости» [Мельчук 1960: 79; Мельчук 1968: 54]. Выделяются «взаимосвязанные показатели» [См.: Лапаева 2007: 76] для разграничения границ собственно фразеологизма и несвободного сочетания: «устойчивость – воспроизводимость – идиоматичность» [См.: Мельчук 1960 73–79; см. также: Мокиенко 1980: 4]. «Устойчивость соприкасается с воспроизводимостью, которая представляет собой регулярную повторяемость, возобновляемость в речи той или иной единицы» [Жуков 1978: 9–10; см. также: Лапаева 2007: 77]. «Воспроизводиться

в готовом виде <...> могут языковые единицы разной степени сложности, т. е. неоднородные» [Жуков 1978: 9–10]. Именно «воспроизводимость понимается как повторяемость, обуславливающая частотность языковой единицы» [См.: Лапаева 2007: 76–77]. Все несвободные сочетания обладают устойчивостью и воспроизводимостью, но не все устойчивые сочетания характеризуются идиоматичностью.

Устойчивые сочетания, занимающие «переходное положение между свободными и фразеологически связанными словосочетаниями» [Лапаева 2007: 77], выделяются в соответствии с теорией коллокации.

«В коллокациях значения отдельных слов, элементов могут привести новое в значение целого, в которое они входят» [Хохлова 2008: 344]. Специально выделяется критерий частотности, который не только воспринимается интуитивно, но и поддерживается корпусными данными.

«Корпусная лингвистика изучает лингвистические корпуса текстов, которые представляют собой загруженные в компьютер огромные объёмы данных, помеченные разметкой (служебным пояснением об исходных формах, частях речи и т.д.)» [Лощакова 2021: 34; см. также: Захаров, Богданова 2020]. Корпусная лингвистика в целом «сосредоточена на изучении речи и ориентирована на корпусный подход и статистический метод» [McEney, Hardie 2012: 16].

Корпус – «мощный инструмент, отслеживающий функционирование отобранных исследователем языковых единиц в обычном для них контексте» [Плунгян 2008: 14; см. также: Лощакова 2021: 34]. «Корпус предназначен для того, чтобы получить статистические данные, и поисковая работа в нем дает возможность сформировать перечень всех употреблений заданного слова, а также словосочетания в контексте со ссылками на источник» [См.: Лощакова 2021: 34]. Посредством корпусных технологий «статистические данные» могут использоваться для осуществления эффективного изучения частотности, совместной встречаемости устойчивых словосочетаний, а также лексической сочетаемости слов в естественной контекстной среде [См.: Хохлова 2010].

Коллокация обнаруживает «комбинаторный потенциал языковой единицы» [Влавацкая 2017: 35] и трактуется как «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [Захаров, Хохлова 2010: 137; см. также: Иорданская, Мельчук 2007]. Толкование основного понятия находим в терминологическом словаре О. С. Ахмановой: *коллокация* – «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация полисемии» [Ахманова 2007: 193]. «В составе многозначного слова имеются семемы, задающие использование той, а не иной лексемы в составе устойчивого коллокационного сочетания» [См.: Борисова 1995а: 9; см. также: Хохлова 2008: 345]. Совместное употребление двух лексем (ключевой единицы и коллоката) в заданной последовательности в составе синтагмы подтверждается статистически [См.: Хохлова 2010: 7–10]. Уточним содержание термина «синтагма»: «слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно» [Соссюр 1999: 123].

«Коллокации – это синтагмы, встречающиеся сочетания слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а семантическими факторами» [Сусов 1999: 153; см. также: Комарова 2012: 583–584]. При этом в коллокации «один компонент (опорный, или основной), определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологизирует сочетание, а другой компонент характеризует опорное слово» [Борисова 1995б: 77]. Опорный компонент в составе устойчивого сочетания реализуется во вторичном значении; другой компонент является предсказуемым. Например, многозначное слово *пойти* имеет основное словарное значение «Начать идти куда, откуда» [ТСРЯ 2011: 681]. Сочетания *пойти в библиотеку, на выставку, на стадион* и др. [УСССРЯ 1983: 398]. Между тем, многозначное слово *пойти* имеет вторичное значение «Начать делать что-н., начать осуществляться». В словарях оно сопровождается пометой *разг.* [ТСРЯ 2011: 681]. В рамках вторичного значения опорный компонент *пойти* может употребляться в сочетании с глаголом *работать*: *пойти работать на завод*,

пойти работать в школу [УСССРЯ 1983: 399]. В разговорной речи слово *работать* при реализации сочетания может опускаться, если смысл высказывания понятен коммуникантам из ситуации.

Опорное слово *образование* во вторичном значении «Совокупность знаний, полученных в результате обучения» [ТСРЯ 2011: 545] регулярно используется в сочетании с прилагательными *начальное, среднее, высшее, специальное, профессиональное* [УСССРЯ 1983: 327]. Отмеченные сочетания становятся формульными, воспроизводимыми как готовые в определенных ситуациях, например, при заполнении анкетных данных, необходимых для приема на работу; при свободном обсуждении качества образования на разных его ступенях и др. В связи с этим в коллокации выбор одного из компонентов, являющегося «семантической доминантой, осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого для передачи смысла всего выражения» [Палийчук 2022: 22].

Коллокация «рассматривается как статистически <...> устойчивое сочетание», которое может быть как «фразеологизированным, так и свободным» [Павельева 2016: 56; см. также: Захаров, Хохлова 2010: 138]. При этом «коллокация может предсказать окружение главного слова» [Палийчук 2022: 21].

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – надежный источник данных об устойчивости воспроизводимых языковых единиц в соответствии с критерием частотности. Для выделения коллокаций в корпусе (НКРЯ) нужно задать ключ (опорный компонент) и коллокат (предсказуемый компонент) [См.: Поиск коллокаций: Электр. ресурс]. Ключевой статус опорного компонента поддерживается заданной сочетаемостью [См.: Хохлова 2010].

С опорой на статистические данные в корпусе высказываний выделяются словосочетания, обнаруживающие тенденцию к совместной встречаемости компонентов в заданной последовательности. Приведем отдельные примеры сочетаний и оборотов, зафиксированных нами в процессе анализа тематически целостных фрагментов диалогов и полилогов.

По данным НКРЯ¹ (дата обращения: 01.06.2024), зафиксированы сведения о частотности отдельных устойчивых единиц русского языка: *ничего делать* (2959 употреблений); *полное отсутствие* (2191); *любить друг друга* (1985); *по всему миру* (1411); *место работы* (1363); *на первом месте* (1278); *главное дело* (1261); *до конца дней (своих)* (1261); *платить деньги* (1119); *развитие науки* (954); *музыкальная школа* (903); *выйти на работу* (859); *вступительные испытания / экзамены* (853); *зеленый цвет* (850); *с первых дней* (803); *маленький рост* (777); *сельская местность* (751); *точные науки* (705); *устраиваться / устроиться на работу* (670); *делать правильно* (600); *кому не повезло / повезет* (535); *копить / накопить деньги* (508).

Можно согласиться с тем, что «наблюдаемая совместная вероятность встречаемости компонентов сочетаний будет много больше, чем случайная» [См.: Хохлова 2008: 346]. «Словосочетания, у которых значение принимает наибольшую величину, обладают ограниченной сочетаемостью» [Там же: 347]. По наблюдениям специалистов, «существующие словари устойчивых словосочетаний, во-первых, охватывают далеко не полный их перечень, во-вторых, часто делают это недостаточно последовательно» [Там же: 345]. Отмечается отсутствие четких границ между коллокациями и фразеологическими единицами [См.: Хохлова 2010: 10].

В процессе анализа диалогов и полилогов мы выделяем частотные устойчивые единицы, зафиксированные словарями и воспроизводимые как готовые в живой разговорной речи горожан-уральцев и приводим также отдельные примеры узуальных сочетаний и оборотов, которые стали устойчивыми, но словарями не зафиксированы (*первый мужчина, приёмные родители, однополые браки, тестовая система, начальное звено, вести хореографию, градообразующее предприятие, тринадцатая зарплата, длинные патлы, делать наколки, внедрять фигию, срезать зарплату* и др.)

Фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологически связанные сочетания слов (фразеологические сочетания),

¹ Частотность словосочетаний указывается с опорой на базу данных «НКРЯ» (<https://ruscorpora.ru>).

фразеологические выражения, а также коллокации – частотные, воспроизводимые в готовом виде аналитические сочетания слов, характеризующиеся устойчивым компонентным составом, образуют систему устойчивых единиц русского языка. В процессе анализа диалогов и полилогов, включающих устойчивые единицы, нами используется подход, основу которого составляют универсальные признаки воспроизводимости, частотности, а также предсказуемости совместной встречаемости компонентов сочетаний и выражений.

В специальной литературе наметилось узкое понимание фразеологии: фразеологические единицы, функционирующие в речи как языковые единицы, рассматриваются в качестве потенциального «эквивалента слову» [Шанский 1996: 4; Смирницкий 1998: 208; Семенова, Немчинова 2019: 110–111] «в плане их отношения к языку и речи» [Белоусова 2015: 150]. Фразеологизм, как и слово, используется в речи как языковая единица, выполняющая функцию номинации. В этой связи Э. В. Кузнецова подчеркивает, что «в отличие от свободных словосочетаний значение фразеологизма идиоматично, и в этом фразеологизм сближается со словом, семантическая природа которого в принципе идиоматична» [Кузнецова 1989: 195]. В процессе интерпретации фразеологизмов, эквивалентных слову, необходимо учитывать их денотативную отнесенность, а также коннотативную наполняемость. В этой связи целесообразно использовать понятие «семантическая структура», т. е. строение отдельного значения [См.: Матвеева 2010: 406], которое устанавливается на основе «компонентного семантического анализа, т. е. семного анализа» [Там же]. Значение, «интерпретированное через словарное толкование» [Купина 1983: 67], «выступает как денотативное компонентное значение, так и во многих словах и фразеологизмах как коннотативное компонентное значение» [Там же: 180]. Значение однозначного слова и фразеологизма представляет собой «совокупность отдельных компонентов (сем)» [Там же: 181]. Значение многозначного слова и фразеологизма формируется на основе «каждого отдельного значения», т. е. «лексико-семантического варианта» [Там же],

обладающего спецификой семного состава. Отмечается, что многозначность предполагает наличие двух и более лексико-семантических вариантов (семем). Реализация лексико-семантического варианта задана определенным контекстом.

Очевидно, что единицами системы языка являются как слово, так и фразеологизм, служащие «для наименования элементов действительности: предметов, процессов, признаков, ситуаций, свойств» [Матвеева 2010: 423], используемые как «языковые знаки для передачи определенной информации» [См.: Жеребило 2010: 111; 481]. Языковой знак – двусторонняя единица, выступающая как единство означающего и означаемого [Соссюр 1999: 70; см. также: Холодович 1977: 17]. «Означающее (обозначающее, воспринимаемое) – морфонологическое и морфосинтаксическое выражение означаемого» [Ахманова 2007: 264]. Иначе говоря, это внешняя, материальная, физическая форма знака. Означаемое (обозначаемое, понимаемое, подразумеваемое) рассматривается как «смысло-содержательная сторона знака языкового» [Матвеева 2010: 242], «предмет мысли, отражение в сознании предметов, качеств и процессов реального мира» [Ахманова 2007: 264]. Иными словами, это внутренняя, семантическая, мыслительная составляющая сторона знака.

Соотношение «формы и значения» [Соссюр 1999: 111–115] закреплено в системе языка.

Отражает особенности мировосприятия носителей национального языка «внутренняя форма» [Гумбольдт 1984: 100], т. е. «признак, который лег в основу» [Матвеева 2010: 55] наименования – как слова, так и фразеологизма. Как отмечает А. А. Потебня, внутренней формой называют представление в «содержании мысли к сознанию, т. е. рефлексии человека над собственными мыслями. Она показывает, как представляется человеку его собственное стремление к мысли» [Потебня 1989: 98]. В рамках отдельного знака (слова, а также фразеологизма) «внутренняя форма» трактуется как инструмент отражения мира и осуществления «логических операций в языковом сознании» [Гальперин 1971: 79]. Живой внутренней формой, «ближайшим этимологическим значением» [Потебня 1989: 160] обладают фразеологические

единства.

Важным в процессе лингвистического анализа является разграничение понятий «значение» и «смысл». Постановка данной проблемы осуществляется в трудах Г. Фреге, который предложил логическое основание для разграничения значения и смысла применительно к «слову и предложению» [См.: Успенский 1997: 351–352]. Значение – это «план содержания языкового знака», «отображение той или иной реалии (предмета, признака, действия и др.) в языке» [Матвеева 2010: 197]. Значение фразеологизма фиксируется специальными фразеологическими словарями [ФСРЯ 1968; УСССРЯ 1983; Мелерович, Мокиенко 1997; ФССРЛЯ 2004; ФСРЛЯ 2008; ФССРЯ 2014 и др.]. Не утрачивает актуальности проблема выявления типов значения фразеологизма – основного и производного (вторичного) [Матвеева 2010: 181].

Смысл – это содержание данного языкового знака в речевом контексте. Смысл фразеологической единицы может быть реализацией значения; может быть уже или «шире и богаче, чем языковое словарное значение» [Купина 1983: 67]; может «представлять собой качественно иное соотношение сем, чем языковое словарное значение» [Там же: 73]. «В одной операции слово выступает с одним значением, в другой оно приобретает другое значение» [Выготский 1934: 305]. «Смысл связан с личностным субъективным опытом <...> и конкретной ситуацией общения» [Попова, Стернин 2001: 19]. В отдельных случаях общепонятное значение «в результате речепорождения» [Попова, Стернин 2001: 32] приобретает индивидуальный смысл. Последнее характерно для текстов воздействующих стилей речи (литературно-художественного, публицистического, разговорного). В основе взаимоотношений смысла и значения лежит общий «принцип координации общего и отдельного» [Купина 1983: 66]. Во всех случаях смысл устойчивой единицы «никогда не отрывается от языкового словарного значения, сколь бы индивидуальным он ни был» [Там же: 75]. Для нас важно подчеркнуть, что смысл полностью раскрывается только «в определенной ситуации речи» [Ахманова 2007: 90]. В межличностном общении словарное значение устойчивой единицы и ее смысл обнаруживают

органическую связь. При интерпретации смысла анализируемой единицы следует учитывать указательный контекст, позволяющий уточнить смысловое наполнение языкового знака.

Совпадение смысла и значения «свидетельствует об автоматической реализации языковой семантики, об «исполнении репертуара языка» [Купина 1983: 67]. Реализация языковой семантики репродуцирует функцию семемы, способствует закреплению значения слова, а также устойчивой единицы. Актуализация определенного набора сем (компонентов значения) в конкретном контексте в совокупности с семантическими компонентами, наводимыми контекстом и коммуникативной ситуацией [См.: Стернин, Саломатина 2011: 25], обеспечивает понимание конкретного смысла участниками общения, поэтому основой описания плана содержания языкового знака является «семное описание значения» [Там же: 6]. «Компонентный анализ значения контекстуально реализуемого слова», а также фразеологизма [Там же] способствует корректности фиксации компонентов – составляющих смысла реализованной единицы.

«В пределах структуры многозначного слова, а также многозначного фразеологизма» [См.: Стернин 1979: 6–11], «языковой знак, зафиксированный словарем, следует осознавать как единство взаимосвязанных <...> вариантов» – семем [Там же: 11].

В каждом конкретном случае, в зависимости от сложившейся речевой традиции, и отдельное слово, и фразеологизм толкуются словарями либо как однозначные, либо как многозначные – в последовательности основного (первичного) и производного (вторичного) значений. Например: *курилка* 1. (разг.) «Курительная комната»; 2. *жив курилка!* (разг. шутл.) – «Все еще существует, цел» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]. Фразеологические словари отражают только фразеологически связанную сочетаемость. Так, в словаре под редакцией А. И. Молоткова отмеченный выше фразеологизм толкуется в единственном значении – «Кто-либо существует, действует, проявляет себя» [ФСРЯ 1968: 217]. Свободная лексическая сочетаемость

фразеологическими словарями не фиксируется. Опорное слово фразеологизма обеспечивает восприятие его значений, понимание основы образности. Например, фразеологизм *валять дурака* [ФСРЯ 1968: 55] употребляется в следующих лексико-семантических вариантах: 1. «Дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками»; 2. «Делать глупости; Поступать не так, как следует»; 3. «Притворяться глупым, непонимающим»; 4. «Праздно проводить время; Бездельничать». В каждом значении закреплено заданное опорным словом *дурак* сопоставление с поведением, характерным для «глупого человека, глупца» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]. Фразеологизм может включать два и более значений, образующих семантическую подсистему. «Первичный и производные (основной и периферийные; элементарный и предельные)» варианты [См.: Стернин 1985: 44; см. также: Новиков 1982: 117], каждый из которых характеризуется особой структурой сем, фиксируются фразеологическими словарями.

Фразеологизмы в меньшей степени, чем лексемы, склонны к многозначности. Так, в толковом словаре слово *труд* отмечено в пяти значениях [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]: 1. «Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей»; 2. «Работа, занятие»; 3. «Усилие, направленное к достижению чего-н»; 4. «Результат деятельности, работы, произведение»; 5. «Привитие умения и навыков в какой профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания». Фразеологизм *давать себе труд / дать себе труд* зафиксирован в одном значении: «Считать нужным или возможным для себя делать что-либо, утруждать, затруднять себя чем-либо» [ФСРЯ 1968: 125]. Во всех случаях анализ лексемы и анализ воспроизводимого несвободного устойчивого сочетания в речи следует осуществлять с учетом многозначности. Необходимо подчеркнуть, что в словарном толковании отдельного значения фразеологизма содержатся дифференциальные семы, уточняющие идентификатор. В речи семный «выбор» осуществляется в зависимости от особенностей денотата и определяется

контекстными факторами» [Кузнецова 1989: 120].

Отдельное значение представляет собой «совокупность особым образом организованных сем» [Матвеева 2010: 405]. Термин «сема» впервые был выделен В. Скаличкой [См.: Гулыга, Шендельс 1976: 294]. «Сема – это минимальный семантический признак» [Стернин 1979: 6], «минимальный выделяемый смысловой элемент содержательной структуры слова» [Алефиренко 2005: 198], «элементарный компонент лексического значения» [Матвеева 2010: 405]. Из отмеченных дефиниций следует, что сема выделяет отдельный признак обозначаемого.

З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают предметную (денотативную) отнесенность и коннотативные компоненты значения в составе языкового значения и в речевом употреблении.

Предметные значения, т. е. именованья отдельных явлений реальной действительности «(не только объектов, доступных непосредственному восприятию, но и идеальных предметов – отвлеченных понятий определенной степени абстракции)», в целом обозначает денотат [Кузнецова 1989: 18–19; см. также: Фреге 1997: 354–355; Фреге 2000: 231; Архангельский 1964: 219]. «Отличительный признак денотата», как отмечалось, фиксируется дифференциальной семой [См.: Контрастивная лексикология и лексикография 2006: 30].

Семная структура значения, зафиксированного словарем, включает идентификатор, денотативные семы, дифференциальные семы и семы коннотативные. Из этого следует, что исследование семной структуры языкового значения предполагает выделение компонентов этого значения. Например, в словарном толковании однозначного фразеологизма *пялить глаза* в значении «Пристально, упорно, напряженно смотреть на кого-либо или на что-либо» [ФСРЯ 1968: 373] идентификатор ‘смотреть’ уточняется дифференциальными семами ‘на кого-либо’, ‘на что-либо’. В толковании выделяются эмоционально-оценочные коннотативные семы ‘пристально’, ‘упорно’, ‘напряженно’. В составе толкования идентификатор является указателем денотата;

дифференциальные семы выступают как «конкретизаторы» [Купина 1983: 74]. Коннотативные семы способствуют формированию эмоциональной оценки обозначаемого. Проявление интенсивности эмоций обуславливает выделение параметрического компонента значения.

Отдельный фразеологизм может иметь одно и более значений; значение, составляющее план содержания фразеологизма, включает взаимосвязанные семы. Например, в словарном толковании многозначного фразеологизма *волчий билет* в основном значении «Документ, закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение и т. п.» [ФСРЛЯ 2008: 23] идентификатор 'документ' уточняется дифференциальными участками толкования 'закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение'. Во вторичном значении – «Резко отрицательная характеристика о работе кого-либо» [Там же] – идентификатор 'характеристика' уточняется дифференциальной семой 'о работе'. Во вторичном значении выделяется оценочный, параметрический компонент 'резко отрицательная', выражающая негативное отношение субъекта к обозначаемому.

«Денотативный компонент значения – это часть значения знака» [Стернин 1985: 48], «в обобщенной форме обозначающая предмет и явление реальной действительности» [Стернин 1979: 35]. Основная черта денотативного компонента значения – «отнесенность к предмету внеязыкового характера» [Там же: 32], т. е. предметная соотнесенность языкового знака с лицом, действием, состоянием, ситуацией. Денотативный компонент значения фразеологической единицы – это ее «логико-информационное (предметное) содержание» [Эфендиева 2001: 17; см. также: Михайлова 1998: 72–73; Уфимцева 1986: 24], рассматривающееся как основная часть толкования в словарной дефиниции. «Интегральные семы выступают как общие для значений группы слов» [См.: Стернин 1985: 46; см. также: Язык и национальное сознание 2006. Вып. 8: 71] и групп фразеологических единиц.

«Дифференциальные семы различают значения сравниваемых слов и фразеологизмов; в группе они выполняют различительные функции» [См.:

Стернин 1985: 46; см. также: Язык и национальное сознание 2006. Вып. 8: 71]. Так, например, выделяется группа фразеологических единиц русского языка, номинирующих и характеризующих человека. Отдельные подгруппы фразеологизмов могут выделяться на основании наличия в их составе единого опорного слова. Например, в группу фразеологических единиц с зооморфной образной основой входят атрибутивные сочетания со словом *курица* (*мокрая курица*; *слепая курица*). В толкованиях имеется общая интегральная сема 'человек'; в каждом отдельном случае выделяются семы, характеризующие физические недостатки: *слепая курица* – «О близоруком, плохо видящем человеке» [ФСРЛЯ 2008: 334]; характеризующие недостатки психологические: *мокрая курица* – «Безвольный, бесхарактерный человек, размазня» [Там же].

По отношению к определению термина «коннотация» выделяются узкий и широкий подходы. Узкое понимание [Арнольд 1970; Кругликова 1988; Лукьянова 1986; Матвеева 1986; Стернин 1985; Телия 1981, 1986; Шаховский 1983] отличается трактовкой коннотации как дополнительных элементов, выражающих «отношение, эмоции, оценку субъекта речи к обозначаемому» [Михайлова 1998: 74]. Широкое понимание [Апресян 1995; Говердовский 1982; Комлев 1969; Шмелев 1977а] отличается трактовкой коннотации как «ассоциативно-смыслового отношения слов в системе языка» [Шмелев 1977а: 22]. Со словесным знаком связаны «культурные представления и традиции», «практики использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [Апресян 1995: 67–68]. В рамках узкого подхода коннотативный компонент значения – это «семантика антропометрического отношения к действительности, факультативная часть значения, вбирающая в себя информацию эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического (последнее принимается не всеми учеными) планов» [Михайлова 1998: 73]. Учитывается окраска языковой единицы «узуального или окказионального характера» [Культура русской речи 2003: 265]. Экспрессивные единицы языка обладают как денотативным, так и коннотативным участками значения. Специально выделяются эмоционально-экспрессивно окрашенные устойчивые

единицы [См.: Купина, Матвеева 2013: 49], складывающиеся в особый стилистический пласт выразительных средств русского языка.

Коннотативные семы обеспечивают экспрессивную функцию «в ходе употребления языковой единицы, а затем закрепляются за нею» [Купина, Матвеева 2013: 49]. В ряде случаев (например, в приведенных выше толкованиях значений фразеологизмов с опорным словом *курица*) оценочный и эмоционально-экспрессивный компоненты выступают как дифференцирующие идентификационный (денотативный) компонент значения. В составе высказываний подобные фразеологизмы выступают в функции «характеризующих предикатов» [Матвеева 2013: 59; см. также: Арутюнова 1988]: – *Тожже сюрприз. Считался он боевым командиром, а оказался мокрой курицей* [Степанов 1978. Т. 2: Электр. ресурс]. В высказывании передается индивидуально-оценочное восприятие человека, утратившего чувство самостоятельности, мужского достоинства. В толковании значения фразеологизма *мокрая курица* с помощью коннотативных сем уточняется идентификатор ‘человек’, а также передается отрицательное отношение к обозначаемому. Коннотативный компонент значения фразеологической единицы, сопровождающий денотативную часть значения, актуален для речевого общения.

С опорой на узкое понимание коннотации специально выделяются компоненты «эмотивный, оценочный, параметрический», создающие «многомерный функциональный потенциал экспрессивных средств» [Купина, Матвеева 2013: 49; 54–58; см. также: Матвеева 2013: 45; Телия 1998: 236]. Параметрический компонент, сочетающийся «с эмоциональным и оценочным», указывает на «предельную, значительно превышающую или, напротив, существенно пониженную меру какого-либо признака предмета» [Матвеева 2010: 156]. Исследователи выделяют не только «эмоциональный, оценочный», но и «функционально-стилистический» компонент коннотации [Арнольд 1970: 87–90; см. также: Мелерович 1979: 16–18].

В широком понимании коннотация включает «дополнительные смыслы,

связанные с традициями употребления, этнокультурной информацией», т. е. исторический, культурный компоненты [Говердовский 1982: 213–214; см. также: Матвеева 2010: 154–155; Матвеева 2013: 46; Купина, Матвеева 2013: 58]. В то же время лексикографы разрабатывают технологию культурно-исторических справок. Так, в словаре под редакцией А. И. Молоткова находим специальные комментарии, которые прилагаются к толкованию. Например, культурно-историческая справка к фразеологизму *аркадская идиллия*: «От названия Аркадии – центральной гористой части Пелопоннеса, население которой в древности занималось скотоводством и земледелием и которая в классической литературе 17–18 веков. изображалась как счастливая страна, где люди живут безмятежной, беззаботной жизнью» [ФСРЯ 1968: 181]. Кроме того, выделяются компоненты – стилевой, образный, гонорифический [Матвеева 2010: 156–157].

Оценочно-эмотивные, стилистические, параметрические «компоненты экспрессивности в составе значения» позволяют выделить особый класс эмоционально-экспрессивных единиц языка [См.: Матвеева 2013: 36], которые называют «экспрессивами» [Химик 2004: 5]. В составе лексикографического толкования коннотативные семы могут быть вербализованы или же выделены с помощью особых словарных помет, которые выступают как знаки особой семантической нагрузки языковой единицы [См.: Химик 2004], маркируют стилистическую окраску.

Словарные пометы позволяют установить разные виды стилистической маркированности фразеологических единиц: уточнить их социальную (*прост.*, *жарг.*, *обл.*); функционально-стилевую (*науч.*, *публ.*, *религ.*, *разг.*) принадлежность; эмоционально-оценочную отрицательную окрашенность (*неодобр.*, *пренебр.*, *презр.*, *уничиж.*, *груб.*, *бран.*, *фамильярн.* и др.); положительную эмоциональную оценку (*одобр.*, *ласк.*, *уваж.*, *почтит.*, *восторж.* и др.). Толкование отдельного значения может сопровождаться двумя и более пометами. Например, фразеологизм *чёрту брат* – «Нелюдимый, суровый, угрюмый человек» [ФСРЛЯ 2008: 38] сопровождается пометами *прост.*, *неодобр.* С помощью первой пометы выделяется принадлежность

единицы к нелитературной подсистеме языка: сочетание употребляется в городском просторечии; с помощью второй пометы обозначается эмоционально-экспрессивная окраска и одновременно – отрицательная оценка.

«Эмоциональное отношение к объекту выливается в эмоциональную оценку этого объекта, т. е. оценку, основанием которой является эмоция» [Матвеева 2013: 34]. На шкале оценок расположены устойчивые единицы с положительной, негативной и нейтральной оценочностью. Отсутствие в словарях эмоционально-оценочных помет свидетельствует о нейтральной оценочности. Соответственно, пометы, сопровождающие эмоционально-оценочные толкования фразеологических единиц, разделяют на положительно- и отрицательно-оценочные. Отдельные примеры:

Фразеологическая единица с негативной оценкой: *плевать в потолок* – «Совсем ничего не делать. Бездельничать» [ФСРЛЯ 2008: 473]. Толкование в словаре сопровождается пометой *пренебр.*, с помощью которой передается неодобрительное отношение к безделию. Фразеологическая единица с положительной оценкой: *засучив рукава* – «Усердно, старательно, энергично (работать)» [Мокиенко, Никитина 2007: 585]. Специальная помета *одобр.* демонстрирует эмоционально-оценочный компонент. Одобряется трудолюбие. Лень, безделие, намеренное уклонение от трудовой деятельности осуждаются.

В ряде случаев оценка воспринимается в контексте затекстовой ситуации: *Брать сторону* (террористов) [ФСРЯ 1968: 47] – негативная (неодобрительная) оценка; *Взять сторону* (обиженных и угнетенных) [Там же] – позитивная (одобрительная) оценка.

Фразеологизм, «зарождающийся на пересечении языка и культуры», понимающийся как «знак вербального кода, превращается в знак вербального кода культуры» [Ковшова 2016а: 70; Ковшова 2016б: 481; 493]. Интерпретация коннотации фразеологической единицы приобретает особую важность для инофона, который стремится к пониманию ментальных особенностей национального мировосприятия носителей русского языка и культуры. В языкознании изучение фразеологии тесно связано с выявлением представлений

о фразеологизме как особой устойчивой единице, отражающей ментальные, в том числе аксиологические, особенности национальной культуры.

Лингвисты рассматривают денотативную отнесенность устойчивой единицы и ее коннотативные особенности как взаимосвязанные понятия. Смысл устойчивых единиц обогащается семами – денотативными, коннотативными. Для интерпретации смысла устойчивой единицы требуется указательный контекст.

Устойчивые единицы как вербальные средства используются в спонтанном речевом взаимодействии коммуникантов. Эмоционально-оценочная функция нередко оказывается более значимой для участников общения, чем функция сообщения, а коннотативная составляющая семантики устойчивых единиц «выступает как абсолютная ценность» [Винокур 1993а: Электр. ресурс]. В то же время открытым остается вопрос об «аксиологическом статусе» устойчивой единицы [См.: Складаревская 2019: 57].

1.2. Аксиологическая составляющая семантики устойчивых единиц

В гуманитарных исследованиях со времен Сократа «антропоцентризм понимается как воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания» [ФЭС 1983: 30]. Выбор объектов антропоцентрического анализа, выступающего как особый принцип, связан с «его ролью для человека, его назначением в жизнедеятельности, его функцией для развития человеческой личности и его усовершенствованием» [Кубрякова 1995: 212]. Антропоцентрический анализ предполагает путь «от человека к миру» [Борзенков 2001: 39]. На рубеже XX–XXI веков наблюдается тенденция к тесному взаимодействию различных отраслей гуманитаристики, ориентированных на изучение окружающей действительности через субъект – человека в качестве «носителя определенного отношения к реальности, бытию, миру, в котором он живет и который соотносит со своими социально-культурными потребностями, интересами, идеалами» [Каган 1999: 37–38].

Принцип антропоцентризма в лингвистике утверждается как основополагающий [Арутюнова 1999; Воркачев 2005, 2007; Гумбольдт 1985; Карасик 2004а, 2004б; Караулов 1991; Кубрякова 1995; Седов 2016; Степанов 2004; Тань Аошуан 2004; Телия 1996; Шмелев 2002; 刘宏 Лю Хун 2012; 王加兴 Ван Цзясин 2014; 吴军 У Цзюнь 2006; 赵爱国 Чжао Айго 2012 и др.].

Задачи антропоцентрических исследований в лингвистике направлены на рассмотрение «человека в его способности к коммуникации» [Седов 2016: 29]. «Ценностная стабильность позволяет толковать антропологические многообразия как безусловно рациональные» и, следовательно, воспроизводится, фиксируется в языке и речи [Ильин 2005: 20]. Следует признать, что в настоящее время актуален антропоцентрический подход к интерпретации языковых явлений, в частности устойчивых единиц, каждая из которых понимается как двусторонний знак, отражающий «самостоятельные духовные ценностные предпочтения носителя национального языка, воззрения народа» [Ларин 1977б: 156; см. также: Архангельский 1978: 11].

Следует отметить, что в силу социокультурных изменений конца XX века произошла трансформация определенных ценностных ориентаций российских граждан, в том числе «уменьшение приоритета коллективистских и увеличение доминирования индивидуалистических ценностей» [См.: Грищенко 2020: 242–245]. В массовом сознании происходит переосмысление системы ценностей. Наблюдается отказ от идеологических мифов, рациональное осмысление ценностей в контексте актуального времени. Выделяются два аксиологически различных типажа. Один из них связан с «рациональной моделью ценностей западного типа; другой – с традиционной российской ментальностью» [Жапуев 2008: 6].

Аспекты базового терминологического понятия «ценность» многочисленны и разнородны. В русистике и китаистике исследование ценностей проводится с опорой на труды мыслителей и ученых, изучавших ценностные предпочтения и отталкивания как вневременные и обусловленные социокультурным контекстом определенного времени [Анисимов 2001; Бахтин

1994; Бердяев 1997; Дементьев 2013, 2016; Ильин 2005; Каган 1999; Купина 2021; Ларина 2011; Леонтьев 2000; Лосский 1931; Рыбаков 1997; Столович 1997; Шулежкова 2019; 李连科 Ли Ляньке 1991; 李建群, 周树智 Ли Цзяньцюнь, Чжоу Шужи 2012; 张岱年 Чжан Дайнянь 1947; 赵馥洁 Чжао Фуцзе 1991]. «Ценность – это высший предел» [Лосский 1931: 78], относящийся к тому, «что быть должно», т. е. к «миру должного», к миру «идей полноценного, святого, доброго и прекрасного» [Серебренникова 2011б: 27], определяющий «смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [Там же: 5]. Универсальными ценностями являются «личность человека, его жизнь, свобода, достоинство, благосостояние, счастье» [См.: Тугаринов 1960].

Аналогичные философские подходы к интерпретации ценностей существуют в китайском научном дискурсе. «以社会理想的形式存在的价值是任何现象、事件、过程对主体的生命活动的意义。价值是评估这种意义的标准和方法，其表现为道德原则和规范、理想、态度、目标» (Ценность, существующая в форме общественных идеалов, – значимость какого-либо явления, события, процесса для жизнедеятельности субъекта) [李连科 Ли Ляньке 1991: 77]. В китайской традиционной философии представителями являются Конфуций (孔子), Лаоцзы (老子) и Чжуанцзы (庄子), которые выдвинули три принципа ценностей: Истина (真), Добро (善), Красота (美) [См.: 张岱年 Чжан Дайнянь 1947]. По мнению Конфуция, истина относится к категории познавательной ценности, доброта – к категории поведенческой ценности, красота – к категории художественной ценности.

Конфуций разделил ценности на благожелательность (仁), праведность (义), благопристойность (礼), мудрость (智) и верность (信) [См.: 赵馥洁 Чжао Фуцзе 1991], среди которых благожелательность рассматривается как традиционная базовая ценность, а также универсальная национально-культурная константа. В китайском классическом труде – «Сань цзы цзин» выделяется учение 人之初, 性本善 (Человек от рождения по природе своей добр) [См.: 张岱年 Чжан Дайнянь

1947: 124]. Подчеркивается представление о добре как дарованной свыше врожденной ценности, составляющей сущность человека. Следуя руководящим ценностям, человек становится совершенным и «благородным мужем» (君子), противостоящим действующему лицу – «низкому человеку» (小人) [Тань Аошуан 2004: 115]. В китайской картине мира благожелательность, имеющая «крайнее положительное значение на шкале аксиологии» [Тань Аошуан 2004: 112], достигается «путем воспитания в нем этических норм и ритуала» [Там же: 98]. В китайском классическом труде – «Дао-Дэ цзин» Лаоцзы выдвинул значимое мнение 上善若水 (Высшая добродетель подобна воде), связанное с такими ценностями, как человеколюбие, дружелюбие, скромность, искренность. Культурно-специфическим образом является *вода*, воспринимающаяся в качестве объекта невидимого и вечного, который предшествует различению Неба (天) и Земли (地) [См.: Там же]. Чжуанцзы предложил оппозиции ценностей – правильное и неправильное (是非), истина и ложь (真伪), добро и зло (善恶), красота и уродство (美丑) [См.: 赵馥洁 Чжао Фуцзе 1991: 72]. В российских и китайских исследованиях существует сходство.

В рамках лингвистических исследований понятие «ценность трактуется как идеальное образование, закрепленное в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированное в языке этого этноса, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007: 93]. Ценности словесно проявляются через речевое воплощение аксиологических предпочтений и отталкиваний носителей общенационального языка.

Ценность имеет конвенциональный характер. Конвенциональные ценности – это «утверждённый контекст ценностей», «совокупность ценностей, ценных для всего исторического человечества» [Бахтин 1994: 46–47]. В этой связи особо выделяются базовые, универсальные ценности. Основные сферы универсальных ценностей – экономическая, материальная, политическая,

социальная, религиозная, гражданская, интеллектуальная, витальная, духовная (нравственная, моральная), эстетическая [См.: Анисимов 2001; Каган 1999]. К базовым ценностям традиционной русской культуры относятся «оптимизм, доброта, духовность, всепрощение, скромность, бескорыстие, гостеприимство», «любовь к большому пространству и дикой природе» [См.: Бердяев 1997: 245–412].

Классификации ценностей в философских трудах проводятся на различных основаниях. Так, в соответствии с типологией, разработанной Н. О. Лосским, выделяются ценности «первичные» и «производные»; «абсолютные» и «относительные»; «положительные» и «отрицательные»; «основные» и «служебные» (вспомогательные) [Лосский 1931: 64–84]. Отмечается, что «важнейшая задача аксиологии состоит в установлении существования абсолютных ценностей» [Там же: 64], которые «активны, помогают осмыслить мир в его различных оттенках» [Рыбаков 1997: 107].

«Коммуникативные ценности», обозначенные Ю. Г. Вешнинским [См.: Вешнинский 2005], «выступают как регуляторы общепринятого нормативного коммуникативного поведения (вербального и невербального), характерного для членов определенного этнокультурного социума» [Ларина 2011: 150].

Опираясь на лингвистический подход, Е. Ф. Серебренникова включает «ценности в различные области [Серебренникова 2011б: 29]: 1 «область истины (ценность выводится в терминах «истинно / ложно»)»; 2 «область прекрасного (ценность определяется в терминах «прекрасное / уродливое»)»; 3 «область этики (ценность выводится в терминах «хорошо / плохо»)»; 4) «область удовольствия (ценность определяется в терминах «приятное / отвратительное»)»; 5 «область практической пользы (ценность определяется в терминах «полезно / бесполезно / вредно» [Серебренникова 2011б: 29]. Следует подчеркнуть, что устойчивые единицы, характеризующиеся аксиологическим потенциалом, демонстрирующие ценностные ориентации говорящего, актуальные в процессе речевого общения, трактуются как знаки «коммуникативных ценностей» [Дементьев 2013, 2016; см. также: Ларина 2009:

43–51].

Отмеченные разновидности ценностей сохраняются в памяти человека, отражаются и повторяются в различных ситуациях речевой коммуникации [См.: Карасик 2004а: 50].

«Любое явление может быть классифицировано как благо – то есть имеющее положительную ценность, или как зло – то есть отрицательно-ценное» [Василенко 1964: 6]. При этом каждая ценность противопоставляется антиценности. Термин «антиценность» [Марьянчик 2013: 248] используется «для обозначения негативных понятий» [См.: Ивин 2004а: 968–969]. Выделяются «конвенциональные антиценности» [Байрамова 2011: 11]. Философы изучают ценности положительные; лингвисты – номинации ценностей и номинации антиценностей.

Приведенные классификации способствуют осмыслению ценности как явления социального, проявляющегося в разных сферах человеческой деятельности, а также в персональных личных предпочтениях, установках и суждениях. Предполагается, что ценности, в зависимости от коллективного и субъективного восприятия, могут быть положительными и отрицательными (позитивными и негативными). Отдельное явление может не иметь ценностного измерения.

Оценка как форма существования ценностей «есть не что иное как осознание ценности» [Василенко 1964: 6], «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность объекта» [Ивин 2004б: 623]. «Конвенциональные ценности и антиценности нуждаются в оценке» [Байрамова 2011: 11].

В лингвистических трудах оценка выражает «ценностное отношение субъекта и связана с аксиологической категорией ценности» [Вольф 1985: 5–8; см. также: Ивин 1970: 11]. Оценка, являясь «семантическим понятием, представляет ценностный аспект значения языковых выражений» [Вольф 1985: 5–6], выступает как «компонент смысла слова», а также устойчивой единицы [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 14]. Классификации

оценок разнообразны. Выделяются узкое понимание оценки (характеристика предметов, признаков, фактов, ситуаций по признаку «хорошо – плохо») и широкое понимание оценки, в соответствии с которым в сферу оценочности попадают характеристики «красиво – некрасиво», «полезно – неполезно», «истинно – ложно», «важно – неважно» и др. [Вольф 1985: 5–8]. Оценка, связанная с понятиями нормы и ценности, формируется на основе представлений, закрепленных в устойчивых единицах.

С опорой на философские основы интерпретации ценностей активно развиваются новые направления гуманитаристики [Ивин 2006: 3; Ильин 2005: 9; Гайденок 2001: 17; см. также: Мирошников 2007: 5]. Центральная идея аксиологии, составляющая основание «философии универсального гуманизма», нацелена на «разработку концепции подлинного человеческого бытия, именно, на выработанные обществом и принятые субъектом сознания ценности – ценностную ориентацию» [Серебренникова 2011а: 8, 11, 17]. Аксиология означает этику, эстетику, духовность, ценность, антиценность, оценку, ценностную значимость, ценностное значение, ценностное отношение, ценностное суждение, ценностную установку, ценностное предпочтение и отталкивание [См.: Анисимов 2001: 9, 13, 65].

В современной литературе, посвященной проблемам аксиологии, понятие «ценность» получает «широкое операциональное значение» [Барышков 2009: 4] и активно применяется в различных социальных и гуманитарных областях [См.: Ивин 2010]: собственно философской [Дробницкий 1967], культурно-социологической [Леонтьев 2000], психологической [Лебедева 2001], логической [Ивин 1970], лингвистической [Стернин 2003]. Идеи аксиологии, представляющей собой философскую науку о ценностях, в настоящее время проникают в разные сферы гуманитаристики [См.: Столович 1997: 11]. В центре внимания – «единство ценностных явлений», «классификация ценностей» [Столович: 2011: 18].

В процессе антропоцентрического поворота осуществляется взаимодействие лингвистики и аксиологии, формирование и развитие

лингвоаксиологии – самостоятельного научного направления [Карасик 2004а, 2004б; Лингвистика и аксиология 2011]. В границах лингвоаксиологии устанавливаются связи между языковой единицей и ценностью, изучается отражение ценностных категорий в системе языка и речи, выявляется соотношение категории ценности с категорией оценки. «Во все большей степени присутствуют категории, термины, связанные с аксиологией, позволяющие выйти на прояснение глубинных аспектов человека в языке – homo lingualis» [Лингвистика и аксиология 2011: 3; см. также: Карасик 2004б: 28–32]. На основе философского учения о ценностях «лингвоаксиология обнаруживает связь с учением о человеке, проявлением человеческого фактора (человеческих особенностей) в языке и речи, непосредственно отражающим ценностные предпочтения национальной культуры» [См.: Лингвистика и аксиология 2011].

Ценность и оценка, передаваемые средствами языка, составляют объект аксиологической лингвистики. Лингвистический подход предусматривает исследование знаков ценностных смыслов, закрепленных в системе языка и реализованных в речи.

Аксиологема [Кретов, Стародубцева 2016] интерпретируется как «аксиологический идеал», точнее – «вербальный знак базовой ценности» [Купина 2021: 75]. В процессе анализа мы разграничиваем «аксиологемы – номинации ценностей и контраксиологемы – номинации антиценностей, т. е. отрицательные аксиологемы» [См.: Байрамова 2011: 7]. Устойчивые единицы, номинирующие и характеризующие ментально-ценностные предпочтения, являются аксиологемами и входят в состав общенационального «аксиологического лексикона» [См.: Купина 2020: 31]. Аксиологическая маркированность отдельной единицы может быть как общезыковой, так и речевой, заданной ситуацией и точкой зрения говорящего.

Устойчивые единицы характеризуются «аксиологически заряженными понятиями, закрепленными в коллективном сознании, национальной культуре и языке» [См.: Байрамова 2012]. Базовые ценности и антиценности находят отражение в семантике устойчивых единиц. Устойчивые единицы русского

языка, выступающие в функции аксиологем или же контраксиологем, транслируют ценностные общенациональные предпочтения и отталкивания, связанные с исторически сложившимися «константами культуры» [Степанов 2004]. Устойчивое сочетание, включающее опорное слово-аксиологему, входит в аксиологический лексикон как отдельная единица.

Устойчивые единицы целесообразно интерпретировать в границах аксиологических оппозиций [Байрамова 2011]. В группе витальных ценностей выделяются аксиологические оппозиции *жизнь – смерть; здоровье – болезнь*. В функции аксиологем выступают, например, следующие устойчивые единицы: *древо жизни, вдохнуть жизнь, дарить жизнь, давать жизнь, на склоне лет жить, вступить в жизнь, жить своим умом, делать жизнь, не хлебом единым жив человек, книга жизни, жажда жизни, активная жизненная позиция, школа жизни*. Устойчивые сочетания-контраксиологемы: *пляска смерти, смертный час, наглая смерть, черная смерть* [См.: Там же].

Аксиологемы, номинирующие ценность «здоровье»: *в добром здравии, здоров как бык, в здоровом уме, в здоровом рассудке, дышит здоровьем*. Контраксиологемы, номинирующие антиценность «болезнь»: *медвежья болезнь, болезнь века, звездная болезнь* [См.: Там же].

В группе гедонистических ценностей выделяется оппозиция *счастье – несчастье / беда*. Примеры аксиологем: *личное счастье, родиться под счастливой звездой, баловень счастья, счастливая планида выпала, ключи от счастья, составить счастье, светиться от счастья*. Примеры контраксиологем: *Беда не приходит одна, накликать беду, лиха беда начало, приносить несчастье, двадцать два несчастья, несчастливый случай* [См.: Там же].

В группе социально-утилитарных ценностей выделяется оппозиция *родина – чужбина*. Примеры аксиологем: *родимая сторонюшка, родная земля, родной край, светлоокая родина, родные пенаты, любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам*. Примеры контраксиологем: *на чужой стороне, чужбина слезам не верит* [См.: Там же].

Особо выделяется оппозиция труд / трудолюбие / работа – безделье / лень / праздность. Аксиологемы: *брать на себя труд, трудолюбивый* как пчела, *нести трудовую вахту*. Контраксиологемы: *лодырем ходить, гонять лодыря, праздновать лентяя, гуляка праздный, деловой бездельник* [См.: Там же].

Являющееся аксиологемой опорное слово устойчивого сочетания не всегда свидетельствует о том, что аксиологемой является само устойчивое сочетание. Например, устойчивое сочетание *мещанское счастье* в значении «Проникнутое духом мещанства, психологией и мелкособственнической идеологией» [ТСУ 1938. Т. 2: 207] маркировано осуждающей оценкой.

Ментальным своеобразием характеризуется поддерживаемая устойчивыми единицами оппозиция богатство – бедность. Аксиологическую подозрительность вызывают денежные накопления, добытые несправедливым путем. Как правило, иронически, с оценкой неодобрения употребляются следующие устойчивые сочетания: *денежный мешок, золотой мешок, полный карман, с толстым карманом, толстый кошелек, ворочать тысячами, купаться в золоте, купаться в деньгах, быстрые деньги, заколачивать деньги*. Сочувствие, сопереживание вызывает бедность: *беден как Лазарь, беден как церковная крыса, бедные люди, нищая братия, за чертой бедности, черта бедности, дойти до нищенской сумы* [См.: Байрамова 2011].

В группе интеллектуальных ценностей формируется оппозиция ум / талант / дар / мудрость – глупость / невежество. Устойчивые единицы-аксиологемы: *дар божий, умная голова, светлая голова, ума палата, доходить своим умом, наставлять на ум, раскидывать мозгами, здравый смысл, браться за ум, набираться ума* [См.: Там же]. Как следует из приведенных примеров, не все аксиологемы номинируют ценности, которые можно причислить к «аксиологическим идеалам». Природные дарования, ум, талант, гениальность – конструкты-идеалы. В то же время сочетания *наставлять на ум, раскидывать мозгами*, смысл которых связан с затекстовой ситуацией, нельзя безоговорочно отнести к номинациям «абсолютных идеалов».

Приведем примеры устойчивых единиц, выступающих в функции контраксиологем: *дурак ненормальный, дурья голова, глуп как баран, глуп как пробка, дурак дураком, законченный дурак, круглый дурак, отпетый дурак, глуп как сивый мерин, носиться как дурак с писаной торбой, сходиться с ума, лишаться ума, дырявая голова, язык глупого* [См.: Там же].

В группе морально-этических ценностей актуальна оппозиция *п р а в д а / истина – ложь*. Устойчивые единицы, в функции аксиологем: *чистая правда, голая правда, зерно истины, неприкрашенная правда, подлинная правда, святая истина, говорить правду в глаза, служить верой и правдой, момент истины, направить на путь истинный*. Контраксиологемы: *представлять в ложном свете, ложная наука (теория), ложный шаг, по ложной дороге идти, на ложный след навести, говорить (писать) ложь* [См.: Там же].

Нередко в составе устойчивой единицы имеется синоним к опорному слову-аксиологеме [См.: Александрова 1969: 400], а также синоним к опорному слову-контраксиологеме. Так, лексемы *истина, справедливость, правда-матка* транслируют универсальную ценность *п р а в д а*. Например: *наставлять, направлять на путь истины* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 473]; *святая истина* [Там же: 474]; *резать правду-матку в глаза* [ФСРЛЯ 2008: 573]; *отдавать справедливость кому, чему* [Там же: 444]. При этом ‘правда’ выступает как интегральная сема в составе словарных толкований, являющаяся общей для аксиологического содержания группы устойчивых сочетаний. В структуре лексико-сематических вариантов лексема *правда* имеет вторичное значение, в котором выделяются семы ‘честность’, ‘открытость’ [ТСРЯ 2011: 713]. Для обеспечения успешности коммуникации требуется соблюдение коммуникантами «правил честности, искренности и правдивости» [Шмелева 1983: 46], иллюстрированных вербальными средствами: *честно говоря, по чести сказать* [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 756, 758], *по правде говоря, правду сказать* [Там же: 102].

Опорные лексемы *неправда, брехня, вранье, враки* репрезентируют универсальную антиценность *л о ж ь*. Например: *расточать (тачать) брехню*

[Мокиенко, Никитина 2007: 60]; *вранье не введет в добро* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 178]; *Бабы **враки** – девичьи присухи* [Там же. Т. 2: 226]. Отмеченные устойчивые единицы имеют общую интегративную сему 'ложь'. Словари выделяют в толкованиях семы 'обман', 'нечестность', 'предательство'. Устойчивые единицы, включающие опорное слово-контраксиологему, обладают неодобрительной маркированностью и в большинстве случаев функционируют как самостоятельные контраксиологемы.

В группе эмоционально-утилитарных ценностей выделяется оппозиция смех / улыбка – плач / слезы. Аксиологически маркированные устойчивые единицы: *смешилка в рот попала, хохотать до упаду, голливудская улыбка, расплываться в улыбке, сиять улыбкой*. Контраксиологемы: *разразиться слезами, выплакать глаза, захлебываться слезами, изойти слезами, плакать в три ручья, плакать в голос, кровавыми слезами плакать, умываться слезами, плакать горячими слезами, крокодиловы слезы* [См.: Байрамова 2011]. В каждом конкретном случае аксиологическая составляющая смысла устойчивой единицы зависит от затекстовой ситуации, этической позволительности, норм речевого этикета.

В группе религиозных ценностей актуальна оппозиция рай – ад / грех. Аксиологемы: *земной рай, райские кущи, рай на небесах, жить как в раю*. Контраксиологемы: *исчадие ада, пройти все круги ада, ад кромешний, падет грех на голову, доводить до греха, семь смертных грехов* [См.: Там же].

Выделение отмеченных оппозиций, каждая из которых представлена в виде рядов противопоставленных устойчивых единиц, позволяет обнаружить связь их семантических интерпретаций с опорным компонентом, входящим в состав устойчивой единицы. Необходимо разграничить аксиологемы, номинирующие ценности, и контраксиологемы, номинирующие антиценности. В процессе анализа следует учитывать аксиологическую маркированность устойчивой единицы в системе языка и речевом контексте. Аксиологическое содержание устойчивого сочетания в большинстве случаев заложено опорным компонентом-аксиологемой [См.: Байрамова 2011: 9].

Языковая картина мира трактуется как «дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в значениях языковых единиц, в частности фразеологизмов, ограниченная рамками консервативной национальной культуры <...> народа» [Пименова 2005: 17; см. также Шмелев 2002: 17]. В языке закреплена система ключевых слов и устойчивых единиц, «закрывающих в себе лингвокультурные концепты, которые отражают и формируют образ мышления носителей языка» [Шмелев 2002: 12].

Концепт – «это вербализованный культурный смысл» [Воркачев 2005: 10], т. е. «семантическая единица языка культуры» [Воркачев 2007: 10]. Для слова характеризуется «существенный пласт знаний <...> такие знания могут представлять знания о концептах объектов, о концептах событий или классов ситуаций и, наконец, о концептах, которые соответствуют представлениям о последовательности событий» [Кубрякова 1995: 25]. В этой связи особую значимость приобретает выявление аксиологем, номинирующих концептуально значимые ценности, «являющиеся базовыми для индивида, определенной социальной группы лиц», носителей национальной лингвокультуры в целом [Кретов, Стародубцева 2016: 140; см. также: Купина 2020: 33].

Лексема *добро* – вербальный знак концепта, а концепт «добро» трактуется как первичная универсальная аксиологема, константа национальной культуры и ментальности [См.: Колесов, Колесова, Харитонов 2014. Т. 1: 237–240]. Ментальное своеобразие передается аксиологическим содержанием устойчивых единиц, номинирующих и характеризующих понятие «добро».

Концепт «добро» находит многогранную реализацию в семантике устойчивых сочетаний и оборотов. В двухтомном словаре под редакцией А. Н. Тихонова зафиксированы устойчивые сочетания с однокоренными опорными лексемами: *к добру не приведёт, добра не будет, слепая доброта, по доброй воле, на добровольных началах* и др. [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 336–338]. Устойчивые единицы *к добру не приведёт* в составе высказываний конкретизирует подход к добру как к реальной сущности: *Ложь к добру не*

приведёт; Увиливание от профессиональных обязанностей к добру не приведёт.

В первом случае наблюдается речедействительностный подход к речевой коммуникации. Ложь (неправда) трактуется как не совместимая с добром антиценность, приверженность к которой приводит говорящего к коммуникативным неудачам. Во втором случае оценивается неисполнение субъектом обязанностей, которые возлагаются на всех членов трудового коллектива. Коммуникативное поведение, речевые поступки, не соответствующие нормам морали и уставным отношениям, не приносят пользу, не приводят к позитивному результату. Очевидна дидактическая функция отмеченных устойчивых сочетаний и оборотов. Неодобрительную оценку, в частности, транслируют единицы, которые сопровождаются частицей *не*. Обороты, включающие сочетания *к добру не приведёт, не доведёт до добра*, приобретают вневременной характер и передают негативную оценку преднамеренного нарушения установленных норм. Одобрительная маркированность устойчивых единиц соответствует собственно аксиологическим предпочтениям (*поминать добром, от доброго сердца*).

Концепт «добро» может осмысляться в контексте движения реального времени. Например, с помощью фразеологического сочетания *не к добру* осознается реализация определенных действий, которые не могут привести к положительному результату ни в событийном настоящем, ни в ближайшем будущем; на основе фразеологизмов *добра не будет, добру не бывать, не ждать добра* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 336–338] формулируются аксиологические установки, связанные с возможностью негативных последствий произошедшего события в перспективе.

Концепт «добро» получает образное воплощение: наблюдается олицетворение: *Добро должно быть с кулаками* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 338]. Фразеологический оборот содержит утверждение, транслирующее модальность долженствования: правильный путь не бывает легким и требует защиты собственных воззрений и идеалов. Напротив, устойчивое сочетание *слепая доброта* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 362] обозначает бездумное отношение, нередко

приводящее к негативным результатам.

Добро, как было отмечено, ассоциируется с нравственной безупречностью. Человек делает добрые дела, ведомый совестью, откровенно, от души. Фразеологизмы *доброта души, душевная (сердечная) доброта, от доброго сердца* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 336–338] передают сложившиеся в национальном сознании представления о моральном совершенстве человека, его ценностных предпочтениях, о добросердечном, заботливом отношении к другим людям. Очевидно, что антропоцентризм – эмоционально-нравственный центр концепта «добро», а лексема *добро* и приведенные устойчивые сочетания являются аксиологемами.

Лексема *добро* – вершина разветвленного словообразовательного гнезда. Обращают на себя внимание сложные двукорневые образования, семантика которых позволяет выявить характерную для русской лингвокультуры связь концепта «добро» с концептами «воля», «душа», «сердце», «совесть», «порядочность», «характер» (нрав). Например: *доброволец, добровольный, добродушный, добросердечный, добросовестный, добропорядочный, добронравный* [Тихонов 1985: 335–336]. Устойчивые единицы, включающие отмеченные компоненты словообразовательного гнезда с вершиной *добро*, активно функционируют в речи: *на добровольных началах (быть, делать что-л.), (самым) добросовестным образом (делать что-л.)* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 338], *добровольное дело* [УСССРЯ 1983: 136]. В составе отдельных фразеологизмов двукорневые слова обретают формальную самостоятельность: *по доброй воле, добрый дух* [Там же: 336–338]. Во всех случаях одобрительную оценку получают благородные поступки человека – *добродетельность*, проявления положительных нравственных качеств. В то же время устойчивое сочетание *добродетель ходячая* передает ироническую оценку, относящуюся к человеку, который похвально своей добропорядочностью, тем самым нарушая конвенцию скромности.

Устойчивые единицы, связанные с системой культурных констант, носящие конвенциональный характер и формирующиеся в пределах культуры

[Красных 2011: 61–62; см. также: Березович 2007: 341; Барт 1989: 39], отражают «ценностное осмысление содержания сквозь призму установок культуры» [Телия 1996: 86; см. также: Пугач, Заметалина 2003: 49]. Несвободные устойчивые единицы могут совмещать в своей семантике собственно денотативный и коннотативный компоненты и обусловленное культурой аксиологическое содержание. В речи возникает аксиологическая оценка предмета действительности, не всегда совпадающая с системно-языковой.

Аксиологический потенциал устойчивых единиц проявляется в «их способности эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале» [Марьянчик 2005: 7]. Аксиологическая составляющая семантики устойчивой единицы выполняет регулятивную функцию, т. к. коммуникативное взаимодействие включает в себя «стремление к вербальной оценке ситуаций и лиц; степень категоричности высказываемых оценок; допустимость негативных оценок в разговоре; долю позитивных оценок в разговоре» [Стернин 2003: 11].

В речи на аксиологический статус как слова, так и устойчивой единицы «влияют разнородные факторы: ситуация употребления, контекстное окружение, иллокутивная сила высказывания» [Скляревская 2019: 19]. Лингвистический анализ предусматривает разграничение словарного значения устойчивой единицы и ее контекстуального значения с учетом собственно смысловых, стилистических и аксиологических приращений.

Выводы

В XXI веке фразеология окончательно оформилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые единицы национального языка. В науке сформировались узкий, основанный на концепции В. В. Виноградова, подход к выделению фразеологизмов, и подход широкий, в соответствии с которым к фразеологии относят воспроизводимые в готовом виде сочетания и обороты.

Фразеологизмы в узком понимании отличаются не только «устойчивостью, воспроизводимостью, но и целостностью семантики, структурной расчлененностью, постоянством компонентного состава и грамматического оформления» [Виноградов 1977б: 140–142].

Если признать, что воспроизводимость предполагает использование частотного сочетания как готового средства языковой системы, к устойчивым единицам целесообразно отнести коллокации, формульные сочетания и обороты, а также клише.

В ходе лингвистического анализа необходимо с учетом многозначности разграничивать значение – языковую семантику устойчивой единицы, зафиксированную словарем, – и смысл – содержание данной единицы в речевом контексте. В процессе анализа конкретного языкового значения устойчивой единицы следует выделять денотативный и коннотативный участки значения словарного толкования и стилистическую маркированность.

В настоящее время развивается лингвоаксиология, изучающая специфику закрепления ценностей и антиценностей. В процессе лингвистического анализа целесообразно разграничивать аксиологемы – единицы языка, номинирующие и характеризующие ценности, и контраксиологемы, номинирующие и характеризующие антиценности, а также аксиологическую маркированность устойчивой единицы.

Проблемным остается вопрос об аксиологическом статусе устойчивой единицы в речи. Решению этого вопроса будет способствовать комплексный анализ показательного эмпирического материала.

В территориальных диалектах, городском просторечии, субъязыках функционируют социально отмеченные устойчивые единицы. Поскольку, как можно гипотетически предположить, в разговорной речи проявляется «полиглотизм горожанина» (Б. А. Ларин), в речевых партиях жителей уральских городов могут быть реализованы устойчивые единицы, функционирующие в нелитературных подсистемах общенационального языка.

ГЛАВА 2. УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

2.1. Разговорная речь: аспекты анализа

Нельзя не согласиться с тем, что «язык живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка» [Сибирякова 1996: 3]. Изучение разговорной речи, которая является «основной формой существования языка, стало популярным начиная с 60-х годов XX века» [Филин 1979: 23; см. также: Винокур 1988: 47]. В 80-е годы XX века изучение разговорной речи оформилось в самостоятельное направление лингвистики, получившее название *коллоквиалистики* [Скребнев 1985], ориентированной на изучение повседневного речевого общения устной речи. В начале XXI века в связи с процессом «оразговоривания», усилением коммуникативной роли устно-разговорных форм речи, включающей обиходно-бытовую и спонтанную публичную речь, а также стилистическими изменениями, вызванными «заметным проникновением в разговорную речь элементов просторечия и жаргонов, смещением ряда экспрессивно-стилистических характеристик слов и словосочетаний» [Крысин 2008: 111–112], объектом особого внимания русистов становится разговорная речь в разных сферах языкового существования. Актуальным признается изучение лексических, в том числе фразеологических, ресурсов и особенностей стилистической маркированности средств русской разговорной речи, в частности, их лексикографического описания. Возникает необходимость оперативной фиксации изменений стилистической и аксиологической маркированности слов и устойчивых единиц.

Термин «разговорная речь» находит своё определение во многих теоретических работах и терминологических словарях. Обозначим подходы к интерпретации разговорной речи.

1. Разговорная речь определяется как «устная форма общения»

[Сиротинина 1969: 373; см. также: Земская 1968; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Химик 2004, 2014, 2016], характеризующаяся непосредственностью, неподготовленностью, непринужденностью и ситуативной обусловленностью (обиходно-бытовая ситуация). В рамках данной трактовки рассматривается не только литературно-разговорная речь, но и диалекты, городское просторечие, жаргоны, отдельные профессиональные языки.

2. Разговорная речь – это «одна из двух разновидностей литературного языка (вторая разновидность – книжно-письменная речь)», реализованная преимущественно «в устной форме», использующаяся «образованными носителями литературного языка в повседневной, неофициальной ситуации» [ТСРРР 2014. Вып. 1: 9; Розина 2015: 47; см. также: Рыжова 2003; Борисова 2009; Крысин 2008; Лукьянова 2012]. Разговорная речь трактуется как стилистическая разновидность кодифицированного языка, которая обслуживает «повседневное обиходно-бытовое общение» [Лаптева 1990: 407] и противопоставляется системе книжных стилей. Для обиходно-бытового стиля определяющей является функция общения [См.: Виноградов 1963: 6]. Мы соглашаемся с тем, что «полная изоляция разговорного языка явилась бы нарушением основного его коммуникативного назначения – обслуживать единый языковой коллектив во множестве его функций; она означала бы распад литературного языка» [Лаптева 1974: 86]. Есть основания интерпретировать «обиходную разговорную речь как сферу взаимодействия литературных и нелитературных разновидностей русского языка» [Сиротинина 1974: 34], «естественную лингвокультурную среду живого русского многоречия» [Химик 2016: 275].

В начале XXI века в связи с усилением коммуникативной роли официальной публичной речи, речи телеведущих, политиков, представителей власти [См.: ТСРРР 2014. Вып. 1: 10], по наблюдения специалистов, происходит коллоквиализация публичных сфер общения, в котором проникает собственно разговорная, а также разговорная, просторечная, жаргонная, сниженная лексика [См.: Там же: 6]. Разговорная речь в текущее время включает в себя обиходную

разговорную речь и не подготовленную заранее речь публичную. Обиходная разговорная речь «направлена на определенный узкий круг адресатов и поэтому допускает более или менее свободный выбор языковых средств в зависимости от тематики общения, от жанровых условий, от личных отношений» [Химик 2014: 463]. Специально выделяется лишенный ортологической строгости повседневно-бытовой спонтанный разговорный диалог. «Публичная разговорная речь <...> все же допускает слабосниженные» [См.: Химик 2014: 463], обеспечивающие обратную связь между говорящим и коллективным адресатом.

При отборе устойчивых единиц из словарей русского языка мы учитываем концепцию составителей лексикографического издания. Так, материалом фразеологических словарей являются сращения, единства, а также фразеологически связанные сочетания (последние фиксируются не в полном объеме). Если устойчивое сочетание отсутствует, мы обращаемся к толковым словарям и словарю сочетаемости [УСССРЯ 1983]. В них отмечена эта разновидность фразеологизмов, а также коллокации. Собственно разговорные устойчивые единицы наиболее полно фиксируются толковыми словарями разговорной речи, составленными с учетом результатов активных языковых процессов рубежа XX–XXI веков. Разработана система словарных помет, позволяющих установить стилистическое своеобразие устойчивой единицы, степень позволительности употребления воспроизводимого сочетания и выражения в конкретной ситуации общения.

Остановимся на характеристике материалов лексикографических изданий, различающихся концептуальными трактовками разговорной речи.

В. В. Химик отталкивается от широкого понимания разговорной речи. По его мнению, разговорная речь – это «разновидность, или тип общенационального языка» [Химик 2014: 462] без учета критерия кодифицированности. Разговорная речь реализуется в «устном, спонтанном, диалогическом взаимодействии и коммуникативном процессе, который может включать любые единицы: нейтральные, книжные, разговорно-литературные, а также и разные

нелитературные, вплоть до обценных» [Там же: 462–463].

В составленном В. В. Химиком «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» [2004] решается задача «систематизации стилистического поля экспрессивов, единиц, маркирующих устный дискурс, весь лексико-фразеологический континуум экспрессивной разговорной речи» [См.: Там же: 12]. Отмечается, что разговорная речь «всегда в той или иной мере сопровождается экспрессивностью» [Там же: 6]. В отмеченном словаре разграничиваются пометы эмоционально-оценочные (*одобр.*, *ласк.*, *уваж.* – выражение положительной, в том числе аксиологической, оценки; *отриц.*, *неодобр.*, *ирон.*, *насмешл.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *презр.*, *груб.*, *бран.*, *вульг.*, *нецензур.* – выражение отрицательной оценки) и пометы, выделяющие социальную отмеченность (*прост.*, *жарг.*). В процессе повседневной устной коммуникации экспрессивные слова и устойчивые единицы (*балдёж*, *сдохнуть*; *дурья башка*; *вправить мозги*; *знать тюльку*; *ни уха ни рыла*) служат для выражения говорящим эмоционально-оценочного отношения к обозначаемому. В приведенных примерах стилистическая маркированность выступает одновременно как маркированность аксиологическая. «Семантические приращения к базовому смыслу разговорных единиц обозначаются соответствующими эмоционально-оценочными пометами» [Там же: 10].

В составленном В. В. Химиком Словаре на функционально-стилистическом основании выделяются разговорно-литературные и разговорно-обиходные единицы. Экспрессивные слова и устойчивые сочетания с традиционной пометой «разговорное» (*картошка*, *вечерник*; *чемоданное настроение*; *спустя рукава*; *упаси бог*; *в самом деле*) не нарушают критерия литературности, относительно свободно используются в ходе речевого общения. Слова и словосочетания, отмеченные пометой «просторечное» (*армян*, *бабаня*; *разрази меня громом*; *заткнуть фонтан*), а также пометой «разговорно-сниженное» (*морда*, *дрыхнуть*, *балдеж*; *ходить на двор*; *до поросьячьего визга*; *свербеть в заднице*; *за бесплатно*) выходят за пределы литературного языка. Они отличаются «слабым или резким ограничением коллоквиального употребления»

[См.: Химик 2004: 6–8] в ходе обиходно-речевого коммуникативного взаимодействия. Признается, что обиходно-бытовая разговорная речь «сопровождается снижением» [Винокур 1968: 12], т. е. отклонением от строгих канонов литературности. В составе разговорных единиц с яркой и интенсивной стилистической сниженностью в Словаре выделяются грубые, бранные, вульгарные, нецензурные средства языка (*говно; срать; жертва аборта; старый пердун; жопа с ручками*).

В материалах Словаря отражена «варваризация языка города – проникновение в него нелитературных единиц, заимствованных, диалектных или жаргонных» [Химик 2004: 6]. В этой связи определенная группа слов и устойчивых сочетаний сопровождается разновидностями помет: *жарг.* (жаргонное) – следует понимать как «общежаргонное; жаргонно-просторечное» [Химик 2004: 11] – «сохраняющее жаргонную окраску, формируется из общеупотребительных просторечных слов и выражений» [Там же]. Выделяются «частные жаргонные единицы», являющиеся элементами «жаргонных подсистем и вариантов – социальных и профессиональных диалектов» [Там же], которые приобретают «групповую отнесенность, профессиональную или социально-корпоративную окрашенность» [Химик 2014: 467] и могут быть отнесены к «абсолютно или же относительно специфическим». Такие единицы тяготеют к «общежаргонному употреблению» [Там же: 8; см. также: Ермакова, Земская, Розина 1999].

В Словаре выделяются пометы, позволяющие отнести толкуемое слово, а также устойчивое сочетание к определенному жаргону (*арм., комп., муз., молод., мор., нарк., подр., студ., торг., школ.* и др.). Социально-стилистические пометы выделяют своеобразие слов и фразеологизмов, закрепленных в «субъязыках» отдельных групп [См.: Скребнев 1975]. В каждом из субъязыков функционируют «абсолютно специфические» (не имеющие аналогов) и «относительно специфические» (употребляющиеся в двух и более субъязыках) и «неспецифические (нейтральные) единицы» (общие, употребляющиеся во всех потенциально выделяемых субъязыках) слова, устойчивые сочетания и

выражения [Скребнев 1975: 32–33]. Каждый субъязык описывается «изнутри членом социальной, в том числе неформальной, группы или специалистом, допущенным к общению с членами сообщества» [См.: СМЖ 1992; Щуплов 1998]. Субъязыковые лексические и фразеологические единицы зафиксированы, в частности, в словарях сленга [Рожанский 1992; Юганов 1997; Елистратов 2000; Никитина 2003; Грачев 2006; Захарова, Шуваева 2014]. Авторы-составители словарей жаргонов описывают социально-маркированную лексику и фразеологию, употребление которой характерно для определенных социальных слоев носителей русского языка.

«К разговорным экспрессивам в широком смысле относятся разговорно-литературные, стилистически сниженные (грубые, бранные, вульгарные, нецензурные), просторечные, жаргонные языковые единицы, которые составляют разговорно-обиходный лексикон» [См.: Химик 2014: 465] и специфические субъязыковые слова, устойчивые сочетания и выражения. В процессе речевого общения последние могут маркировать социальный статус и профессиональную принадлежность коммуниканта.

Система словарных помет подтверждает, что В. В. Химик придерживается широкого подхода к выделению разговорной лексики и фразеологии, учитывает активные языковые процессы рубежа XX – XXI вв., обусловившие, в частности, появление общего жаргона [См.: Ермакова, Земская, Розина 1999]. Общеупотребительный жаргонизм утрачивает социальную отнесенность, переходит из субъязыка социальной группы [См.: Скребнев 1985: 18–19] в разговорную речь. В отдельных случаях сохраняется первичная жаргонная принадлежность (помета *жарг.*).

В отличие от В. В. Химика, фиксирующего лексику обиходной разговорной речи, в том числе грубую, бранную, вульгарную, нецензурную, Л. П. Крысин, ответственный редактор новейшего «Толкового словаря русской разговорной речи» [ТСРРР 2014–2022] и составители Словаря придерживаются узкого понимания объекта лексикографического описания: разговорная речь осмысливается как «разновидность функционального стиля литературной речи»

[ТСРРР 2014. Вып. 1: 10]. Отмечается, что разговорная речь существует «преимущественно в устной форме <...> в неофициальных ситуациях используется главным образом представителями городского образованного населения, владеющими русским языком как родным» [Там же: 9].

В «Толковом словаре русской разговорной речи» [ТСРРР 2014–2022] используются группы словарных помет, которые позволяют дифференцировать виды маркированности лексических и фразеологических единиц русского языка.

Во всех выпусках Словаря осуществляется лексикографическое описание не только собственно стилистической, но и социальной окраски – «наличие словарных помет – *жарг.*, *сленг.*, *проф.*» [ТСРРР 2014–2022]. Специально выделены слова и устойчивые единицы, относящиеся к «слою лексики жаргонного происхождения» [ТСРРР 2014. Вып. 1: 10] – общему жаргону. В частности, помета *сленг.* сопровождает толкование таких стилистически сниженных фразеологических единиц, как *соскочить (соскакивать) с иглы*; *быть <стоять> в <на> стопе*; *стоп игра*; *хромой на всю голову* [Вып. 4: 275, 320, 321; Вып. 5: 341]; пометой *жарг.* отмечены устойчивые сочетания (*забить стрелку*; *включить (включать) счётчик*; *тискать (тиснуть) романы (роман)* [Вып. 4: 347, 406, 514]); пометой *проф.* отмечены слова и устойчивые сочетания (*сменка*, *цифра*, *цифровка*; *административное правонарушение*; *первая скрипка*; *снять (снимать) стружку* [Вып. 1: 138; Вып. 4: 197, 363; Вып. 5: 402]). Сленговые, жаргонные, профессиональные слова и устойчивые единицы употребляются в устной разговорной речи носителей литературного языка, а также носителей городского просторечия.

Необходимо отметить, что жаргон, сленг, профессиональный язык принадлежат к пласту «социальных диалектов» [См.: Грачев: 2006: 5]. Слово *сленг*, «заимствованное из английского языка (*slang*)» [СИССРЯ 2014: 615], – обозначает «язык молодёжи» (*сленг хиппи* [Рожанский 1992], *сленг битников* [Юганов 1997]), а также «профессиональный жаргон какой-то новой, активно развивающейся сферы» (*бизнес-сленг* [Бизнес-сленг для «новых русских» 1996], *компьютерный сленг* [Мещеряков 1999]). Таким образом, сленг характеризуется

социальной отмеченностью – возрастной или профессиональной принадлежностью его носителей. Термины «сленг» и «жаргон» нередко отождествляются [См.: Хомякова 1969; Фомина 1990; Вахитов 2001].

О субъязыковой отмеченности толкуемых слов и устойчивых единиц свидетельствуют такие словарные пометы, как *комп.* (компьютерный жаргон), *мед.* (жаргон медиков), *спорт.* (профессиональный язык спортсменов), *воен.* (военный жаргон), *чиновн.* (профессиональный язык чиновников), *школьн.* (школьный жаргон), *студ.* (студенческий жаргон), *тех.* (технизм), *молод.* (жаргон молодежи).

Помета *сниж.* характеризует эмоционально-оценочные фразеологические единицы: *воробьям фигу показывать <крутить>; фигу в кармане; <ни> фигу <себе, се>! фигушки в кармане* [Вып. 4: 165, 166, 169, 186]. В отдельных случаях наблюдается сочетание помет: *сниж., бран.* (*сукин сын <сукины дети>* [Там же: 381]); *сниж., шутл.* (*воробьям фигу показывать* [Вып. 5: 165]); *сниж., презр.* (*как бешеную собаку* [Там же: 226]); *жарг., груб.* (*ходить (бегать, стоять и т. п.) на цырлах (цирлах)* [Там же: 411]); *сленг., неодобр.* (*страдать <маяться> хренью; хрень собачья; хромать умом* [Там же: 335, 339]); *сленг., презр.* (*пипл <всё> схавает (хавает)* [Вып. 4: 396]); *сленг., пренебр.* (*хрен с горы <с бугра>; цацки и пецки; цацки с пецками* [Вып. 5: 321, 381]); *сленг., шутл.* (*будь спок!* [Вып. 4: 287]). С помощью двойных помет конкретизируется эмоционально-экспрессивная и аксиологическая окрашенность социально-специфических слов и устойчивых сочетаний.

В живой разговорной речи носителей современного литературного языка активно употребляются фразеологические единицы, которые в Словаре обозначаются пометами *ирон.* или *шутл.* (*телячий возраст* [2021 Вып. 4: 256, 486]); *ирон.* или *неодобр.* (*смотри (смотрите), какой (какая) кто; по воробьям стрелять из пушек (из пушки)* [Там же: 212, 352, 353, 420]); *пренебр.* или *ирон.* (*телячьи нежности* [Там же: 487]); *неодобр.* или *шутл.* (*разводить (развести) сырость; играть в испорченный телефон; глядеть (смотреть) в книгу, а <и> видеть фигу* [Там же: 420, 483; 2022. Вып. 5: 166]). Обратим внимание на союз,

с помощью которого составители Словаря акцентируют возможность взаимоисключения оценочного смысла, зависящего от отношения говорящего к объекту оценки. При этом одобрительная и неодобрительная оценки могут быть отнесены к собственно аксиологическим. Аксиологическая маркированность фразеологизма в процессе живого разговорного взаимодействия обусловлены ситуацией, контекстным окружением устойчивых единиц, темой общения, а также языковым вкусом коммуникантов.

Учитывается, что в связи с процессом демократизации русского языка не только собственно разговорная, но и просторечная, жаргонная, сниженная лексика и фразеология употребляется не только «в бытовых ситуациях с типичными формами непринужденного общения, но и в публичных сферах – средствах массовой информации (программы радио-, теленовости, репортажи, комментарии, рекламы, объявления, беседы, дискуссии, интервью, ток-шоу)» [ТСРРР 2014. Вып. 1: 10]. Составители Словаря опираются на теоретическую интерпретацию состояния русского языка постсоветской эпохи, представленную в коллективной монографии [Русский язык конца XX столетия 1996]. Специальный раздел монографии посвящен городской коммуникации [Там же 1996: 345–383], которая анализируется на шкале текущую реальное времени. Словарь под редакцией Л. П. Красина содержит иллюстративный материал, включающий вербальные примеры постсоветского времени. Отдельные примеры, приведенные в Словаре: *Помогла бы Божья помощь убрать этого «хромого» на всю голову мэра. Было бы хорошо (Комментарий: «На “Маяке” полчаса ругали мэра Двораковского», 2015)* [Вып. 5: 341]; *Поскольку телек последнее время работает постоянно <...> скоро просто лопну от смеха над рекламой (Рекламные ролики на TV, 2007)* [Там же: 201]. Как показывает датированный иллюстративный материал, в XXI веке происходит «коллоквиализация публичных сфер общения» [См.: ТСРРР 2014–2022] не только в устной форме, но и в письменной. Между тем открытое употребление обсценизмов нецензурных речевых единиц запущено законодательно. Обсценная лексика и фразеология Словарем под редакцией Л. П. Крысина не

фиксируются.

В каждом из пяти выпусков анализируемого лексикографического издания отмечены языковые средства, обслуживающие живое речевое общение носителей литературного русского языка разных поколений. Дифференцированы возрастные различия в использовании лексических и фразеологических единиц, относящихся к разговорной речи. Учитывается, что «часть молодежи, которая является носителем литературного варианта общенационального русского языка, обильно использует жаргонную, сленговую, сниженную» [2014. Вып. 1: 11] лексическую и фразеологическую единицу в интернет-общении (блоги, форумы, чаты, рассматривающиеся как «разновидности устно-письменного варианта живой разговорной речи» [Мечковская 2006: 167], характеризующиеся диалогичностью. Отдельные примеры, приведенные в Словаре: *Не хочу ничего писать, один фиг, никто посты не читает (facebook.com, 2021)* [2022. Вып. 5: 170]; *Я уже **фигову тучу** времени заказ не могу забрать!!! То поменяли режим, то ещё что! (Отзыв о пункте выдачи заказов // OZON.ru, 2022)* [Там же: 181]; *Это старый **хрен с бугра** / ничтожный человечико, в биографии которого нет ничего интересного и зрелищного // (radiovesti.ru, 23.02.2013)* [Там же: 321]; *Тоня, ты как **хромала на всю голову**, так до сих пор и не выправилась! (Блоги, 2020)* [Там же: 338]; *Домашняя работа достала **хуже горькой редьки**, потому вчера плюнула и спала весь вечер (Чем больше спишь, тем больше спать хочется // Форум, 2008)* [Там же: 364]. Учитывается, что «люди старшего поколения в собственной речевой коммуникации» [2014. Вып. 1: 11] активно используют слова и обороты, которые характерны для традиционной разговорной речи.

Таким образом, для отмеченного лексикографического подхода характерно отражение «современного русского устно-бытового узуса» [2014. Вып. 1: 9] в обыденных сферах спонтанного межличностного общения, в разных коммуникативных ситуациях и текстах, ориентированных на массового адресата.

Необходимо отметить, что в русской лексикографии существует традиция,

разработанная авторами толковых словарей, фиксирующих разговорный пласт лексики и фразеологии. Так, в Словаре под редакцией Н. Ю. Шведовой [ТСРЯ 2011] интерпретация средств разговорной речи не ограничивается строгими рамками литературности. Система специальных помет позволяет пользователям ориентироваться в функционировании стилистически маркированной лексики и фразеологии. В предисловии отмечается, что в Словаре нашли отражение «широко употребительные разговорные и просторечные слова и устойчивые выражения: для последнего десятилетия характерно ничем не ограничиваемое вторжение в литературный язык просторечной и жаргонной лексики; <...> однако включались только те единицы, которые с точки зрения законов развития общелитературного языка и его норм могут претендовать на своё место в однотономном словаре» [ТСРЯ 2011: V]. Приведенное концептуальное положение позволяет сделать вывод о том, что составители Словаря стремятся отразить особенности речевого существования постсоветской эпохи и при этом соблюдают принципы «экологии языка» [См.: Сковородников 2016]. В «условных сокращениях» [Там же: VII–IX] отмечена помета, свидетельствующая об употреблении слова и устойчивого сочетания в границах литературного языка – разг.; выделены пометы, свидетельствующие об эмоциональной окрашенности разговорного элемента: ласк., уменьш.-ласк., уменьш.-унич., шутл., презр., пренебр., ирон., унич. и др. Имеются пометы, демонстрирующие нелитературную маркированность слов и словосочетаний. Так, помета *прост.*: *артельный человек, парень; увидеть небо в клеточку; когти обломать кому* [ТСРЯ 2011: 26, 339, 345]. Особо выделяются пометы *диал.* (диалектное) – *гагара длинный* [Там же: 142], *обл.* (областное) – *быльём поросло; драть зерно* [Там же: 69, 215], *сиб.* (сибирское) – *хана по пунктам* [Там же: 1060] и др. Выделяются типичные для сниженной речи эмоционально-оценочные маркеры: *бранное (бран.)* – *чёртова кукла! курья голова; чёртова (старая) перечница* [Там же: 289, 388, 391, 637]; *грубое (груб.)* – *мордой об стол возить; моча в голову ударила кому; старый хрен* [Там же: 460, 463, 1071].

В Словаре используются составные пометы: разг. бран. (*изверг рода*

человеческого [Там же: 289]); прост. бран. (*чёртова кукла! на кой ляд; чёртова (старая) перечница* [Там же: 388, 422, 645]); прост. груб. (*мордой об стол возить кого; моча в голову ударила кому; какого рожна; старый хрен* [Там же: 460, 463, 837, 1072]). Отмеченные маркеры свидетельствуют о преимущественном включении бранных и грубых устойчивых единиц в пласт просторечных.

С опорой на специальные научные исследования ещё раз отметим, что в современной лингвистической литературе термин «разговорная речь» толкуется по-разному. Из определений следует, что подходы к интерпретации к русской разговорной речи релевантны: «для первого подхода – устная речь; для второго – городская речь; для третьего – бытовая речь; для четвертого – литературная разговорная речь» [Земская 1968: 5]. В рамках четвёртого подхода к определению разговорной речи Е. А. Земская, опираясь на социолингвистический критерий, устанавливает соотношение: «разговорная речь» – «носитель литературного языка» [Там же: 6] и считает «литературной разговорной речью речь» людей, владеющих языком кодифицированным, осознающих инородность и одновременно выразительность слов, сочетаний, выражений, нарушающих кодифицированные нормы.

Литературная разговорная речь предполагает соблюдение установленных норм и отличается от бытующих в устной форме диалектов, просторечия и жаргонов тем, что «не включает узкотерриториальную, жаргонную и просторечную лексику» [Рыжова 2003: 30]. Нелитературные средства языковой системы могут быть использованы носителями литературного языка как экспрессивные элементы чужой речи, уместные в конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия.

Город отличается своеобразием бытового устройства и речевого существования. «Язык современного города – явление многообразное и лингвистически неоднородное» [См.: Китайгородская, Розанова 2010: 42]. Важно отметить выделение лингвоспецифического «городского просторечия» [См.: Беликов, Крысин 2001: 14]: в разговорной речи непосредственно отражаются особенности «обиходно-бытового общения для

части городского населения, не владеющей нормами литературного языка» [ЭССЛТИП 2014. Т. 1: 438]. Языковая ситуация в современном городе характеризуется сложностью: В речи горожанина активно «реализуются основные формы национального языка: литературный язык, территориальный диалект и городское просторечие» [Ерофеева 1991: 16].

В современной русистике исследование просторечия входит в круг проблем, посвященных изучению своеобразия языка и речи жителей столичного города [См.: Капанадзе 1984а, 1984б; Китайгородская, Розанова 2010; Розанова 1984]. Своеобразие наблюдаются в речи жителей провинциальных городов [Помыкалова, Шишкина, Шкатова 1984; Прокуровская 1996; Санджи-Гаряева 1984]. К изучению речи города и феномена просторечия обращались Г. О. Винокур [1988], А. Н. Еремин [2001], Т. И. Ерофеева [1991], Е. А. Земская, М. В. Китайгородская [1984], Л. А. Капанадзе [1984а, 1984б], Л. П. Крысин [2003], Б. А. Ларин [1977в], Ф. П. Филин [1979], В. В. Химик [2000], И. В. Шалина [2009, 2010] и др. Исследователи отмечают влияние территориальных диалектов на речь горожан.

Описаны особенности уральского городского просторечия, специфика которого прослеживается в записях речи горожан-уральцев. В монографии «Ценностное содержание разговорного диалога» [2021] впервые системно рассматривается аксиологическое содержание межличностного взаимодействия горожан-уральцев.

В то же время необходимо учитывать феномен «полиглотизма горожанина» [Ларин 1977г: 189–191], который может быть носителем диалекта, просторечия, жаргона, субъязыков и владеть при этом нормами литературного языка.

Объективность трактовки реализованных в диалогическом и полилогическом общении маркированных единиц русского языка обеспечивают записи живой речи горожан горожанина [Живая речь уральского города: тексты 1995; Шалина 2009; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011; Ценностное содержание разговорного

диалога 2021].

В диссертационном исследовании использованы записи живой речи горожан-уральцев. Изучение устойчивых единиц в составе разговорной речи осмысливается носителем русского языка как иностранного с учетом лингвострановедческих особенностей маркированных средств разговорной речи [См.: Верещагин, Костомаров 1980, 1982, 1999, 2005; Красных 2011]. Интерпретация национально-культурной семантики устойчивых единиц, их аксиологического потенциала, реализуемого в процессе общения, содержится в трудах по лингвострановедению [См.: Матвеева 2014: 131]. Специальное внимание исследователи уделяют единицам, не имеющим, в частности, аналога в китайском языке, а также внутрикультурным стереотипам, обеспечивающим автоматизм речевой коммуникации [См.: Прохоров 1996]. Особый объект анализа в диссертации – тематически целостные фрагменты диалогического и полилогического речевого взаимодействия горожан-уральцев, содержащие лингвоспецифические устойчивые сочетания и характеризующиеся страноведческим своеобразием.

2.2. Диалог и полилог: трактовки опорных понятий и общая характеристика анализируемого материала

Поскольку в диссертационном исследовании анализируется межличностное общение уральцев – жителей Екатеринбурга и городов Свердловской области, –остановимся на интерпретации форм русской речи «лица к лицу», характеризующихся «непосредственным, в зрительном и слуховом отношении, восприятием высказывающегося лица» [Якубинский 1986: Электр. ресурс]. Спонтанность обуславливает «сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов» [Там же], характеризует «коммуникативную мотивацию в речевой деятельности» [Борисова 2009: 62]. Спонтанность выступает как неподготовленность, самопроизвольность разговорного взаимодействия, непосредственно связанная с лежащим в его

основе «конструктивным принципом индивидуальности и ситуативности» [Купина, Матвеева 2013: 268]. Спонтанная межличностная речевая коммуникация отличается деятельностным характером, ибо «речевая деятельность есть специализированное употребление речи для общения и в этом смысле – частный случай деятельности общения» [Леонтьев 2003: 64].

В центре внимания лингвистов находится речевая коммуникация, предполагающая «двусторонний процесс, обмен речевыми действиями-сообщениями» [См.: Беликов, Крысин 2001: 40; см. также: Сусов 2006]. В узком смысле под речевой коммуникацией следует понимать речевое общение [См.: Стернин 1989: 279; Иссерс 2009: 33; Гавра 2011: 68], которое обладает 1) «коммуникативной составляющей – непосредственный обмен информацией»; 2) «интерактивной составляющей – взаимодействие индивидов» и 3) «социально-перцептивным аспектом», предполагающим восприятия коммуникантами социально и личностно мотивированных позиций друг друга [Андреева 1998: Электр. ресурс; см. также: Ломов 1976: 85].

В отличие от речевого общения, речевое поведение акцентирует «односторонность процесса: им обозначают те свойства и особенности, которыми отличаются речь и речевые реакции одной из общающихся сторон – говорящего или слушающего» [Беликов, Крысин 2001: 4]. Речевое поведение – это «совокупность всех речевых актов» [Ильенко 2008: 29]. Адекватное речевое поведение способствует «поддержанию контакта, эмоциональному взаимовлиянию, обмену информацией и самовыражению» [Карасик 2009: 264]. Речевая партия – это «конституирующий компонент речевого поведения» [Ильенко 2008: 40]. Она выполняет «функцию речевых поддержек» [Матвеева 1995: 173], обеспечивает «композиционную цельность, семантическую связность, прагматическую связность и коммуникативную координацию» [Борисова 2009: 204] участников диалогического взаимодействия. Общекультурные и социальные нормы (конвенции, правила, ритуалы, сценарии) «регулируют речевое поведение коммуниканта в процессе диалогического взаимодействия» [Красных 1998: 77–78]. «Речевое поведение отражает также

индивидуальное преломление ценностного предпочтения и отталкивания» [См.: Стернин 1996: 14; см. также: Камбаралиева, Стернин 2021: 23]. Интерпретация диалогического речевого поведения обнаруживает социолингвокультурную значимость речевого общения.

«Речевая коммуникативная ситуация включает определенные компоненты: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим <...>, формирование обратной связи; 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык <...>, а также невербальные средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения» [Беликов, Крысин 2001: 40]. Выделяются параметры коммуникативной ситуации: «место, время, партнеры коммуникации, тема» [Китайгородская, Розанова 2010: 184], определяющие «разнообразие видов повседневного диалогического взаимодействия» [См.: Бахтин 1986: 250]. С помощью пространственного параметра коммуникативной ситуации разграничиваются коммуникативные сферы: «дом и вне дома» [Китайгородская, Розанова 2010: 201]. В пространстве дома выделяется домашнее коммуникационное взаимодействие, являющееся «сферой личного непринужденного общения членов своего круга» [Там же: 184], включающего родственников, друзей и соседей. Формируются отдельные микроколлективы [См.: Шалина 2009: 125]. В повседневном речевом взаимодействии, которое реализуется преимущественно в устной форме, выделяются «близкородственный разговор» и «близкодружественная беседа» [См.: Там же: 147, 218]. Тема разговора [См.: Шмелев 1977б: 39] уточняется в ходе общения. Тематическая целостность способствует формированию «разговорного диалогического единства» [См.: Купина 1990]. В связи с расширением пространства общения и широтой его темы в диссертационной работе также учитываются между членами семьи, друзьями и соседями отдельные разговоры, происходящие вне дома [См.: Китайгородская, Розанова 2010].

Диалог рассматривается как «жанровый тип» повседневной речевой

коммуникации [См.: Борисова 2009: 35–37]. Выделяют «беседу, разговор, разговор по телефону»; особо рассматриваются «интернет-коммуникация» [См.: Китайгородская, Розанова 2010: 218].

Речевое общение всегда «диалогично» [См.: Бахтин 1986: 250–251]. Типичные формы межличностного речевого взаимодействия – диалог, т. е. взаимодействие двух коммуникантов и полилог, т. е. «речевое общение более двух собеседников» [См.: Матвеева 2010: 320]. Как правило, полилог включен «в состав диалогического типа речи» [Там же: 321]. В специальных исследованиях отмечается, что межличностное взаимодействие «по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним и более диалогичным» [Якубинский 1986: Электр. ресурс].

Термин «диалог» сохраняет традиционное понятийное содержание. Диалог трактуется как «композиционно-специфическое образование» [См.: Борисова 2009: 8], «создаваемое из регулярного обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых взаимно влияет непосредственное восприятие речевой деятельности говорящих» [См.: Культура русской речи 2003: 155; см. также: Винокур 1997: 119]. Непринужденные разговорные диалог и полилог выступают как «особые типы текстовой организации речи» [Борисова 2009: 7; см. также: Купина 1990; Матвеева 1995], если они характеризуются целостностью, в том числе «содержательной, оценочной, тональной, стилистической, коммуникативной» [См.: Борисова 2009: 8; Баранов 1997: 8–9]. Именно тексты-разговоры анализируются в диссертационном исследовании.

Речевое взаимодействие «строится по диалогическому принципу, то есть по принципу смены коммуникативных ролей» [Богданов 1990: 26]. Адресант и адресат – коммуникативные роли (коммуникативные участники, коммуникативные собеседники, коммуникативные партнеры, субъекты коммуникативного взаимодействия). В специальной литературе существует ряд терминов для обозначения субъектов коммуникации, «осуществляющих в коммуникационном взаимодействии функцию производства (создания и отправления) – получения (приема и восприятия) сообщения» [Гавра 2011:

61]. *«Производитель речи может быть назван коммуникатором, адресантом, а получатель – коммуникантом, адресатом, реципиентом»* [Там же; см. также: Романов, Васильев 2009: 13]. Эти термины «взаимозаменяемы, поскольку их функциональное содержание эквивалентно. Они обозначают субъектов коммуникационного взаимодействия» [Гавра 2011: 61–62]. Реплики коммуникантов анализируются с учетом структуры коммуникативного акта.

Адресант и адресат, выступающие как члены социума, выполняют роли, характеризующиеся «социальными признаками (возраст, пол, профессия, образование, место проживания, семейное положение и т. п.)» [Китайгородская, Розанова 2010: 184]. В процессе анализа мы учитываем социально-ролевой статус участников общения. Социолингвисты выделяют «служебные роли (начальник, подчиненный, сослуживец, учитель, ученик, ревизор, ревизуемый и т. д.); житейские роли (квартиросъемщик, клиент, покупатель, продавец, сосед, отдыхающий, врач, пациент, гость, хозяин, пассажир, кондуктор и т. д.); семейные роли (муж, жена, сын, дочь, бабушка, дедушка, сестра, брат и т. д.)» [Беликов, Крысин 2001: 5]. Для диссертационного исследования важно, что в повседневном речевом взаимодействии разграничивают «личный мир семьи, друзей, близких, и публичный мир общения с незнакомыми» [Китайгородская, Розанова 2010: 185]. В обыденном непосредственном общении особую значимость приобретает степень родства или знакомства.

Специально выделяются «уровни речевой культуры: речевая культура народная, элитарная, среднелитературная, литературно-разговорная, фамильярно-разговорная, просторечная, народно-речевая, профессионально-ограниченная, литературно-жаргонизирующая, арготическая» [Бакланова 2014: 53; см. также: Гольдин, Сиротинина 1997: 414–415]. Показатель уровня речевой культуры говорящего – коммуникативные компетенции, составляющие основу речевого портрета участника диалогического взаимодействия. В диссертационном исследовании учитывается разграничение литературной речевой культуры, носителями которой являются люди образованные, и культуры просторечной. Уральское городское просторечие выступает как

социокультурный феномен, а его носители не утрачивают связь с говорами Урала [См.: Шалина 2009, 2010; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия: 2011; Ценностное содержание разговорного диалога 2021].

Устойчивые единицы, которые реализованы в диалогическом и полилогическом общении горожан-уральцев, выступают как ментально-значимые средства формирования обратной связи.

Обратная связь предполагает взаимопонимание, возникающее в процессе «коммуникации, направленной от получателя к источнику» [Гавра 2011: 133] для того, чтобы задать вопрос, дать оценку сообщения, согласиться, предложить дополнительную информацию и т. п. Обратная связь – «важнейший инструмент речевого взаимодействия» [Матвеева 2010: 249], определяющий его гармонию (согласные диалоги). Разрушение обратной связи приводит к конфликту между коммуникантами. В диссертации анализируются и согласные (гармонические), и конфликтные диалоги и полилоги.

Кооперативное (согласное, гармоническое) диалогическое взаимодействие понимается как коммуникация, при которой «достигается согласие, равновесие, взаимопонимание и, как следствие, повышение эффективности за счет следования коммуникантами принципам кооперации» [Радюк 2013: 237]. Конфликтное диалогическое взаимодействие, т. е. дисгармоничное, прекословное, противопоставленное согласному диалогическому взаимодействию. Конфликтное речевое общение может привести к «коммуникативной неудаче» [Ермакова, Земская 1993: 30], которая проявляется себя в речевых действиях напряженного, враждебного характера и переходит черту непринужденного речевого общения. Если «коммуникативные намерения говорящего и их прочтение слушающим не совпадают» [Там же: 31], коммуникативная неудача разрушает обратную связь и нередко порождает «речевую агрессию» [См.: Бэрон 1999; Седов 2003; Щербинина 2006; Агрессия в языке и речи 2004; Речевая агрессия в современной культуре 2005].

В диалогическом взаимодействии агрессивное речевое поведение,

понимается как «ответная поведенческая реакция на раздражитель (стимул)» [Борохов, Ершов, Файн 1991: 104], выражающая «острое отрицательное эмоциональное переживание с регулированием возникшей угрозы» [Там же] через враждебное содержание обратной связи. Вербальная агрессия в коммуникативном взаимодействии выступает как разновидность «спонтанного деструктивного общения» [Щербинина 2006: 45], характеризующегося императивностью, «увеличением громкости, напряженной эмоциональностью, психологически сдвинутой позицией участников коммуникации» [Купина, Енина 1997: 26]. Агрессия приводит к осложнению взаимоотношений между коммуникативными партнерами. Речевая агрессия «реализуется преимущественно в устной спонтанной диалогической речи» [Щербинина 2006: 154] и воплощается в особых речевых жанрах [См.: Шмелева 1997: 91; см. также: Дементьев, Седов 1998] оскорбления, угрозы, упрека, обвинения, жалобы [См.: Щербинина 2006: 155]. Происходит объединение ряда «негативных эмоциональных компонентов на основе общей для них модальности враждебности», концентрации гнева, отвращения, презрения [Там же: 34; см. также: Изард 1980: 86, 299]. Сочетание *речевая агрессия (вербальная агрессия)* [Культура русской речи 2003: 562] воспринимается как «оценочный термин» [Крысин 2000: 386], а слово *агрессия* – как контраксиологема.

В межличностном диалогическом процессе отрицательное эмоциональное воздействие «зависит от отбора языковых и речевых средств» [Гаспаров 1996: 296]. «Увеличение количества грубых и нецензурных слов, оборотов, выражений ведет к росту удельного веса конфликтного общения» [См.: Стернин 2000: 8]. Устойчивые единицы, сопровождающиеся в словарях пометами *бран.*, *груб.*, *вульг.*, *нецензур.*, нарушают нормы речевого этикета и культуры общения, выступают как языковые маркеры речевой агрессии, обуславливающие формирование конфликтности диалогического взаимодействия. Исключение составляют случаи употребления нелитературных устойчивых единиц в шутивно-иронической тональности и в составе «чужой речи».

Обратная связь формируется на основе коммуникативной стратегии.

«Коммуникативная стратегия понимается как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели и определенного эффекта» [Кашкин 2013: 153; см. также: Городецкий 1985: 49; Иссерс 2008: 93; Попова 2005: 14]. Коммуникативная стратегия понимается как выдвижение «ценностей коммуникантов» [Кириллова 2012: 27]. Коммуникативная стратегия реализуется на базе коммуникативных тактик, предназначенных для решения коммуникативной задачи и (или) осуществления отдельных коммуникативных намерений в рамках стратегии [См.: Попова 2005: 14; Данченко 2014: 56–57]. Коммуникант, «включенный в речевую коммуникацию, становится коммуникативной личностью» [Сидорова 2020: 121], характеризующейся системой ценностных предпочтений и отталкиваний. С помощью актуализации коммуникативных стратегий и тактик демонстрируется аксиологический потенциал коммуникативной личности: «кооперативность», «вежливость», «откровенность» обеспечивают «результативность взаимодействия индивидов в речевой коммуникации» [Сидоров, Сидорова 2009: 168].

Установка коммуникативных партнеров на кооперацию (коммуникативное сотрудничество) демонстрирует культурный ориентир речи носителя литературного языка. «Главный этический принцип речевого общения – соблюдение паритетности» [Григорьева-Голубева 2011: 123; см. также: Лазуткина 1998: 90]. Вежливость, кооперация, толерантность, скромность, взаимопонимание, соблюдение моральных норм рассматриваются как воплощение этого принципа, предполагающего «доброжелательное отношение к партнерам общения, признание их права на самостоятельную позицию, уважение к специфике их культурных традиции» [Гольдин 2003: 529].

Тональность «характеризуется опорой на конкретную коммуникативную ситуацию» [Горшкова 1989: Электр. ресурс]. «Коммуникативная тональность интерпретируется как эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся

эмоционально-волевые установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2008: 99], «отражающий их усиленное воздействие на адресата и психическое самораскрытие» [Матвеева 1996: 211]. В функции особого средства формирования тональности, как показывают наши наблюдения, коммуникантами используются устойчивые единицы. Коммуникативная тональность, «обусловленная культурным ориентиром» [Карасик 2008: 101], формируется на базе средств (формул) речевого этикета, служащих «для установления взаимодействия собеседников, его поддержания и прерывания» [Германова 1993: 29]. В процессе спонтанного речевого общения коммуникативная тональность в значительной степени обуславливает контекстную эмоционально-оценочную коннотацию и ценностное содержание реализованной в речевой партии устойчивой единицы. Восприятие и понимание смысловой наполняемости устойчивых единиц, реализованных в обыденном речевом общении, «обеспечивает единство интерпретации»: целостную интерпретацию предметной темы текста-разговора задает его тональность [См: Демьянков 1989: 140]. Текстовые категории темы и тональности оказываются взаимосвязанными.

«Мимика, жесты, движения, относящиеся к разновидностям языкового сигнала тела» [Биркенбиль 1997: 15–16], осуществляют коммуникативную и информационную функции. Жесты и мимика нередко свидетельствуют об эмоциональном состоянии участников общения [См.: Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 20; см. также: Акишина 1991: 142]. Например: жест *покрутить пальцем у виска* выражает неодобрительное отношение к умственным способностям и неадекватным действиям адресата [См.: Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 107]. Отметим, что аналогичный жест в общении китайцев обозначает стремление адресанта к размышлению о проблемах. Жест *стучать, хлопать, ударять рукой (ладонью, кулаком) по столу* демонстрирует «гнев, возмущение, раздражение, нервозность, решительное несогласие с собеседником; запрещение делать что-л. грубое» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 142; см. также: Акишина 1991: 103]. Аналогичный жест

воспринимается китайцами как желание адресанта привлечь внимание получателя коммуникации или призвать его к тишине.

В ходе коммуникативного взаимодействия выражение эмоций средствами естественного языка, а также языка тела свидетельствует о координации вербальных и невербальных (жесты, мимика, интонация) средств общения. Приведем разговорные фрагменты, сопровождающиеся невербальными маркерами:

Фрагмент 1. «Разговор происходит в электропоезде между незнакомыми пассажирами» [См.: Шалина 2009: 392–393].

Б. Б. *Вы далёко едете / извините?*

У. *Домой еду //*

Б. Б. *Вы не думайте / я не пристаю / за разговором ведь быстрее время летит // Мне в Талице (город в Свердловской области) сходит // Пять часов как-никак //*

У. *Да ну / перестаньте // Я тоже до Талицы //*

Б. Б. (Обрадованно) *Да-а? Вы в Талице живёте?*

У. *Нет / я из Бутки (село) // В Талице на автобус пересяду / если не встретят //*
[Там же: 393]

Эмоциональная интонация, мимический жест, передающие чувства удивления, радости [См.: Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 225], демонстрируют вежливое и одновременно доброжелательное отношение Б. Б. к адресату. Кооперативную тональность общения поддерживают этикетные формулы <...> *Извините; Вы не думайте* <...>.

Фрагмент 2. К. П. и Г. О. – старшие супруги [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

К. П. *Про германских ребятишек //* (Хохочет)

Г. О. *Вот вишь! Смотри / Владь / Владик! Значит Россия сё (всё) равно погибнет // Какая она была спокон (испокон) веку почему-то не идёт // Называются победители // Дак даже / он грит / пацан рассказывает / «Тёплый туалет и вода горячая» // В деревне в каждой / А здесь город / ни асфальта /*

нищѐ / ни света нищѐ // Так всё делают //

К. П. (качает головой). *Ой нехорошо!* // [Там же: 29]

Собеседник К. П. с помощью жеста *качать головой* [См.: Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 104] передает негативную оценку, совпадающую с мнением адресата. Собеседники отрицательно характеризуют отсутствие удобств в городской квартире.

Фрагмент 3. М. и Б. «смотрят развлекательную программу и обсуждают выступление артиста» [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 11–12].

Б. *Смори (смотри) / какое лицо у его (Николаева) //*

М. *А здесь / тут ещё / а тут ещё // Козья борода //*

Б. *Ой / какой он противный! Морда у его ваще / лоснится / Отъелся // Ой / ну чѐ / картошка сварилась поди // (Уходит на кухню. Потом кричит.) Пойдемте ись (есть) // Аня! Оля! Айдайте! Картошка готова!* [Там же: 16]

Перемещение бабушки в пространстве (уходит на кухню), а также повышение громкости голоса (кричит) способствуют изменению предметной темы диалога: внимание собеседников переключается с обсуждения портрета артиста Николаева на приготовленное для еды блюдо. В домашней обстановке отмеченное переключение представляет собой традиционная привычка поведения. Бабушка должна следить за приготовлением пищи для семьи. В ее семейные обязанности, как следует из содержания диалога, входит обслуживание членов семьи. Стол, очевидно, помещается на кухне. Телевизор в гостиной препятствует четкому восприятию смысла реплики-приглашения. Этим вызвано повышение голоса. Ролевые обязанности и права членов семьи обуславливают «стратегии и тактики» их речевого поведения [См.: Иссерс 2008: 93].

Как показывают приведенные примеры, в процессе анализа межличностного речевого взаимодействия следует учитывать функциональную нагрузку невербальных сигналов: мимических, жестовых, движенческих, интонационно-акустических. Анализ должен проводиться с учетом

лингвострановедческих особенностей невербального поведения участников общения.

Диалогическое и полилогическое единство можно интерпретировать как текст, представляющий собой единство реплик [См.: Купина 1990; см. также: Борисова 2009]. Диалог и полилог складываются из реплик, существующих в непринужденном речевом общении. Реплика – «минимальная структурно-содержательная единица диалогического целого, в границах которого проявляется определенность речевых действий коммуникативных партнеров» [Скребнев 1985: 193–194]. Особо выделяется двуреплика (реплика-стимул и реплика-реакция) – смыслообразующая единица диалога и полилога, обеспечивающая взаимопонимание между коммуникантами и развитие речевого взаимодействия [См.: Бырдина 1992: 6]. Реплика и двуреплика – единицы анализа в настоящем исследовании.

Диалог и полилог включают отдельные фрагменты, связанные «единой предметной темой и несущие определенную информацию» [Подольская 1996: 124], т. е. тематически целостные единства. «Только диалогические взаимоотношения между смысловыми рядами внутри текста позволяют последнему вступать в диалог <...> и тем самым способствовать приращению смысла» [Никитина 2011: 141]. С точки зрения коммуникативного взаимодействия диалог, как и полилог, – «это текст в лицах» [Там же], объединенный общим смыслом, темой [См.: Матвеева 1996: 210–211]. В диалогических и полилогических текстах реплика «отражает тематико-смысловое членение монологического фрагмента» [Живая речь уральского города: тексты 1995: 9]. Диалогическое, а также полилогическое единство можно трактовать как текстовой тематический фрагмент (текст-разговор). В процессе анализа живого межличностного общения важно не только разграничивать реплику-стимул и реплику-реакцию, но и учитывать «последовательность двуреплик, определяющих, как правило, направление развития темы диалога как текста» [Цзя Пэнлин 2020: 34]. Текстом является лишь тот участок разговора, который обладает предметной темой. Двуреплика позволяет уточнить

постановку и развитие предметной темы, а также составить представление об аксиологических предпочтениях коммуникативных партнеров.

Обозначим принципы отбора диалогов и полилогов для специального анализа.

– В процессе изучения расшифрованных записей межличностного общения горожан-уральцев [Живая речь уральского города: тексты 1995; Шалина 2009; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011; Ценностное содержание разговорного диалога 2021] последовательно отбираются тематически определенные фрагменты, в составе которых имеются устойчивые единицы. Выделенный для специального анализа фрагмент интерпретируется как текст с присущими ему категориями темы, тональности, хронотопа.

– Для выявления стилистической и аксиологической специфики устойчивых единиц учитывается не только их статус в системе языка, но и тема диалогического, а также полилогического фрагмента, стратегические установки коммуникантов, внеязыковая ситуация.

– Анализ проводится в проекции на страноведческие особенности общения, социально-ролевые характеристики коммуникантов – жителей Екатеринбурга и уральской провинции; носителей литературного языка, а также носителей городского просторечия.

Анализируемые тексты-разговоры отражают специфику речевого быта горожан-уральцев, сохраняющих традиции и ценностные установки лингвокультуры. В диссертационной работе проанализированы всего 26 диалогов и 10 полилогов.

Горожане, связанные кровным родством и узами брака, составляют особую социальную группу – «семью» [См.: Социальное пространство современного города 2015]: «Наиболее типичные сферы и ситуации реализации коммуникативного взаимодействия – семья» [Беликов, Крысин 2001: 35], которая рассматривается как разновидность языкового сообщества, характеризующегося «общностью социальной жизни и наличием регулярных

коммуникативных контактов» [Там же: 11]. В семье формируется «сфера преимущественно устного общения» [Шмелев 1977б: 7], способствующая активизации интерактивной устно-повседневной коммуникации между родственниками. Основная форма домашнего общения – «внутренний семейный обиходно-бытовой разговор» [См.: Крысин 2014. Т. 1: 9]. Внутрисемейные разговоры уральцев выделяются нами для специального анализа.

Дом, понимающийся как «разновидность городского локуса, является главным коммуникативным пространством», включающим «функциональные зоны (гостиная, кухня, ванная и др.)» [См.: Китайгородская, Розанова 2010: 62]. Пространство дома обладает «культурной ценностью» [Левонтина 1999: 87]. Домашнее общение между членами уральской семьи, «включающее беседу, разговор-спор» [См.: Рытникова 1996], характеризуется «широтой и многообразием» [Шалина 2009: 341], политематичностью [Земская 1988].

Частотные темы анализируемых разговоров: права и обязанности членов семьи, здоровье родственников, их личные проблемы, материальное обеспечение. Обсуждаются также качество среднего и высшего образования, внеучебная жизнь детей, выбор профессии, поиск работы. В центре внимания родственников оказываются организация застолья, подготовка к празднику, культурная жизнь (обсуждаются фильмы, книги, развлекательные телепрограммы), а также однополые браки и связи. Интерес со стороны уральцев вызывают наука, нововведения в образовании и на производстве, события городского масштаба и др.

По нашим наблюдениям, в разговорах друзей и соседей обнаруживается интерес к методам воспитания родных и приемных детей. Обсуждаются изменения в системе образования, перспективы технического и педагогического образования, профессиональная карьера, а также система назначения пенсий, супружеские и внебрачные отношения. Тематика разговоров выходит за пределы личных проблем: аналитически воспринимается состояние промышленных центров города, внутригородское административное управление. Предметные темы разговоров позволяют оценить гражданскую позицию горожан-уральцев,

их включенность в жизнь родного города и страны.

Принятая дифференциация внутрисемейных разговоров и разговоров между друзьями и соседями позволяет установить типы микроколлективов, уточнить особенности культурно-специфического взаимодействия, заданные социально-ролевым статусом участников общения.

Специально анализируются реализованные в тематически целостных фрагментах диалогов и полилогов устойчивые единицы, в том числе номинирующие и характеризующие вербализованные ценностные предпочтения и отталкивания коммуникантов. В каждом конкретном случае рассматривается контекстуальное значение, стилистическая маркированность и репертуар функций устойчивых единиц.

В составе диалогических фрагментов, выделенных для специального анализа в разделе 3.1, употребляются устойчивые единицы, выступающие как сигналы темы. Их функциональная нагрузка задана профессиональными предпочтениями и аксиологическими установками участников общения. Приведем отдельные примеры.

Актуальная для матери-учителя и дочери-студентки тема выбора педагогической профессии [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 63] маркируется разговорными устойчивыми единицами: *идти (работать) в садик, идти (работать) в школу, вести хореографию, музыкальная школа, общеобразовательная школа*. Тема сложившихся условий профессиональной работы учителя [Там же: 59–60] поддерживается воспроизводимыми устойчивыми единицами: *устраиваться на работу, место работы, сельские платежи*. Предметная тема школьного праздника [Там же: 55–57] детализируется на базе воспроизводимых устойчивых единиц: *петь хором, петь от души, поздравительные стихи*. Предметная тема получения качественного образования [Там же: 62] поддерживается следующими сочетаниями и оборотами: *пойти в пед, пойти на заочку, связать свою жизнь* (с чем именно), *вступительные испытания, бесплатные места*. Детализированное обсуждение педагогической деятельности и выбора студентом и выпускником

вуза профессии мотивируется родом занятий и интересами партнеров общения (мать – учитель музыки; дочь – студентка филологического факультета университета). Анализ обнаруживает возможность полифункциональности отдельной устойчивой единицы, в процессе реализации которой обнаруживается возможность пропуска одного из компонентов, а также инверсия.

Значимой для близких родственников является тема здоровья [Живая речь уральского города: тексты 1995: 35–36; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 20–21, 26, 64]. Принимая близко к сердцу ухудшение здоровья жены, ее супруг использует тематически значимые устойчивые единицы, одновременно выражающие заботу о близком человеке и готовность к помощи: *вызывать скорую, идти в больницу, посылать к врачу, поднимать давление, укреплять сосуды, принимать таблетки, со здоровьем не шутят.*

Тема обязанностей мужа [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 63–64] вербализуется, в частности, с помощью устойчивых единиц: *приносить деньги в дом, обеспечить семью, кормить сына.*

При обсуждении поиска работы [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 196] выделяются, в частности, фразеологические сигналы темы: *зарабатывать на жизнь, устроиться на нормальную работу.*

Внутрисемейные разговоры, выходящие за пределы семейных проблем и личных интересов, отличаются политематичностью. В речевых партиях коммуникантов наблюдается активность употребления воспроизводимых сочетаний и оборотов. Так, развитие темы нововведений в образовании и на производстве [Там же: 129–130] сопровождается отрицательно-оценочными устойчивыми единицами: *внедрять фигню* (в школах), (придумывать и производить) *всякие фиговины*. Выражается неодобрительное отношение к нововведениям. Тематическую функцию выполняют следующие устойчивые единицы: *формировать компетенции, среднее звено, тестовая система, сдача экзаменов*. Их аксиологическая маркированность

устанавливается в контексте.

Предметная тема развития наук [Там же:111– 112] поддерживается устойчивыми единицами: *чистая наука, уйти в чистую науку, продвинуть науку*.

При обсуждении прочитанной книги и ее экранизации [Там же:112– 113] мнения коммуникантов вербализуются с помощью устойчивых единиц, аксиологическое содержание которых позволяет осознать общий подход партнеров общения к влиянию произведений искусства на массового адресата: *бить по мозгам, полное отсутствие (морали), изжить себя*.

При обсуждении внешних данных поп-артистов, участвующих в развлекательной телепередаче [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 12–16], используются тематически значимые устойчивые сочетания и обороты: *делать наколки, маленький рост, блистать красотой, козья борода*.

Тема однополых браков [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 111] сопровождается реализацией устойчивых единиц, позволяющих осознать личные мнения коммуникантов: *любить друг друга, предназначено природой, влечение к полу*.

При обсуждении зверского убийства девушки [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 17] с помощью аксиологически значимых устойчивых сочетаний: *урод какой, своими руками (задавить)* выражается неприятие убийства и убийцы, осуждение бесчеловечности.

Разговоры между соседями и друзьями, выделенные для специального анализа в разделе 3.2, характеризуются политематичностью.

При обсуждении воспитания младшего сына и приемных детей [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 85–87; 157–158] используются тематически значимые устойчивые единицы: *приемные родители, взять ребенка из детдома, приучать (ребенка) к порядку*.

Тема внебрачных отношений [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 156–157; 159] сопровождается использованием устойчивых

единиц: *первый мужчина, с парнем жить*.

Аксиологической значимостью в составе разговоров друзей и соседей характеризуются темы заработков и назначения пенсии [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 88; Шалина 2009: 347–348; Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 118]. Сигналы темы поддерживаются устойчивыми единицами: *срезать зарплату, тринадцатая зарплата, плюс к зарплате, пенсия за инвалидность, получить пенсию, копить деньги, разделить (пенсию) по полочкам*.

Предметная тема технического и педагогического образования [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 90–91] маркируется следующими устойчивыми единицами: *попасть на радиофак, учиться на электрофаке, учиться в пединституте, педагогическое образование*.

Культурно-специфическая тема состояния промышленных центров города [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 88–89] детализируется на базе устойчивых единиц: *градообразующее предприятие; набирать рабочих; Вагонка загнетя, завод загнетя*.

Антропоцентризм национального сознания ярко проявляется в воспоминаниях о покойной соседке [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 108–110; 111–114]. Соответствующая тема, включенная в ритуализированную ситуацию поминок, развивается на базе воспроизводимых единиц: *царство небесное; Упокой душу! Душа уходит; Душа летает*. В составе тематически целостных текстов-разговоров реализуются общелитературные, просторечные, субъязыковые устойчивые единицы, функциональная нагрузка которых выявляется в ходе комплексного анализа отдельного диалогического и полилогического тематически целостного фрагмента.

Выводы

В коллоквиалистике выделяются разные подходы к разговорной речи: а) разговорная речь – это преимущественно устная реализация литературного языка в сфере непринужденного межличностного общения и в границах разговорно-литературного функционального стиля; б) разговорная речь – непринужденная, преимущественно устная речь, используемая в неофициальном повседневном общении и не ограниченная рамками литературности.

Авторитетные словари русского языка позволяют установить степень нормативности определенной единицы, её функционально-стилевую маркированность, эмоционально-оценочную окрашенность, а также принадлежность к подсистеме общенационального языка, выходящей за границы языка литературного.

Пометы, использованные составителями новейших словарей разговорной речи, позволяют уточнить виды маркированности устойчивых единиц.

Просторечие представляет собой нелитературная разновидность разговорной речи. В системе общенационального языка просторечие находится между литературным стандартом и территориальными, социальными диалектами. Городское просторечие обеспечивает благоприятную среду для освоения профессионализмов и жаргонизмов.

Межличностная устная речевая коммуникация, осуществляемая в формах диалога и полилога, предполагает соблюдение закрепленных в национальной лингвокультуре норм общения.

В структуре коммуникативного акта выделяются ролевые позиции адресанта и адресата. Речевое поведение коммуникантов в значительной мере зависит от их социальных ролей.

В процессе анализа межличностного взаимодействия определяющей является обратная связь, на основе которой формируются согласные (кооперативные, гармонические) диалоги и полилоги. Разрушение обратной связи демонстрирует дисгармоническое общение. В каждом конкретном случае

особую значимость приобретают вербальные и невербальные (жесты, мимика, интонационно-акустические сигналы) средства создания или же разрушения кооперативного общения.

Разграничение тематически целостных фрагментов разговоров между родственниками и между друзьями и соседями позволяет предложить интерпретацию особенностей речевого общения внутри коммуникативных микроколлективов, выделить актуальные для горожан-уральцев предметные темы.

Межличностное общение горожан-уральцев обнаруживает востребованность коммуникантами устойчивых единиц, которые выступают в тематически целостных единствах как сигналы темы и средства ее регулирования.

Интерпретация контекстуальной нагрузки устойчивых единиц в составе диалогов и полилогов осуществляется в главе третьей с опорой на обозначенные принципы отбора тематически целостных фрагментов и выделенные аспекты анализа.

ГЛАВА 3. УСТОЙЧИВЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕЖЛИЧНОСТНОМ РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ ГОРОЖАН-УРАЛЬЦЕВ

3.1. Устойчивые единицы в составе внутрисемейных межличностных разговоров

Семья рассматривается как особый микроколлектив. «Семья – это группа живущих вместе близких родственников» [ТСРЯ 2011: 873]. Внутрисемейные контакты охватывают также «отношения между родителями и детьми, между предками и потомками и между людьми, имеющими общих родителей или общих предков» [Моисеев 1963: 120]. Выделяются базовые признаки родства – кровное родство, т. е. родство «по прямой линии; по боковой линии; по восходящей и нисходящей линиям», а также супружеское родство, т. е. родство «по результату брачного союза» [Там же: 120–121]. Для носителя русского языка как иностранного важно понимать термины родства: *мать, отец, дочь, сын, бабушка, дедушка, сестра, двоюродная сестра, брат, двоюродный брат, дядя, тетя, племянник, племянница, жена, муж, свекор, свекровь, тесть, теща, зять, невестка, деверь, золовка, шурин, свояченица, сват* и др. Отмеченные лексемы выступают как номинации семейных ролей, а также как субконцепты, включающие социолингвистическую и аксиологическую составляющие. Последнее в значительной мере обуславливает специфику межличностного речевого взаимодействия. Из записей разговоров членов семьи для специального анализа выделены тематически целостные фрагменты (всего 36). Принципы отбора текстов-разговоров обозначены в процессе общей характеристики анализируемого материала.

В межличностном речевом общении реализуются различные статусно-ролевые позиции говорящих [См.: Беликов, Крысин 2001]. В зависимости от «степени близости родства» [Генетика 2022: 167; см. также: Моисеев 1963] выделяются семейные ролевые пары: «муж и жена; родители (мать, отец) и дети (дочь, сын); бабушка, дедушка и внук, внучка; сестра и брат; дядя, тетя и

племянник, племянница» [Генетика 2022: 167]. Отмеченные пары составляют близкие родственники. Не объединены кровным родством коммуниканты – свекор, свекровь и зять; тесть, теща и невестка и др. При необходимости мы будем обращаться к толкованию номинаций родства в словарях русского языка.

В процессе лингвоцентрической интерпретации диалогического и полилогического фрагмента учитывается паспортизация коммуникантов, их социальные роли, отличающиеся идентификациями (пол, возраст, семейное положение, актуальная семейная роль, социальный статус, профессия, образование, место проживания). Идентификаторы осуществляют роли «дифференцирования и ценностного комментирования» [Вепова 2018: 108]. В диссертационной работе описываются речевые паспорта коммуникантов.

Поскольку, как было отмечено, для специального исследования отбираются лишь те тематически целостные фрагменты, в составе которых имеются устойчивые единицы (УЕ). В диссертационной работе обозначена последовательность анализа автоматически использованных сочетаний и оборотов.

- Устанавливается системно-языковое словарное значение УЕ.

- С учетом компонентного состава семемы в пределах реплики (минимальной единицы анализа) и двуреплики интерпретируются формальные особенности УЕ, ее контекстуальный смысл и стилистическая окраска.

- В составе речевой партии говорящего в проекции на сильные контекстные партнеры и затекстовую ситуацию выявляются интенционально заданные функции УЕ в составе текстового целого.

Отметим, что специально рассматриваются аксиологически значимые и лингвоспецифические УЕ.

Остановимся на специфике речевого общения близких родственников. Начнем с анализа текстов-разговоров родителей и детей, последовательно выделяя тематические целостные текстовые фрагменты. Родители, являющиеся символом защиты, помощи, духовности, играют незаменимую роль в воспитании детей. Дети следуют традиционным семейно-нравственным

установкам. Не исключены отступления от этих установок.

В процессе интерпретации диалогов учитывается страноведческий фактор, разрабатывается комментирование ценностного содержания текстового фрагмента [См.: Верещагин, Костомаров 1980: 159]. Лингвоаксиологический анализ повседневного речевого общения горожан-уральцев, сопровождающийся страноведческим комментарием, позволяет интерпретировать ценностные установки коммуникантов, а также выявить ценностные смыслы, которые передаются с помощью устойчивых единиц [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 22–25]. В процессе анализа диалогического, а также полилогического единства по принципу дополнения приводятся китайские аналогии, выявляющие общность и различия двух национальных лингвокультур.

Разговор на кухне – отличительная черта общения горожан. Традиционная привычка – собираться на кухне для семейных разговоров [См.: Костомаров 1860: 103–110] – характерна для советского времени, когда люди проживали в *коммунальных квартирах* (выделенное устойчивое сочетание обозначает «квартиру, предоставляемую городским хозяйством и занимаемую несколькими семьями» [МАС 1986. Т. 2: 84]). Эта привычка сохранилась, когда горожане получали *отдельную квартиру* (выделенное устойчивое сочетание обозначает «отдельное жилое помещение, состоящее из одной или нескольких комнат с кухней, передней и т. д.» [Там же: 44]), в которой проживала одна семья. В позднесоветское и постсоветское время горожане могли приобрести квартиру за счет собственных средств. Во все времена разговор на кухне – это разговор откровенный, доверительный, нередко – конфиденциальный.

Приведем тематически целостные фрагменты разговорного диалогического взаимодействия матери и дочери. Разговор записан в Березовском.

Ю. – дочь **А.**, 18 лет, студентка 1 курса филологического факультета;

А. – мать **Ю.**, 44 года, учитель музыки, живет с дочерью в городе Березовском [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 55].

Диалогический фрагмент 1.

Ю. Я думаю / я вообще это // Где мне учиться? Я так и не могу решиться //

А. Куда? Чего?

Ю. Ну / в садик / думаю / в садик / на началку / или вообще просто филологом в школу идти //

<...>

А. Потому что мама педагог?

Ю. Да почему-у? / Просто самой хочется / я просто не знаю / кем я ещё могу //

<...>

А. Тебе знаешь надо куда пойти? Я думаю / <...> / у тебя есть база / ты можешь пойти вот с хореографическим уклоном / ты можешь вести хореографию //

Ю. Так (выдыхая) я не хочу хореографию вести профессионально //

А. Почему?

Ю. Ну / потому что я не такой человек / мне нравится самой это делать / но я не такой прям суперпрофессиональный танцор / чтоб / ну / я / конечно / могу вести какой-нибудь коллектив / во-первых / это полжизни оставлять в музыкальной школе //

А. Я тебе не говорю в музыкальной / вот / вот / в общеобразовательной школе у нас уроки хореографии //

<...>

А. Ну / получается / если ты хочешь пойти куда-то в пед / значит ты тоже не то выбрала / что ли / что тебе хочется?

Ю. Почему?

А. Филология //

Ю. Мне это тоже нравится / просто это как бы уже // Ну вообще говоря это круче будет / мне кажется / что это хорошая база вообще для каких-то остальных профессий / тем более ещё я точно не решила / кем хочу быть / может быть я и пойду филологом в школу //

(Молчание)

А. По крайней мере / сама будешь грамотной / а это уже хорошо / так ведь?
Ю. Ну / просто зачем // Если для себя / ну чё / для себя учиться четыре года?
Так просто? Чтоб потом типа это / умной быть //
А. С пользой для дела надо / вот и всё / использовать эти знания в своей
профессии / вот и всё // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 61,
63].

Мать и дочь – жители Березовского [См.: Там же: 55]. «Березовский – уральский город, административный центр Березовского городского округа Свердловской области, город тяжелой промышленности» [См.: Википедия: Электр. ресурс]. Как известно, промышленный город нуждается в большом количестве научно-технических, инженерных кадров. Гуманитарные профессии матери и дочери выходят за границы востребованных городом технических специальностей. В диалоге демонстрируется интерес дочери к выбору профессии и личное стремление к реализации перспективных планов, основанных на опыте матери – учителя музыки.

Разговор матери и дочери, происходящий на кухне за чаепитием, затрагивает тему выбора будущей профессии вообще и профессии филолога в частности. «Правильный выбор профессии, являющийся ценностной составляющей, значим для развития личности молодого человека» [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 67]. Дочь окончательно не определила выбор будущей профессиональной деятельности.

В реплике-реакции на вопрос, заданный матерью, употребляются варианты разговорного устойчивого сочетания *идти (работать) в садик, на началку, в школу*. Сочетания используются с пропуском глагола *работать*.

Коллокация проявляется в предсказуемой последовательности компонентов в пределах воспроизводимого в готовом виде сочетания, принадлежность которого к устойчивым единицам подтверждается критерием частотности. По данным НКРЯ, коллокационное сочетание *идти / пойти / ехать / поехать (работать) (в / на ...)* употребляется в 423 высказываниях.

Мать советует *вести хореографию*. В ее речевой партии реализуются коммуникативные тактики совета и замечания, способствующие формированию искренности, откровенности, гармонии, коммуникативной тональности, сопровождающей обсуждение микротемы выбора будущей работы. Старшая собеседница, будучи опытным педагогом, старается побудить молодую собеседницу задуматься над открывающимися возможностями профессиональной деятельности. Формульные сочетания *общеобразовательная школа* [УСССРЯ 1983: 670], *музыкальная школа* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 611] уточняют возможности выбора и его различные варианты. В функции аргумента в речевой партии матери выступает сочетание *у тебя есть база* [УСССРЯ 1983: 23] в контекстуальном значении «необходимые для педагогической деятельности знания и умения».

В репликах-реакциях дочери отрицательную оценку приобретает устойчивое сочетание *музыкальная школа*. Имплицитная модальность нежелательного выбора (ср. также: *не хочу хореографию вести*) мотивируется отсутствием склонности к искусству танца, которым занимается человек, обладающий набором сформированных профессиональных качеств: *полжизни оставлять в музыкальной школе*. Отметим, что инверсия (прямой порядок компонентов – *вести хореографию*) усиливает эмоциональную тональность: *я не такой человек; я не такой прям суперпрофессиональный танцор*.

Известно, что на Урале востребована профессия инженера. Студентка-первокурсница должна убедиться в целесообразности филологического образования. В процессе обсуждения темы подчеркивается фундаментальная роль грамоты не только для себя, но и для представителей всех профессии. Устойчивое сочетание *хорошая база* – «Основание, основа» [УСССРЯ 1983: 22] передает одобрительное отношение студентки к филологии и *общеобразовательной* деятельности. В речи молодежи сленгизм *круче будет* употребляется для выражения положительного отношения «к заслуживающему одобрения выбору» [См.: Никитина 2003: 288]. В речевой партии студентки сленгизм используется как экспрессив-интенсив.

В ходе общения старшая собеседница, работающая учителем, соглашается с мнением дочери: сочетание *с пользой для дела* [УСССРЯ 1983: 406] употребляется в словарном значении «Приносить положительный результат, благоприятные последствия для чего-л.» [БТСРЯ 2000: 912] как аксиологема. Акцентируется положительное влияние филологии на самообразование. Опираясь на собственный опыт профессиональной деятельности, мать поддерживает базовую ценность образования и аксиологический выбор дочери. В согласных репликах матери, поддерживающих обратную связь, устойчивые единицы *по крайней мере* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 515], *вот и всё* [Там же: 118] одобряют рассуждения дочери о выборе профессии: *я точно не решила / кем хочу быть / может быть я и пойду филологом в школу*. Мать с пониманием относится к сомнениям студентки-первокурсницы, перед которой открыты возможности применения собственных способностей, знаний и умений.

Выделенные в процессе анализа устойчивые единицы служат сигналами темы в ее развитии, способствуют формированию представления о значимости духовных ценностей. Ценностный потенциал качественного образования и стремление к накоплению знаний, по мнению матери и дочери, сопровождают профессиональную деятельность.

Речевое поведение собеседниц, соблюдающих нормы кооперативного общения, отмечено доброжелательностью. Гармонический диалог способствует обдуманному решению жизненно важной проблемы.

Диалогический фрагмент 2.

*А. Ну / там же / как сказать / не город / там сель / там **сельская местность** //*

*Ю. Дак вот именно что **сельская местность** / должны как бы поменьше платить / раз село //*

А. Наоборот / там сельские (пауза) / наоборот / там больше платят //

Ю. Почему?

<...>

А. Может / там условия //

Ю. Может / мне тоже уехать к бабушке в деревню и работать учителем?

*А. Ну / вот когда я **на работу устраивалась** / когда искала себе **место работы** / в садике тоже же одно место было / в этом / Сарапулка по-моему / в Сарапулку мы ездили / там было место в детском са / там школа и садик вместе / в общем / в одном здании / как с одной стороны садик / с другой стороны школа / но это же школа / **начальное звено** / наверное / скорей всего / чё-то не уточняла // И вот мне предлагали / ну как бы тоже как вариант хороший / что там **сельские платежи** как бы / вот есть смысл / м-м / рассмотреть этот вариант / м-м / не понравилось //*

Ю. Почему?

*А. Ну / потому что **ездить** надо **на автобусе** / утром вставать и ехать / **всё равно** же ездить надо было //*

*Ю. А тут **пешком топать** //*

*А. Пешком / **по крайней мере** / знаешь / автобус не сломается / не встанет и-и (пауза) //*

Ю. Сейчас автобусы вообще проблем нет // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 59–60].

В разговоре матери-педагога с дочерью-студенткой обсуждаются объективные условия профессиональной работы педагога [См.: Там же: 66–67]. Начальная инициальная реплика Ю. ориентирована на реакцию матери, связанную с намерением работы в деревне – «крестьянском селении» [ТСРЯ 2011: 191]. Имплицитная универсальная оппозиция *город* (Березовский) – *деревня* основана на культурно-значимых представлениях об отсутствии в деревне тех возможностей, которые город предоставляет своим жителям. Термин родства *бабушка* свидетельствует о том, что жизнь в деревне знакома внучке Ю. изнутри.

Развернутая реплика-реакция матери содержит воспоминание о начале собственной педагогической деятельности. Сигнал темы – устойчивое сочетание *место работы* [УСССРЯ 1983: 278]. В речевой партии А. реализован также

профессионализм *начальное звено* – «Первая составная часть чего-л. целого» [См.: РСС 1998: 193; см. также: ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 432]. В контексте устойчивое сочетание реализуется в значении: «Общеобразовательная школа для 7(6)-летнего возраста в составе 1-3(4)-го классов» [НЭС 2001: 790]. Параллельно отметим, что в Китае девятилетнее обязательное образование, финансируемое правительством, состоит из начального образования для детей в возрасте 6(7)-12(13) лет, длящегося 6 лет, а также среднего образования для подростков в возрасте 12(13)-15(16) лет, длящегося 3 года [См.: Википедия: Электр. ресурс].

Будучи опытным педагогом, мать перечисляет комплекс факторов, определяющих выбор *места работы* дипломированного специалиста. В их ряду наличие склонностей и интересов к профессии, объем получаемой зарплаты, доступность общественного транспорта для приезда на работу. Каждый из факторов может быть рассмотрен как ценностный ориентир в процессе поиска работы. Устойчивое сочетание *устраиваться на работу* [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 627] (в тексте наблюдается инверсия, подчеркивающая не процесс поиска работы, а собственную ценность работы) выступает и как тематический, и как темпоральный сигнал: в начале профессиональной деятельности следует осознанно определить место работы.

Важен топоним *Сарапулка* – «поселок в Берёзовском городском округе Свердловской области» [См.: Википедия: Электр. ресурс]. Точечно обозначаются серьезные трудности в повседневной жизни уральской провинции. В репликах матери отмечается преимущество *сельской местности* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 583] – *сельские платежи*: в *Сарапулке* больше, чем в городе платят учителям. Упоминается также *сельский* общественный транспорт (сочетание *ездить / ехать на автобусе* [УСССРЯ 1983: 15]), затрудняющий своевременный приезд на работу. Полученная профессия определяет начало карьеры и развитие дальнейшего жизненного пути. Утверждение матери о возможности варианта устройства на работу, который в свое время был ею отвергнут, наталкивается на вопросительную однословную реплику дочери: *Почему?*. Вопросительная интонация передает модальность удивления. Характерная для разговорной речи

устойчивая единица *всё равно* в ответной реплике употребляется в значении «Безразлично, одинаково» [ТСРЯ 2011: 225] и сопровождается иронической оценкой [См.: Там же: 84]. Иронизм акцентирует терпимое отношение матери к реальным условиям работы. Ироническая тональность поддерживается репликами-реакциями дочери.

Просторечная устойчивая единица *пешком топать* – «На своих ногах идти, направляться куда-н.» [См.: ТСРЯ 2011: 642, 989] характеризуется экспрессивно-эмоциональной шутливой окраской и отражает восприятие реалий, связанных с транспортным обеспечением жителей уральской провинции. Трудности трактуются как объективные, не препятствующие успешному осуществлению профессиональной деятельности. В реплике матери разговорная устойчивая единица *по крайней мере* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 515] выступает как регулятив, способствующий развитию гармонического общения, а также демонстрирующий личностную установку на преодоление реальных трудностей. Предполагается, что с развитием экономики условия работы молодых специалистов будут улучшаться: *Сейчас автобусы вообще проблем нет*. В диалогическом единстве прослеживаются особенности русского характера – готовность стойко переживать трудности и оптимистическое отношение к жизни.

Устойчивые единицы в составе диалогического единства способствуют четкой организации текстовой категории хронотопа (раньше – теперь – в будущем); в городе и в сельской местности; поддерживают развитие темы, служат для уточнения профессиональной педагогической деятельности; регулируют коммуникативный процесс. Особо выделяются устойчивые единицы, поддерживающие тональность гармонического диалога.

Речевое поведение матери отличается доверительностью, задушевностью. Вместе с тем она выступает в роли наставника, советчика. Откровенный разговор между собеседницами свидетельствует об общности ценностных установок, готовности к взаимной поддержке.

Продолжая разговор, мать и дочь переходят к обсуждению предметной

темы выпускного школьного праздника. Ценность школьного праздника определяется его креативностью, созданием духовной общности учителей и учеников, общим эмоциональным восприятием торжественного события, способствующего развитию личностной самостоятельности выпускников, объединяющего школьников, их родителей и учителей.

Диалогический фрагмент 3.

Ю. *Это их классы выпускались?*

А. *Ну два класса / два класса их было / потом Светланы Алексеевны класс был / и у Натальи Ивановны класс был // Там небольшой класс // (уточняется количество «групп учеников, учащихся последнего (одиннадцатого) года обучения в средней школе» [См.: ТСРЯ 2011: 338]) Мальчишки все в костюмах / вообще / такие красавцы //*

Ю. *Одинаковые типа / что ли?*

А. *Нет / неодинаковые / ну / просто они обычно / ну / в обычные дни-то **по-другому выглядели** / а здесь в пиджаках / в рубашечках такие //* [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 55].

Обсуждается одежда учеников на выпускном школьном празднике [См.: Там же: 66]. Реплика-стимул Ю. передает ее желание уточнить впечатляющие детали одежды. Из ответной реплики А. ясно, что выпускники были одеты по-разному, не в школьную форму. В Китае учащиеся школ должны носить стандартную форму не только во время нахождения в школе, но и на официальных мероприятиях вне школы. Форма напоминает спортивный костюм. Обычно она состоит из двух наборов: летнего и зимнего [См.: Википедия: Электр. ресурс].

Разговорная формульная реплика *что ли* передает сомнение в уравнивании праздничной и повседневной одежды учеников. Просторечная единица *по-другому выглядели* усиливает эмоционально-оценочную составляющую языковой семантики, свидетельствует о положительной эмоциональной оценке

праздничной одежды, выводящей зрительное восприятие за границы обыденности. В живой обиходно-бытовой речи употребление разговорной устойчивой единицы одним коммуникантом может мотивировать параллельный отбор устойчивой единицы, отмеченной слабой или яркой сниженностью, в реплике собеседника.

В диалогическом единстве, которое приводится ниже, сигналами микротемы, развивающей тему школьного праздника, служат слова *ведущий, оформление*. Микротему формирует контекстуальный смысл выделенных выше слов: «Учитель, а также ученик, организующие выпускной вечер и руководящие оформлением и украшением торжественного помещения» [См.: БТСРЯ 2000: 115]. Ю., как следует из диалогического взаимодействия, знакома со многими, но не со всеми ведущими. Последнее свидетельствует не только о родственной близости, но и том, что мать и дочь интересуются внесемейной жизнью и личными контактами друг друга.

Диалогический фрагмент 4.

Ю. Чё там / кто там учится? Кого я знаю?

А. Ну вот ведущий / Стёпа / (пауза) Воробьёв //

Ю. Не знаю //

А. С этой / м-м-м // С Лизой / Корчагиной //

Ю. Ну Корчагину Лизу знаю / а Стёпу //

*А. Ну вот они всегда **в паре работали** / как бы ведущими //*

Ю. Н-н! Я так долго у вас в школе была прямо это / чтоб всех знать!

А. Ну / ладно / в общем они были ведущими / м-м-м // <...>

<...>

А. Оформление мне понравилось // В прошлом году ведь тоже эти были (пауза) / звёздочки были / да? Такие серебристого цвета //

Ю. Да / ну нормальное было оформление в том году //

*А. Да и в этом году тоже / тут по краям короче звёздочки / вот такие же / как в прошлом году были / а в середине были / ну **цветы** такие / цвет такой*

приятный / такой розовый / и такой салатový цвет / как зелёный / такие цветочки / (вдохнув) так вроде бы скромно / но со вкусом // [Ценностное содержание разговорного диалога 2011: 55, 57].

Предложно-падежное сочетание *в паре* (работать) [См.: УСССРЯ 1983: 370] в реплике А. поддерживает общую тональность коммуникативного взаимодействия, – «общую эмоционально-психологическую позицию по отношению к излагаемому» [См.: Матвеева 2010: 92]. Мать допускает, что дочь не может знать всех коллег и учеников, в том числе участников праздника, а дочь, не опровергая своего интереса к кругу общения матери, с пониманием, но не без иронии воспринимает уточняющую информацию, связанную с оформлением зала. В ответной реплике дочери эту информацию детализируют сочетания *розовый цвет, салатový цвет, зелёный цвет* [См.: УСССРЯ 1983: 649], передающие зрительно воспринимаемую *приятную* атмосферу праздника. Предложно-падежное сочетание *со вкусом* [Там же: 59] свидетельствует о собственном мнении, связанном с оформлением зала, совпадающим по эстетической ценностной установке с предпочтениями ведущего: *Оформление мне понравилось.*

Отметим, что устойчивые предложно-падежные сочетания не всеми исследователями относятся к фразеологии, т. к. содержат в своем составе менее двух ударных компонентов. Особого мнения придерживаются составители академического четырехтомного толкового словаря, выделяющие в отдельную группу «сочетания, выступающие в роли наречий, предлогов, союзов (например, *без удержу, в силу, при помощи, тем не менее* и т. п.)» [СРЯ 1987. Т. 1: 9]. Сочетания *на пару, со вкусом* выступают как наречия.

Между дочерью и матерью продолжается обсуждение творческой составляющей школьного праздника, регламентированного во времени.

Диалогический фрагмент 5.

А. <...> мне понравилось то / что они организованно все вышли песни петь / и

*пели хором / дружно пели / как-то так это / ну может потому что их / ну / из-за массовости / может / не все они пели / но пели / мне понравилось во всяком случае // Пели **от души** / даже прослезились / так все быстро / лаконично / ну как бы вот ничего лишнего / одна сценка //*

Ю. Ну сколько он / сорок минут?

А. А?

Ю. Сорок минут?

А. Да / вот сорок минут / ну / мы уложились в со... // Начали в три и закончили без двадцати / так организованно всё / одна сценка что ли там / две-три песни были / м-м-м / стихи / поздравительные какие-то / ну / **поздравительные стихи** там / всё / **всего понемногу** и не затянуто // <...>

<...>

А. <...> ну вроде **ниче [ничего] особенного** / как-то так / ну **душевно** / мне **понравилось** // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 56].

Рассказывая о дружеской атмосфере праздника [См.: Там же: 66], А. употребляет сочетание *петь хором* [ФССРЛЯ Т. 1. 2004: 825], поддерживающее ценности единения и общности.

Оценивая концертную программу, А. использует эмоционально-экспрессивное устойчивое предложно-падежное сочетание *от души* – «С полной откровенностью» [См.: ФССРЛЯ Т. 1. 2004: 367]. Сочетание употребляется в функции наречия.

Необходимо подчеркнуть, что опорное слово *душа* в группе фразеологизмов [ФССРЛЯ 2004: 364–369] является базовой аксиологемой русской ментальности. Группа устойчивых единиц с опорной аксиологемой *душа* свидетельствует о возможности носителей русской культуры «воспринимать и оценивать мир и человека в категориях и формах родного языка, но с преобладанием идеальной, духовной точки зрения» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014. Т. 2: 531]. Лексема *душа* – константа русской лингвокультуры [См.: Степанов 2004: 736–739], номинирующая и характеризующая

одобрительную оценку обозначаемого. В функции аксиологом выступают устойчивые единицы *душа нараспашку, чистая душа, (человек) большой души, вложить в душу, класть свою душу* и др. [См.: Байрамова 2011].

Хоровое пение *от души*, как следует из реплик матери и дочери, вызывает духовное сопереживание, сочувствие слушающих, трогает до слез (предложно-падежное сочетание употребляется как наречие).

Вопросительная реплика Ю. не лишает иронии и позволяет А. поддержать непринужденный тон общения с помощью использования сниженно-разговорного фразеологизма *всего понемногу* – «О неоднородном составе», в контексте – «О разнообразии выступлений» [ФССРЯ 2014: 93]. Разговорные устойчивые единицы обеспечивают обратную связь между коммуникантами разных возрастных групп.

Обращает на себя внимание формульное сочетание *поздравительные стихи*, т. е. «тексты поздравлений ко дню рождения, юбилею, значимому событию» [См.: ТСРЯ 2011: 943]. В традициях русской лингвокультуры это сочетание означает сочинение адресных поэтических текстов, приуроченных к определенным датам. Известны стихи Пушкина («Хотя стишки на именины...», «В альбом», «Именины»); Некрасова («День рожденья»); Вяземского («Песнь на день рождения В. А. Жуковского»); Пастернака («Брюсову»); Цветаевой («Если душа родилась крылатой...») [См.: Книга поздравлений: В стихах и прозе 2007]. Затекстовая ситуация позволяет понять, что «любительские датские стихи» [Купина 2020], передающие эмоциональный порыв, посвящены учителям, отличившимся чем-либо ученикам и всем выпускникам. Ощущается благодарственная тональность.

Употребление в реплике А. формульного оценочного сочетания *ничего особенного* – «Не очень» [См.: ТСРЯ 2011: 578] свидетельствует о сдержанной оценке деталей мероприятия и одновременно о праве каждого коммуникативного партнера открыто выражать собственное мнение. С помощью сочетания *душевно понравиться* реализуется общая оценка ценностных составляющих выпускного вечера.

Следующий фрагмент разговора матери и дочери свидетельствует о взаимном интересе к дружескому кругу обеих собеседниц и одновременно об оценочном отношении к качеству образования, его коммерческой составляющей, формах и организации процесса поступления в вуз.

Диалогический фрагмент б.

Ю. <...> Лада Манина / она **учиться тоже в пед** на хореографа пошла //

А. Она туда пошла?

Ю. Ну / она закончила УрФУ четыре года / н-на кого? Я уж не помню //

А. На юриста наверное / скорее всего //

Ю. На юриста может / ну какая-то такая профессия серьёзная / у неё ещё сестра на дизайнера училась / или учится / или училась / ну / короче / неважно / вот она закончила УрФУ и **щас она пошла в пед** // Ну как бы в пед она **пошла на заочку** / как бы доучиваться и вот (пауза) //

А. В магистратуру она пошла //

Ю. Ну да / вот она просто / что она хочет заниматься танцами / ну как / **связать свою жизнь** как-то с хореографией / но-о для этого ей нужно **педобразование** / и она пошла его получать туда / и эта / Полина Бессонова / узнавала у неё //

А. Также хочет туда пойти? (смеется)

Ю. Ну / Полина / она-то хочет / ну / слушай щас [сейчас] // Вот она узнавала у Лады / ну то что какие там **вступительные испытания** (вздыхает) / вот она говорит / никаких / **просто деньги платишь** и всё / ничему не учат / просто / ну / ничего серьёзно нет / **просто деньги платишь** и получается деньги платишь / и два года чё-нибудь [что-нибудь] / ну чё-то несложное делаешь / и просто **для тебя главное** вот эта вот корочка / чтоб идти дальше работать // А Полина / она хотела / но просто ей родители (пауза) //

А. Что? Ну / подожди / чё там / методика не преподаётся / что ли? А как вот / допустим / с детьми работать?

Ю. Ну чё-то там / я поняла / что ваще [вообще] **ничё серьёзного нет** //

А. М-м-м //

Ю. Просто деньги //

А. А / то есть если платно / она идёт / да?

Ю. Ну / а там бесплатных (мест) нет на заочке / мне кажется / вообще / кстати / на хореографии нет // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 62].

В центре внимания коммуникантов – качество образования, в том числе заочного, мотивы выбора профессии и поступления в вуз, а также подготовка к поступлению в магистратуру после окончания бакалавриата [См.: Там же: 68].

Молодая собеседница, рассказывающая о своей подруге, которая стремится получить образование после окончания бакалавриата, реализует в речи разговорные устойчивые единицы, позволяющие уточнить тематическое содержание диалога (*учиться в пед, пойти в пед*). Сокращенное слово *пед* в словаре получает толкование – «Педагогический институт, университет» и сопровождается пометой разг. [Скляревская 2004: 272]. Студенческим субъязыком маркированы сочетания *пойти на заочку, на заочке*. Лексема *заочка* толкуется как «заочное отделение высшего учебного заведения» [См.: Грачев 2006: 206] и сопровождается пометой студ. Сочетание *пойти на заочку* отличается «слабой степенью экспрессивности» [См.: ТСРРР 2014. Вып. 1: 647]). В диалоге акцентируется необходимость и значимость получения качественного образования для выпускников, которые устремлены в будущее, планируют перспективы карьеры. Выбор будущей профессии, по мнению Ю., является жизненно важным, определяющим дальнейшую судьбу молодого специалиста (устойчивое сочетание *связать (свою) жизнь* [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 314] с чем именно). Мотивы карьерной ориентации обусловлены личными способностями, интересами, возможностями – «интеллектуальными, физическими, психологическими» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 67]: *она хочет заниматься танцами / <...> / связать свою жизнь как-то с хореографией / <...> для этого ей нужно педобразование.*

Ю. использует формульное сочетание – *вступительные испытания*, т. е. «экзамены, связанные с поступлением в вуз» [См.: ТСРЯ 2011: 121]. Как известно, до введения ЕГЭ в России от результатов этих испытаний зависела возможность бюджетной оплаты обучения. Ср.: китайские государственные вступительные экзамены в вузы (сокращенно *Гаокао* 高考). Лингвострановедческий комментарий, способствующий осмыслению инофоном контекстуального смысла сочетания: древнекитайская императорская экзаменационная система была ориентирована на отбор выдающихся талантов, подготовку специалистов для осуществления национального развития в экономической и социальной сферах. В настоящее время от результатов вступительных испытаний зависит возможность поступления в вузы, которые входят в список «проектов 211 и 985» (Проекты по развитию системы высшего образования в Китае соответствуют международным стандартам научных исследований и подготовки специалистов).

Аксиологическую значимость получает уточнение: *для тебя главное / самое главное* <...>. Отметим, что устойчивое сочетание *главное / самое главное для кого* активно используется уральцами в межличностном общении. По данным НКРЯ, оно употребляется в 703 высказываниях. В рассматриваемом диалогическом фрагменте сочетание используется как персонально акцентируемая аксиологема. Эмоционально-экспрессивная окраска усиливает одобрительное отношение к выбору подруги (Полины Бессоновой). Предложно-падежное уточнение акцентирует универсальность аксиологического выбора: *главное для тебя*. Местоимение *ты* (*для тебя*) употребляется в обобщенном значении: «личность, индивидуум» [Русская грамматика 1980. Т. 1: 532]. Параллельно эксплицируются душевное взаимопонимание и эмоциональная взаимоподдержка, составляющие основу дружбы [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021].

Важным сигналом, позволяющим уточнить аксиологическую позицию собеседниц, является иронизм *корочка* – «Твердая обложка документов», в субъязыке студентов – «Диплом» [Ермакова, Земская, Розина 1999: 80]). Что

важно: удостоверение об окончании вуза или знания? Профессиональная подготовка, по общему мнению матери и дочери, не покупается, а добывается упорным трудом под руководством квалифицированных преподавателей. Передается отрицательная оценка коммерческих услуг: *никаких* (вступительных испытаний) / *просто деньги* <...> / *ничему не учат* / <...> / *ничего серьёзно нет* <...>. Получение знаний является базовой ценностью вне зависимости от *денег* и выступает как устойчивая ценностная ориентация.

Общее мнение А. и Ю. поддерживается интонацией согласия и повтором воспроизводимого оборота *просто деньги платишь* [УСССРЯ 1983: 384] и утверждается, что деньги не решают проблему получения качественного образования. Профессиональное образование, полученные знания не покупаются, а приобретаются в процессе учебы с установкой на самостоятельную профессиональную деятельность. В речевой партии матери выражается уверенность в необходимости качественного образования как базовой ценности.

Обратим внимание на устойчивое сочетание *бесплатные места* в значении «Бюджетные места» [ТСРЯ XX века 1998: 116–117], позволяющее отделить обучение студента за счет государства от оплаты за счет собственных денежных средств (предложно-падежные сочетание *по контракту* [См.: Там же: 327]). Отметим, что в Китае обучение в вузе оплачивается: используется финансовая поддержка со стороны родителей, а также со стороны производства, заинтересованного в кадровом пополнении. Можно оплатить обучение на льготных условиях с помощью заявления на получение государственного образовательного кредита. Предложение *Бесплатных мест нет на заочке* уточняет финансовое условие получения заочного образования. Ценность качественного образования предполагает самосовершенствование – развитие личности, осознанные целевые установки [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 68].

В шести взаимосвязанных диалогических фрагментах, извлеченных из разговора матери и дочери, персонализм и коллективизм оцениваются как

взаимосвязанные ценностные конструкты. Отсутствие категорических императивов в речевой партии матери свидетельствует о коммуникативном равенстве собеседниц, каждая из которых может свободно выражать собственное мнение.

Все без исключения диалогические фрагменты содержат устойчивые единицы, сигнализирующие предметную тему и регулирующие ее развитие. Регулятивы «выступают также как знаки, управляющие коммуникативной деятельностью» [Сидоров 1987: 44; см. также: Романов 2008]. Реализованные в диалоге жаргонные, в том числе эмоционально-оценочные, устойчивые единицы, позволяют формированию тональности гармонической диалогической коммуникации.

Приведем тематически целостные фрагменты разговора, записанного в Екатеринбурге в 2017 году.

Е. – дочь **М.**, 19 лет, студентка;

М. – мать **Е.**, 50 лет, программист. **Е.** и **М.** живут в Екатеринбурге [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 110].

Диалогический фрагмент 1.

Е. *Что ты думаешь об однополых браках?*

М. (смеется) *Ты знаешь моё мнение / резко отрицательно //*

Е. *Почему ты считаешь / что людям / которые любят друг друга / не надо жениться?*

М. *Я считаю / что любить нужно то / что предно / **предназначено природой** //*

Е. *А если природа решила //*

М. (практически одновременно с **Е.**) *А при //*

Е. *Посмеяться?*

М. *А природа предназначила женщине любить мужчину // А мужчине любить женщину (смеется) //*

Е. *Опять-таки // А если природа решила над тобой посмеяться и / породила*

тебя с двумя головами / или влечением не к тому полу? (пауза)

М. В отличие от / э-э-э / *вторых первые живут обычно недолго* // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 111].

Актуальной в текущее время является предметная тема, связанная с разрушением традиционной семьи. В диалоге обсуждаются однополые браки. «Однополые связи и однополые брачные отношения свидетельствуют о кризисе формы и модели традиционного семейного состава» [Пещеров, Пирогов 2013: 106]. Ставшее узуальным сочетание *однополые браки* воспроизводится в диалоге как готовое.

В реплике дочери устойчивая единица *любить друг друга*, т. е. «испытывать глубокое интимное чувство, горячую сердечную склонность» [УСССРЯ 1983: 266], передает толерантное отношение к однополым бракам, однополой любви, бытующее среди современной молодежи. Вопросительная интонация (*Почему ты считаешь <...> не надо жениться?*) выражает сомнение девушки в консервативной трактовке однополых браков. В отрицательной реплике-реакции матери сочетание *предназначено природой* свидетельствует о незыблемости традиционного восприятия сути любви и брака представителями старшего поколения. Дочь не без иронии относится к максимализму матери. С помощью сочетания *влечение к полу* – «Любовь» [См.: ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 45; см. также: БТСРЯ 2000: 136] транслируется ценностная установка: любовь и брак обусловлены *зовом сердца*. Ср.: *вырвать любовь из сердца* [ФСРЛЯ 2008: 120]; *сердце горит любовью* [Михельсон 1912: 791]. Извлеченные из речевых партий устойчивые единицы эксплицируют различие аксиологических оценок однополых браков.

Предложно-падежное устойчивое сочетание *в отличие от* – «Имеющее отличие при сравнении с чем-то, в противоположности» [БТСРЯ 2000: 751] подчеркивает абсолютную нетерпимость к однополой любви, незыблемость ценностной позиции пятидесятилетней женщины, не одобряющей однополые браки и связи: *моё мнение резко отрицательно*. Нетолерантная тональность

демонстрирует то, что мать отказывается от компромиссов. Для старшего поколения культурной константой остается «традиционная семья» [Дюльдина 2013], в которой супружеская пара является разнополой [См.: Харчев 1979: 347].

Проанализированный диалог позволяет составить представление об отсутствии в семейном общении табуированных тем: свободно вербализируется собственное нестандартное мнение младшим членом семьи; старший родственник решительно отстаивает ценности традиционной культуры. Благодаря полному взаимодоверию и душевной близости коммуникативных партнеров, использующих кооперативную стратегию и тактики откровенного обмена мнениями, поколенческие разногласия не вызывает коммуникативной напряженности.

В Китае нетрадиционная сексуальная ориентация рассматривается как нарушение правил социума. Используются номинации однополой любви с негативной аксиологической оценкой: 基佬 (*Gay, Гей* [СИССРЯ 2014: 147]), 拉拉 (*Lesbian, Лесбиянство* [Там же: 377]). В речевом общении употребляются номинации-иронизмы, Они отражают представление об аномальности нетрадиционной сексуальной ориентации. Как в России, так и в Китае преобладают традиционные гендерные стереотипы.

Диалогический фрагмент 2.

М. Парфюмером //

Е. Парфюмером / <...> // (пауза) Ты / ты ведь читала / да?

М. Читала и смотрела / и то и другое меня поразило просто //

Е. А //

М. И книга / и / э-э / фильм //

Е. А что было первым?

М. Фильм // Потом уже нашла и прочитала //

Е. Ну неудивительно / что книга тебя поразила потом тоже / хотя они об одном и том же / потому что / (вздых) ну / я некоторые фрагменты оттуда читала / и бьёт по мозгам действительно ещё сильнее //

М. Не / ну / ну это тот случай / когда и книга / и фильм / удачны //

Е. Это да //

М. И / оказываются те действия очень серьёзные-то / на психику //

Е. Я не знаю / фильм мне как-то **по мозгам** сильно не бил / мне понравился / красивый / несмотря на всю его жуть / очень красивый //

М. Именно жуткий какой-то фильм // Ну тут **в первую очередь** оцениваешь же это / **моральный аспект** этого Гренобля / или как его звали //

Е. Жан-Батист Гренуй (главный герой романа) // Какой **моральный аспект**? Разве у него была мораль? Разве он был человеком?

М. В том-то и дело / у него было **полное отсутствие** морали //

Е. (перебивая) У него даже не было своего запаха!

М. Тогда получится / что / м-м / запах у него потом исчез / когда он **в пещере**-то несколько месяцев просидел //

Е. А-а / точно-точно //

М. Он как бы **себя изжил** / хотя это тоже невозможно / по-моему / это **из серии фантастики** //

Е. Ну это же явно что-то означало // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 112–113].

Обсуждается книга «Парфюмер» и ее экранизация. «Парфюмер. История одного убийцы» представляет собой «немецкий роман, написанный драматургом Патриком Зюскиндом» [См.: Википедия: Электр. ресурс], «переведенный на русский язык Э. В. Венгеровой» [См.: Там же]. У героя данного романа «невероятно тонкое и сильное обоняние и одновременно полное отсутствие собственного запаха. Роман был экранизирован британским режиссёром Ридли Скоттом в начале 2000-х годов» [См.: Там же].

Коммуниканты – люди, интересующиеся литературой и искусством. Мать и дочь делятся впечатлениями о прочитанной книге и фильме.

Просторечный фразеологизм *бить по мозгам* – интенсив-экспрессив, употребляющийся в словарном значении «Воздействовать на чей-л разум,

производить сильное впечатление на кого-л.» [Мокиенко, Никитина 2007: 406]. С его помощью передается эстетическое впечатление о сюжетных поворотах в книге и фильме «Парфюмер». В реплике матери воспроизводимое сочетание *полное отсутствие* передает негативную оценку героя романа – человека без морали. Предложно-падежные сочетания *в пещере, из серии фантастики* и сочетание *изжить себя* – «Отжить, уйти в прошлое» [ТСРЯ 2011: 291], т. е. характеризующиеся повышенным уровнем условности нереальной, фактографичностью (*запах у него <...> исчез*), уточняют впечатления о прочитанном. Обсуждаются *фантастические* детали фильма, а также книги, способствующие созданию эмоционально-психологического напряжения. Коммуниканты считают, что человеческая духовность и нравственность показывает аксиологическую основу цивилизации.

Коммуниканты, характеризуя *поразительный, жуткий* сюжет книги и фильма, обращают внимание на эффект неожиданности: *<...> меня поразило; книга тебя поразила; действительно <...> сильнее; из серии фантастики*. Внимание заостряется на аксиологической значимости художественного произведения. В реплике матери употребление устойчивого предложно-падежного сочетания *в первую очередь* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 776] подчеркивает доминирование *морального аспекта*.

Диалогический фрагмент 3.

Е. Ну помнишь же тот котик с двумя мордами прожил четырнадцать лет //
*М. (неразборчиво) Ну котик этот / **исключение из правил** // А вообще-то вот ты вспомни / всё это / коллекцию Петра Первого в Кунсткамере // Там они же / м-м / все **в младенческом возрасте** умерли / до года не дожили //*
Е. Э-э-э / в какой-то из кунсткамер я видела вполне взрослого двухголового оленя //
М. Ну это редкость всё равно // Ну у Павлова / и / тоже были двухголовые собаки / но они ж были искусственно сделаны //
Е. А этот естественно родился прям вот //

*М. Где-то я читала / что родился двухголовый телёнок / но он тоже прожил недолго // По-моему / **день** даже **не прожил** //*

<...>

Е. Интересно / а как они себя чувствовали с двумя мозгами?

М. Да ужас / это / конечно / опыты такие бесчеловечные были //

Е. Щас [сейчас] бы да / его вину бы наверно просто засудили //

М. Зелёные бы ему точно жить не дали (смеется) //

*Е. И он / и вот особенно я считаю / м-м / э-э / доктора нацистские вроде Йозефа Менгеле очень много сделали для **развития науки** / но их опыты были бесчеловечные //*

М. Абсолютно //

Е. Так что это двойко //

*М. Да / абсолютно согласен / что **продвинули науку** далеко / но такими способами / что / антиморально //* [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 111–112].

Мать и дочь обсуждают научные эксперименты на животных. В речевой партии матери упоминаются необыкновенные животные экспонаты из коллекции в *Кунсткамере*, известной наличием «анатомических редкостей и аномалий» [Википедия: Электр. ресурс]. Среди коллекций выделяются искусственно сделанные взрослые животные образцы и натуральные маленькие животные образцы, *исключенные из правил* – т. е. «отступление от общего правила; то, что не подходит под общее правило» [УСССРЯ 1983: 209]. В связи с нарушением биологических законов природы животные умерли в *младенческом возрасте*, т. е. в «возрасте связанном с годами младенчества» [ТСРЯ 2011: 451]. Воспроизводимое сочетание *младенческий возраст* – «Свойственный младенцу, такой как у младенца» [УСССРЯ 1983: 70] – позволяет М. сравнивать двухголовых собак с двухговым теленком, который *день не прожил*.

В реплике дочери с помощью просторечного глагола *засудить* – «Обвинить по суду» [ТСРЯ 2011: 267] – выражается неприятие опытов над

животными, а также солидарность с *зелёными*, занимающимися «добрыми экологическими делами для всех, кто любит природу и разделяющими «зелёные» ценности» [Википедия: Электр. Ресурс]. Ср. также ставшее устойчивым сочетание *зеленые партии* – «Сторонники, участники общественно-политического движения в защиту чистоты окружающей среды, за сохранение природы» [ТСРЯ 2011: 276].

Демонстрируется неодобрительное отношение к *абсолютно бесчеловечным, антиморальным* научным опытам (экспрессив-интенсив *ужас это*). Очевидна ценностная ориентация коммуникативных партнеров на научные исследования, проведенные с соблюдением принципов человечности и норм морали. Устойчивые единицы *развитие науки* [УСССРЯ 1983: 467], *продвинуть науку* [См.: Там же: 307] приобретают аксиологическую маркированность. Утверждается, что эксперименты не должны нарушать сложившихся культурных традиций, связанных с гуманным отношением ко всему живому.

В тексте-разговоре устойчивые единицы служат для уточнения аксиологических позиций говорящих, наведенных предметной темой и включенных в реальное время. Опыты нацистов оцениваются как антигуманные, не соответствующие устоям этики. Ср.: *этика науки* – «Раздел этики, направленный на моральные аспекты научной деятельности, взаимодействие науки и научного сообщества с обществом в целом, рассматриваемое через призму моральных оценок» [ЭЭФН 2009: 1174–1176; см. также: История и философия науки 2013: 200]. Этическое саморегулирование научной деятельности, по общему мнению участниц общения, соответствует гуманистическим константам и требованиям культуры.

Развитие темы связано с трактовкой *чистой науки*, разделяющей «значимость ценностного подхода к явлениям, событиям собственно человеческой жизни – физической и духовной» [Анисимов 2001: 5]. В настоящее время подвергается сомнению нравственная ценность отдельных научных областей, а *чистая наука* воплощается в аксиомах научной деятельности [См.: Там же: 34, 115], предполагающих моральную ответственность исследователей.

Устойчивые единицы с опорным словом *наука* приобретают аксиологическую значимость.

Диалогический фрагмент 4.

Е. Вот поэтому всё-таки гуманитарии / я считаю / и нужны / потому что должен же кто-то думать о морали / должен же кто-то думать о духовности // Потому что если люди будут чисто наукой заниматься //

*М. Слушай / ну / о морали-то все должны думать / а **чистой наукой** занимаются не только / этот / представители **точных наук** / а сидит какой-нибудь там / как это у вас называется / лингвист / да / и копается в / в особенностях произношения какой-нибудь буквы в том и в другом регионе / (смеется) бывают же такие у вас?*

Е. Конечно //

М. Ну вот //

Е. Э-э / я имела в виду //

*М. Там тоже можно **уйти в чистую науку** //*

*Е. Я имела в виду не совсем это / м-м / в общем / нужно и вот / и развивать / как бы это сказать / ну то есть вот / не только способности к точным наукам / но и вот / не только **способность мыслить** / но и **способность чувствовать** // Вот / потому что иначе человек будет уже не человеком / а //* [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 112].

М., опираясь на опыт работы программиста, подчеркивает, что *точные науки* («Науки, основные методы которых в большей или меньшей степени связаны с измерениями величин, например математика, астрономия, физика, химия» [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 522; см. также: УСССРЯ 1983: 307]), противопоставляются *гуманитарным наукам* («философии, истории, филологии и т. п.» [Там же. Т. 1: 293]). Как и в предшествующем диалогическом фрагменте, выделяется категория *чистой науки*, целью которой является «познание ради самого познания, т. е. постижение истины. Если познавательная деятельность

направлена лишь на решение практических задач, то она попадает в разряд прикладных дисциплин» [Рожанский 1980: 7–8]. (Ср.: антонимическое устойчивое сочетание *прикладные науки* [УСССРЯ 1983: 307], которое используется в значении «Науки, в которых исследования и открытия имеют прямую ориентацию на практику, обеспечивают разработку новых технологий, то есть алгоритмов действия для получения желаемого продукта» [См.: ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 129]). Собеседницами одобряется роль гуманитаристики, тоже *ушедшей в чистую науку*. Взаимодействие между отраслями наук соответствует профессиональному ценностному стандарту коммуниканта М. Реплика-реакция дочери, включающая устойчивое сочетание *иметь в виду* [ФСРЛЯ 2008: 274] гармонизирует общение, свидетельствует об интеллектуальной близости матери и дочери. Регулятивы (*я считаю, я имела в виду*) позволяют уточнить персональную точку зрения.

Воспроизводимые сочетания *способность мыслить* [УСССРЯ 1983: 548], *способность чувствовать* расширяют тему разговора: утверждается важность интеллекта и человечности в развитии личности: *человек будет человеком*. Ядро аксиологического сознания образуют значимые константы «мораль», «духовность», «человечность». Аксиологическая позиция коммуникантов обусловлена русским национальным духовно-нравственным кодексом [См.: Указ Президента РФ 2022: Электр. ресурс].

Устойчивые сочетания, относящиеся преимущественно к речи книжной, свидетельствуют о высоком интеллекте матери и дочери, их способности оценить достижения науки, выходящие за пределы собственных профессиональных интересов.

Перейдем к анализу речевого диалогического общения супругов – хозяев семьи, родителей, продолжателей рода, воспитателей детей, кормильцев, добытчиков, защитников и хранителей домашнего очага.

Обратимся к записи разговоров между мужем и женой, которые проживают в Свердловске. В советское время город Свердловск – центр Свердловской области. В постсоветское время *Свердловск* переименован в

Екатеринбург [См.: БЭС 1993: 1177]. Известно, что Свердловск – промышленный город. Семейный уклад жизни горожан в советское время во многом зависел от их места работы. Заводская администрация заботилась о семьях рабочих и инженеров: большое внимание уделялось кадровой политике. Диалог включает два тематических целостных фрагмента. Первый связан со здоровьем жены; второй – с рабочими планами мужа. Разговор записан в Свердловске в 1990 г.

А. – муж **Б.**, 33 года, инженер;

Б. – жена **А.**, 33 года, закройщица [Живая речь уральского города: тексты 1995: 35].

Диалогический фрагмент 1.

А. Привет!

Б. Здравствуй!

А. Ну как ты?

Б. Ой / вообще [вообще] не могу //

А. Ну ляжь / полежи //

Б. Сегодня целый день загибалась // дома ещё ничего было / а на работе как скрутило / думала концы отдам //

А. Я ж тебе говорил / не ходи / отлежись / <...>

<...>

А. Лучше/ лучше // ты только храбришься/ а ночью опять будем скорую вызывать // и давай / мать / договоримся / завтра ты идёшь в больницу // Со здоровьем не шутят!

Б. Ладно / посмотрим //

А. Не посмотрим / а точно! [Живая речь уральского города: тексты 1995: 35].

Муж – инженер-изобретатель коренной уралец. Жена – закройщица, т. е. «мастер, производящий закрой кожи, ткани» [ТСРЯ 2011: 252], уроженка Калуги

(города, расположенного в центре России).

Начало диалога маркировано этикетными разговорными формулами приветствия [См.: Балакай 2001: 192; 403], задающими, как и формы «ты – отношения», доверительную, дружескую тональность общения.

Муж проявляет живой интерес к состоянию здоровья жены. Вопросительная разговорная реплика *Ну как ты?* – устойчивый этикетный речевой оборот в значении «Как живешь; как дела; как самочувствие» [Там же: 211]. Для мужа небезразлично самочувствие супруги. Этот демонстрируют формульные реплики. Установочную функцию выполняет устойчивое выражение *Со здоровьем не шутят* [См.: ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 803], важное для конструирования текстовой категории темпоральности. Нарушение установки прогнозирует вмешательство медицинского обслуживания (устойчивое сочетание *вызывать скорую* [УСССРЯ 1983: 89]). С помощью воспроизводимого сочетания *давай <...> договоримся* прогнозируется обратная связь: «Просьба, побуждение к совместному решению» [Балакай 2001: 125]. Муж напоминает супруге о необходимости регулярного внимания к собственному физическому состоянию, деятельности организма. Ожидаемое согласие предупреждает возможный конфликт [См.: Михайлова О., Михайлова Ю., Шалина 2020: 62].

В ответных репликах супруги содержатся устойчивые просторечные экспрессивы-интенсивы, свидетельствующие об острых болевых ощущениях и состоянии тревоги: *целый день загибалась* [См.: ТСРРР 2014. Вып. 1: 585]; *концы отдать* [ФСРЯ 1968: 301]. Инверсия усиливает испытываемое женщиной чувство приближения смерти. В то же время её согласие *идти в больницу* [См.: УСССРЯ 1983: 35, 198] (устойчивое сочетание передает намерение «обратиться к врачу») не является абсолютным: глагол *посмотрим* свидетельствует о вынужденных обстоятельствах, которые обуславливают врачебное вмешательство.

В содержании проанализированного текстового фрагмента особую значимость приобретает универсальная аксиологическая константа «здоровье». Лексема *здоровье* является опорным компонентом группы фразеологизмов,

транслирующих прямо или имплицитно аксиологическую установку «за здоровьем надо следить». Необходимость реализации данной установки следует из закреплённых в лингвокультуре аксиологически маркированных выражений: *Главное – здоровье; Здоровье – всему голова; Здоровья за деньги не купишь; Тот здоровья не знает, кто болен не бывает* [Рыбникова 1961: 58]; *Даст Бог здоровья, даст и счастья; Дал бы Бог здоровья, а дней много впереди; Береги честь смолоду, а здоровье под старость! Здоровье дороже богатства; Здоровья не купишь; Без болезни и здоровью не рад* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 98, 247, 270, 346, 348]. Речевая партия А. свидетельствует о его внимании к здоровью жены. Забота о близких, характерная для внутрисемейных отношений, обеспечивает крепость семейных уз.

Обращают на себя внимание формулы речевого этикета, способствующие установлению обратной связи. Внутренние болезненные ощущения, о которых обычно рассказывают только близким людям, передаются с помощью эмоционально-экспрессивно окрашенных устойчивых единиц.

Диалогический фрагмент 2.

Б. Ты лучше расскажи / что у тебя нового?

А. Да что у меня? У меня все нормально // проект скоро должны закончить //

Б. Когда?

А. Думаю / недели через две // надо будет в Москву везти //

Б. Тебя пошлют?

А. Конечно // кого же ещё //

Б. Надолго?

А. Да нет / дня на четыре думаю / не больше //

Б. А что так мало?

А. Так отвезти только надо / а когда будет рассмотрен / сами вызовут //

Б. А-а... [Живая речь уральского города: тексты 1995: 35–36].

Чтобы не углубляться в жалобы и обсуждение легкомысленного

отношения к собственному здоровью, супруга задает постановку другой предметной темы. Инициальная вопросительная реплика Б. <...> *расскажи / что у тебя нового?* – формульное выражение, передающее желание узнать подробности о ситуации на работе мужа-инженера.

Ответная реплика А. содержит разговорное устойчивое сочетание *все нормально* [Балакай 2001: 320], т. е. «все в порядке» [МАС 1986. Т. 2: 509]. Контекстуальное приращение: «без неприятностей». Профессионализм закончить проект [См.: УСССРЯ 1983: 445] акцентирует нестандартность инициативной групповой инженерной разработки. Значимость проекта акцентируется сочетанием *везти в Москву* [УСССРЯ 1983: 47]. Из контекста следует, что проект должен быть рассмотрен и утвержден в столице. В приведенных примерах (*проект закончить; в Москву везти*) наблюдается инверсия, свидетельствующая, в частности, о невозможности проведения четкой границы между свободными сочетаниями и коллокацией.

Жена, используя воспроизводимое сочетание *тебя пошлют* [См.: УСССРЯ 1983: 416] в форме вопроса, выражает сомнение в том, что ее мужа (одного из авторов проекта) командировывают в Москву, косвенно передает пренебрежительное отношение жены к начальству и одновременно – уверенность в профессиональных компетенциях мужа. Вопросительная реплика жены акцентирует эмоциональное усиление недоумения, досады, неодобрения, вызванное возможным несправедливым отношением начальства к командировочной задаче мужа.

Завершая анализ диалогического фрагмента, отметим, что муж выражает уверенность в том, что именно его командировывают в Москву с помощью сочетания *кого же ещё*. Ощущается стремление успокоить жену, погасить ее эмоциональную вспышку.

Еще раз подчеркнем, что межличностное общение между супругами остается гармоническим. Важно, что жена ценит достижения инженера и не возражает против его кратковременных командировок. Аксиологические константы «работа», «изобретения» находятся в ядре ценностных предпочтений

жителей промышленного уральского города.

Приведем тематически целостный фрагмент полилога, главными участниками которого является супруги. Разговор записан в Екатеринбурге.

С. – муж **О.**, 49 лет, слесарь, образование 9 классов, живет в Екатеринбурге;

О. – жена **С.**, 47 лет, уборщица и дворник, среднее специальное образование, живет в Екатеринбурге;

Т. – знакомая **О.**, 48 лет, высшее образование, филолог [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

О. Ну / рассказывай давай / как ты ходишь **Боженьку просить** / чтобы он те помог // **Он ему сё ремя** (всё время) **помогает** // Он с похмелья идёт на улицу / он спать боится //

С. Ну хожу / када **всю ночь** // Хожу молюсь / молюсь / руки вот так делаю // (Показывает скрещенные руки.)

Т. А молитву-то какую?

С. Молитву? У мя (меня) записано / Прошу / прошу / то денег / мол подбросить / то бутылку // Ну главное / норму / чтобы опохмелиться и всё / и больше не прошу // Ну ещё **ни разу** не было такого / чтобы не подал //

О. Ну / Он тебе **поможет** / **Боженька** // Ну как это?! А он потом **пакости всякие делат (делает)** // Ему ещё больше надо опять // А потом тяжело / он опять **Бога вспоминает** // [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 64].

В разговоре обсуждается склонность мужа к алкоголю и наступившее похмелье.

Из реплики **О.** понятно, что муж *с похмелья идёт на улицу*. Жена, намеренно используя императив *рассказывай давай*, не без иронии говорит об обращении мужа к Богу: устойчивые единицы *Боженьку просить* [См.: УСССРЯ

1983: 449]; *Бог помогает* [Балакай 2001: 55; см. также: ФСРЛЯ 2008: 29], *Бога вспоминать* [См.: УСССРЯ 1983: 80], *всё время* [ФСРЛЯ 2008: 99] отражают надежду на оказание помощи всевышним независимо от времени. Лексема *Боженька* – (уменьшительно-ласкательная форма) косвенно свидетельствует о гендерном позиционировании. В репликах мужа используются устойчивые сочетания *всю ночь* [УСССРЯ 1983: 320], *ни разу* [ТСРЯ 2011: 788], выявляющие факт: *похмелье* длится «с вечера до утра». Лексема *похмелье* – «Болезненное состояние после выпивка, пьянства» [ТСРЯ 2011: 710] передает антиценностные реалии: отсутствие у мужа ответственности перед членами семьи, не сочетающееся с ролью хозяина и добытчика. Мужчина, осознающий вред алкоголя, предполагает, что только Бог может избавить его от вредной привычки. Участвующая в разговоре Т. задает вопрос: *А молитву-то какую?* Здесь важна страноведческая деталь: в современной России издаются молитвенники, т. е. «сборники молитв» [ТСРЯ 2011: 456]. *Молитва* – «обращение к Богу <...> с просьбой о ниспослании милости или об отвращении зла <...>» [РСС 1998: 295]. Канонические молитвы не препятствуют личным обращениям к Всевышнему. Вопрос Т. связан с текстом каноническим.

В полилогическом фрагменте употребляются формульные обороты, закрепленные в религиозном языке.

Жена косвенно дает понять мужу и приятельнице, участвующей в разговоре, что мужчина должен проявить самостоятельность, волевое усилие, чтобы не *делать всякие пакости*, т. е. «не совершать гадкие, неблагоприятные поступки» [См.: ТСРЯ 2011: 608; см. также: Мокиенко, Никитина 2007: 475–476], не грешить, не вредить себе и окружающим. Вспоминается пословица: *На Бога надейся, а сам не плошай* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 29].

Выделим для анализа полилог с участием бабушки. Ролевые функции бабушки устанавливаются особо: она является старейшим членом семьи, «матерью отца или матери» [ТСРЯ 2011: 26]. Признается, что бабушка обладает жизненным опытом, может дать дельный совет и, что очень важно, она искренне любит детей и внуков.

Бабушка олицетворяет мудрость, теплоту, доброту. Пословицы, поговорки с опорным компонентом *бабушка* акцентируют пожилой возраст: *Это было, когда моя бабушка внучкой была; Была и бабка девкой, да давно; Вспомнила бабка, когда девушкой была.* Бабушка и дедушка, т. е. «отец отца или матери» [ТСРЯ 2011: 186]) – супруги, связанные совместной жизнью: *Бабка с дедкой спорят – делят печь на зиму; Если бы не бабушкины лохмотушки, замёрзли бы дедушкины колотушки.* Они заботятся о младших членах семьи, проявляя понимание и доброту: *Где бабка ни бери, а внука корми; Бабушка Софья про всех сохнет, только о ней никто не вздохнет; У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед* [См.: Даль 1880: 32–35].

Бабушка часто проживает совместно с дочерью, сыном и внуками. Она принимает участие в общих беседах, тематика которых нередко выходит за пределы внутрисемейных отношений. Особо выделяется разговор у телевизора.

Приведем фрагмент разговора бабушки, матери и внучки.

М. – мать **Д.**, 45 лет, социальный работник, работает в жилищной конторе, живет в Екатеринбурге;

Б. – мать **М.**, бабушка **Д.**, 68 лет, пенсионерка, живет в Екатеринбурге;

Д. – дочь **М.**, 20 лет, студентка строительного колледжа, живет в Екатеринбурге [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

Б. Агутин!

М. Ой / у него еще длиннее патлы стали //

Б. Ой / это чё? Выколол себе или нарочно нарисовал / на руку-то?

М. Все щас делают наколки // <...>

<...>

М. Ой / как они все одеваться стали! Эт чё за спинжак?

Б. Он ваще взрослый стал / Он какой-то пухленький был / а теперь худощавый //

<...>

М. *Ой / в цветочки штанишки //*

Д. *Щас модно такие / хиппи-стиль //*

М. *Он маленького роста // Он всегда высокие одевает // Вишь / платформа // А смори-смори (смотри) / низ-то // Там всё тоже / бахрома какая-то //*

Б. *Да / <...> // Вот это мода! Также нынче джинсы / расклешенные к тому же //*

<...>

М. *О-о / Буйнов!*

Б. *Буйнов //*

М. *Тожe белый // Ой / ну чё вот это?! Какой-то дурак стал белый //*

Б. *Он какой-то страшной стал // И так он красотой не блистал //*

<...>

М. *У[h]у! А-а / Николаев!*

Б. *Николаев! Ой! Боже!*

М. *Ой-ой / ноги!*

Б. *Ой / ноги тонкие / некрасивые / <...>*

М. *Дак он химию делал //*

Б. *Химию делал // Ой! Ай! Усы черные / красит // Кака (какая) морда стала / фу!*

<...>

Б. *Хоть бы немножко / а то прямые // Морда широкая стала / фу! Усы эти / нарисовал черным / совсем уже // Некрасивая харя стала // Это всё в оригинальничают // Белые волосы и такие черные усы //*

<...>

М. *А здесь / тут ещё / а тут ещё // Козья борода //*

Б. *Ой / какой он противный! Морда у его ваще / лоснится / <...>* [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 13–16]. Разговор записан в Екатеринбурге.

В репликах коммуникативных партнеров, обсуждающих внешний облик певца Агутина, представителя «поп-рока» [См.: Википедия: Электр. ресурс],

который «одевается необычно», используются воспроизводимые сочетания *длинные патлы, делать наколки*. Намерено употребляется просторечный вариант *за спинжак* (пиджак) [УСССРЯ 1983: 380], характеризующийся шутливой оценкой [См.: Елистратов 2000: 441]), а также сочетания *штанишки в цветочки* [См.: УСССРЯ 1983: 649], *маленький рост* [Там же: 487], свидетельствующие о *стиле хиппи*, позволяющем «артисту быть экстравагантным, выделяться на общем фоне» [См.: Никитина 2003: 655; см. также: Рожанский 1992]. *Хиппи-стиль* употребляется в молодежном сленге. Реакция бабушки (восклицательное высказывание *Вот это мода!*) свидетельствуют о возрастной дистанции между бабушкой и внучкой. Бабушка не вполне понимает, как и зачем делают татуировки (прост. *наколки*). Мать говорит, что они стали привычными: *все <...> делают наколки*. Все участники общения свободно выражают свои оценки.

Особо обсуждаются детали внешнего облика певцов Буйнова и Николаева. Первый в основном занимается роком, фолком; второй – электронной танцевальной музыкой [См.: Википедия: Электр. ресурс]. Характеризующие Николаева сочетания *тонкие ноги* [УСССРЯ 1983: 593], *широкая морда* [См.: Там же: 668], *черные усы* [См.: Там же: 657], фразеологическое единство *козья борода* [См.: ТСРЯ 2011: 346] обнаруживают шутливую оценку (слово *морда* – «То же, что лицо» – в словарях отмечается как просторечное и обычно не употребляется по отношению к мужчинам [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]). Фразеологизм *не блистать красотой* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 63] употребляется в продленном времени: утверждается, что певец Буйнов от природы не наделен эффектными внешними данными. Более того, манера его поведения, по мнению М., свидетельствует о невысоком интеллекте: формульное сочетание *какой-то дурак* иронически оценивает шутовское речевое поведение Буйнова. Категорическое неприятие внешнего вида певца бабушкой передается с помощью близкого к междометию *какой <...> противный*, т. е. «отталкивающий, неприятный» [См.: ТСРЯ 2011: 768]. В целом неодобрительные эстетические оценки внешнего вида певцов, переданные с

помощью устойчивых единиц, совпадают. Оценка формируется на базе сложившихся гендерно-специфических преставлений о мужской красоте.

Для русской культуры типично включение в узкий семейный круг старших родственников. Дедушка, бабушка выступают в роли наставников и «мастеров на все руки», передающих семейные традиции, жизненную мудрость, личный опыт внукам и внучкам, которые воспринимают советы и наставления с пониманием. В разговорах утверждается незыблемость вневременных ценностей, зафиксированных в русских пословицах и поговорках. Например: *Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа* [Даль 1880: 436].

Бабушка и дедушка, в силу преклонного возраста, нуждаются в заботе младших родственников.

Приведем тематически целостный фрагмент разговора между дедушкой, бабушкой и внуком.

Г. О. – муж **К. П.**, дедушка **В.**, 77 лет, пенсионер, бывший рабочий Верхнесалдинского металлургического завода;

К. П. – жена **Г. О.**, бабушка **В.**, 75 лет, пенсионерка, бывшая работница Верхнесалдинского металлургического завода, уроженка деревни Никитино (Черемшанка) Верхнесалдинского района Свердловской области;

В. – внук **Г. О.** и **К. П.**, 26 лет, инженер, работает на металлургическом заводе, уроженец г. Верхней Салды Свердловской области;

Н. – жена **В.**, 25 лет, работница жилкомхоза, уроженка г. Верхней Салды Свердловской области [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

К. П. Я пью адельфан //

<...>

Г. О. Пьешь? помогает?

В. Там мама те грила / таблетки как пить //

*Н. Баб Клава / в общем / Вам нужно **сходить ко врачу** / потому что вот так бесконтрольно **таблетки принимать** // Может быть / совсем Вы не то пьете?*

К. П. Да-а //

*В. Дак её сколь **посылают ко врачу!***

Г. О. Ей (пауза) / надо понимать / дорогая // Поняла?

<...>

*Г. О. Давление / я вот щас читал // Там сказано ясно / от всей шийсят (шестьдесят) болезней / и моть (может быть) / от каждой болезни **подниматься давление** // Надо к врачу сначала её **вести** / понятно? // Надо комплексно лечиться / поняла?*

К. П. (передразнивает). Комплексно // (Смеется).

(Все смеются.)

Г. О. Вот / и от ж[а]лудка (желудка) и от сердца / от легких / от всего //

<...>

*В. (укоризненно). Э-эх! **Иди в больницу** / те грят //*

Г. О. А тебе вот / посылаешь месяцами в больницу и послать не могу //

<...>

*К. П. А вот слушайте / смейтесь не смейтесь // Вот я постовала / **мне** было **лучше** // А[h]а / **лучше** было **мне** // А то как стала поедать колбаску / маслице / вот / уже // Знащит / низя мне исти (есть) //*

Н. (сочувственно). Как / совсем низя?

*В. Да можно / просто надо **всё это в меру** //*

*К. П. Совсем / совсем **бросать это всё дело** //*

В. Дак ты не ела ничё //

К. П. Ишь / сосуды лопаются // Дак это щё?

Н. Вам сосуды надо укреплять / аскорутин Вам нужно // Знаете / в аптеке купите / есь такие / как витаминки или таблетки кисленькие / укрепляют сосуды // Вот в следующий раз приедем //

*К. П. Надо мне **в больницу сходить** / наверное // [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 20–21, 26].*

Разговор записан в Верхней Салде.

Домашнее коммуникативное взаимодействие между близкими родственниками «происходит во дворе» [См.: Там же: 20]. По преданиям, двор, охраняющий «(реально и символически) дом от внешних опасностей, от вторжения злых сил» [Славянские древности. Этнолингвистический словарь 1999. Т. 2: 232], символизирует мирную, спокойную жизнь.

В разговоре обсуждается состояние здоровья бабушки К. П. (бабы Клавы). Н. замечает, что бабушка *принимает таблетки* [УСССРЯ 1983: 437] *адельфан* (лекарство от давления [См.: Википедия: Электр. ресурс]) *бесконтрольно* и настаивает на необходимости *сходить к врачу* [УСССРЯ 1983: 574]. Очевидно проявление заботы о состоянии здоровья бабушки. В восклицательной реплике внук В. использует воспроизводимое сочетание *посылать / послать к врачу* [См.: УСССРЯ 1983: 416]. Он выражает искреннее беспокойство о здоровье бабушки. Одновременно дедушка Г. О., упоминая *болезни*, которые могут *поднимать давление* [Там же: 394], убеждает К. П. в актуальности медицинской помощи, необходимости *к врачу вести* [Там же: 51] для того, чтобы *комплексно лечиться* [См.: Там же: 258]. Реплики Г. О. и В. (Ср.: императив *иди в больницу!*) передают нетерпимое отношение к упрямству бабушки. Разговор включает конфликтную ситуацию. Шутливая интонация успокаивает родственников, прямо воспринимающих смысл устойчивого сочетания *лучше мне* [См.: Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс].

Устойчивое сочетание *всё в меру* – «Именно столько, сколько нужно; достаточно» [ФСРЛЯ 2000: 367] – указывает на регламентирование способов понижения давления: контролирование диеты, регулярный прием лекарств. В финальной части разговора устойчивые единицы *бросать всё дело* (грамматическая трансформация фразеологизма *бросать все дела* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 85]), *в больницу сходить* [См.: УСССРЯ 1983: 574], использованные бабушкой, гарантируют ее согласие с другими участниками общения, которое приобретает эффективный результат.

Дедушка, внук, жена внука проявляют глубоко почтительное, сочувственное отношение к бабушке, заботу о ней. Персональная ответственность за близких является «регулирующей нормой и моральной ценностью» [Шалина 2000: 30]. Опираясь на мужскую ценностную установку ответственности, дедушка и внук демонстрируют терпение и волевой посыл. Семейное благополучие и коммуникативная гармония зависят от взаимопонимания и взаимодоверия между близкими по крови, а также сводными родственниками. Из полилога следует, что Н., жена родного внука, по родственному отношению относится к ставшей для нее родной *бабе Клав*е.

В традиционных родственных отношениях выделяются роли, основанные не только на степени близости родства, но и на родо-половых противопоставлениях: сестра – двоюродная сестра, брат – двоюродный брат, дядя – тетя, племянник – племянница, свекор – свекровь, тесть – теща, зять – невестка, деверь – золовка, шурин – свояченица [См.: Моисеев 1963].

Приведем соответствующие примеры полилогов.

Н. Л. – сестра **Л. Л.**, жена **А. М.**, 45 лет;

А. М. – супруг **Н. Л.**, 45 лет;

Л. Л. – сестра **Н. Л.**, жена **А. В.**, 42 года, кладовщица;

А. В. – муж **Л. Л.**, 44 года, стропальщик;

М. – сын **А. В.** и **Л. Л.**, 18 лет, выпускник металлургического техникума;

Д. – дочь **А. В.** и **Л. Л.**, 20 лет, студентка, они живут в Екатеринбурге [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 42].

Полилогический фрагмент.

Л. Л. Короче / пока мы делаем салаты / вы идите костёр разводите //

М. Да?

А. В. А между прочим / шампура-то не взяли //

Л. Л. А-а-а-а-а //

А. В. Ну вот / бестолочь // Приехали шашлыки делать и ничё [ничего] не взяли

//

<...>

Л. Л. В один салат огурцы / картошечки / помидорчики //

Д. А зачем картошки в салат?

Н. Л. Лучшие будет! //

Д. Порнографический салат получится / помидоры / огурцы и картошка //

<...>

А. В. Миш / пойдём в огород //

*Л. Л. Идите / помогайте дяде / **ничего сидеть** // Он там один плюхается //*

<...>

*Л. Л. <...> // Мишка пошёл / ещё четыре купил (смеются) // У нас первого был **день открытых дверей** // Мы стол вытащили в огород // Режьте колбаску / курицу //*

Н. Л. Ну и чё?

М. Ну / шашлыки без шампуров будут?

<...>

*Н. Л. Попробовали / чё-то не хватает / а там голимый уксус / ну как / неудобно за столом тарелку отодвигать / и есть тоже невозможно // Налила / тоже думаю / **ума-то хватило** // Я уже пододвинула оливье / раз / добавила в окрошку / думаю / может / ничё //*

Л. Л. А воду-то отливала бы //

Н. Л. Мы за столом сидим / неудобно //

<...>

Н. Л. Ну короче // Мужик рассказывает / «Пили пиво / оно закончилось / пили водку / она тоже закончилась / потом стали пить коньяк / он тоже закончился // Ну / блин / а пряниками отравился» // (все смеются) Ты / грю / всего насобирал / чтобы окосеть //

*Л. Л. Мы сначала на шашлыках / выпили две / а потом Лапины принесли две // Потом это самое / Ольга-то ушли / пиво вылакали / пришли Валя с Ваней // Ну а чё? У нас же уже **фиг вам** // Мы отца опять отправили / ещё две принёс //*

Лапина и мы // <...>

<...>

М. Руки / наверное / не под то заточены //

Д. И значит / купила всё // И мне говорит / сварю чё-нибудь // Я недолго думая / открыла консерву / сварила уху / яйцом залила // Знаешь / уху натуральную сделала // <...>

<...>

Д. Чё ты / смеёшься? Нам бачок железный надо / а то воду отключили на месяц //

Л. Л. Ага / чё / отец будет возвращаться? Потом привезём по ходу дела //

Д. Ни хрена / мама / мне даже голову за выходные не помыть // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 42–49]. Разговор записан в Екатеринбурге.

Бытовой разговор родственников (двух сестер и членов их семей), собравшихся за городом, происходит на даче, накануне праздника 9 Мая [См.: Там же: 42]. *Дача* – «загородный дом, используемый его владельцами для проживания, отдыха, выращивания сельскохозяйственной продукции» [БТСРЯ 2000: 240]. Общение членов семьи на даче позволяет расширить пространство внутрисемейных контактов. Гармоническую связь между человеком и природой символизирует огород – «Участок земли, предназначенный для выращивания овощей, растений, цветов и находящийся в непосредственной близости от дачи» [ПОС 2010: 532], являющийся пространством, в котором хозяин занимается выращиванием овощей.

В разговоре отражены условия коллективной подготовки праздничного застолья [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 52]. В реплике А. В., сопровождающейся шуточной тональностью, используется сниженно-грубый фразеологизм *вот бестолочь* – «Бестолковый, плохо соображающий человек», – передающий осуждение «плохо организованного положения» запланированных домашних дел [ТСРРР 2014. Вып. 1: 117]. Речевой

жанр упрека в данном случае связан с очевидной неподготовленностью к приготовлению *шашлыков* – «Кушанья из кусочков баранины, зажаренных на вертеле, шампуре» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]. Горожане (родственники, друзья, а также коллеги) часто собираются за городом *на шашлыки*.

В репликах Н. Л. разговорно-экспрессивные устойчивые единицы *лучше будет, ума хватило* [См.: Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 384] используются для оценки вкуса приготовленных блюд. В полилоге акцентируется ценность хлебосольства, заключающегося в умении угостить вкусными блюдами. Просторечные воспроизводимые единицы *нечего сидеть, один плюхаётся* [См.: ТСРЯ 2011: 655] призывают племянников помочь дяде в работе на огороде.

Фразеологизм *день открытых дверей* [ФССРЯ 2014: 131] в контексте именуется обычай не закрывать двери перед приглашенными и неприглашенными гостями. Обычай символизирует желание и готовность хозяев угостить гостя, даже незваного [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 52]. В китайской лингвистической культуре аналогичный обычай обозначается устойчивыми сочетаниями и выражениями. Например, фразеологизмы *开门迎客* – «主人打开家门, 欢迎客人来访» (Хозяин открывает дверь своего дома, чтобы поприветствовать гостей) [现代汉语词典 словарь современного китайского языка 2012: 239]; *热情好客* – «非常热诚、大方地接待和款待客人或陌生人» (Очень теплый и щедрый прием и гостеприимство по отношению к гостям или незнакомым людям) [Там же: 387]; *宾至如归* – «客人到主人家里做客就像回到自己家里一样» (Гость в доме хозяина – все равно что гость в своем собственном доме) [常用成语词典 словарь общеупотребительных фразеологизмов 2004: 44]; фразеологическое выражение *有朋自远方来, 不亦说乎?* – «有朋友和客人从远方来家里做客, 不也很高兴吗?» (Разве не приятно принимать друзей и гостей издалека?) [Там же: 76].

Обычай приема гостей и незваных, являющийся культурным символом и

социальным этикетом, демонстрирует теплоту, открытость и уважение хозяина, а также посылает гостю сигнал дружелюбия и радушия. Гостеприимство способствует созданию гармоничного межличностного взаимодействия.

Н. Л. и Л. Л. вспоминают застолье у знакомых. Использование стилистически сниженного сочетания *фиг вам* [ТСРРР 2022. Вып. 5: 170] эксплицирует резко отрицательное отношение к скупости знакомых, к которым Н. Л. и Л. Л. приходили в гости: отсутствовало ожидаемое разнообразие блюд, а предлагаемые угощения были невкусными. Такая ситуация нарушает законы гостеприимства. Фразеологизм *руки (не под то) заточены* одобряет хозяйку – мастера кулинарии [См.: Елистратов 2000: 408]. Из этого видно, что женщины всегда организуют хозяйственную деятельность, готовят угощение.

Сниженно-просторечный фразеологизм *ни хрена* [Химик 2004: 686] употребляется для оценки бытовых трудностей, связанных с временным отключением водоснабжения. Отмеченный экспрессив-интенсив не воспринимается как бранный, грубый. Недовольство двадцатилетней девушки разделяют все присутствующие. Эмоции досады, жалобы оказываются объективными, наведенными внешней ситуацией.

Нормы приема гостей демонстрируют значимость гостеприимства, предполагающего открытость, вежливость и доброжелательность [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 54].

Анализируем полилогическое взаимодействие.

А. – 35 лет, женат, высшее образование (учился заочно), специальность «инженер по качеству», рабочий-машинист горно-обогатительного комбината, живет в провинциальном уральском городе;

В. – двоюродная сестра **А.**, 39 лет, не замужем, высшее образование, преподаватель, живет в Екатеринбурге;

Г. – двоюродная сестра **А.**, 28 лет, замужем, высшее образование, учитель, живет в Екатеринбурге [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 128].

Полилогический фрагмент.

*Г. Вот ты щас говоришь / что у вас внедряют // Они и в школах такую **фигню** уже **внедряют!***

*А. Да-да // Да // Причём / знаешь / что самое ржачное? Я когда писал **всю эту фиговину** / меня **больше всего** поразило одно // Вот они там придумывают (подчеркнуто) как / сидят / **всякие фиговины** придумывают // Причём придумывают в основном америкосы // Они сидят / придумывают // Знают / что в Америке это не внедрить // Но он сидит и придумывает // Он **положил на бумагу**--//*

В. (нрзб)

*А. Нет // Не-ет // Вот **ни за что** не поверишь // Он с этой бумажкой едет в Японию // И этим трудоголикам всовывает эту фиговину // Они начинают её внедрять // Её внедрёж у них прошёл / у них // Потом она уже начинает распространяться **по всему миру** // Только после // В основном американцы // Сколько вот / как ни изучал / как ни фамилия / так американская // Как ни фамилия / так американская // Русских нет // За последние **грубо говоря** пятнадцать лет началось / больше до этого их не было //*

В. (нрзб)

А. Да там их знаешь было-то / так / натыренное оттуда / натыренное оттуда //

*Г. У нас короче щас пятый класс / по новым вот этим стандартам идёт // Там всё меняется // Хоть были «знания / умения / навыки» / сейчас надо **формировать** (с иронией) «**компет[э]нции**» // Ну это началось с высшего / потом в среднем профессиональном / а щас уходит в началку / началка прошла / щас среднее / **среднее звено** //*

*А. Я ваще [вообще] не могу понять / **тестовую систему** / сдачи экзаменов // Вот ЕГЭ вот это вот // Она ведь тестовая идёт // Я не могу этого принять вообще // Я не понимаю этого // Я соглашусь наверное со многими / даже / с учителями / это к тупизму ведёт / вот реально // (нрзб) То есть / вот / по крайней мере / мы раньше экзамен сдавали // Сидишь / кроптишь / кроптишь //*

сдаёшь // Чё-то пишешь! (смеется) Причём пишешь // Если пишешь / то пишешь!
(смеется)

В. Читаешь до этого вообще-то //

А. Ну нет // Дак я и говорю / сидишь / кроптишь над этим над всем // Сначала выучишься / а потом (нрзб) //

Г. То что у нас это // Компетенции-то у нас типа развиваются // А то что им статистику-то надо / чтобы было хорошее / чтобы всё у нас было // Чтобы все перешли в следующий класс // Что нету отстающих // В итоге / ничё [ничего] у него не развито // Он читать не умеет во втором классе / но его переводят в следующий //

А. Не валят / что ли?

*Г. И вот после этого они ещё будут / что у нас восьмой-девятый класс вообще учиться не хотят // Потому что их переводят / и переводят / и переводят / и **тройки им ставят** // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 129–130]. Разговор записан в 2015 г.*

Родственники обсуждают «нововведения в образовании и на производстве» [См.: Там же: 133].

В репликах А. и Г. сниженно-сленговое устойчивое сочетание *фигню внедрять* – «Заниматься чем-л. бесполезным, незначительным или ничего не делать» [См.: Химик 2004: 651; см. также: ТСРРР 2022. Вып. 5: 182–182], грубо-оценочная номинация *вся эта фиговина* [См.: ТСРРР 2022. Вып. 5: 182] демонстрируют пренебрежительное отношение людей с высшим образованием к нововведениям и практикам, которые воспринимаются как *ржачные*, т. е. «вызывающие смех» [Захарова, Шуваева 2014: 96]. С помощью устойчивых единиц *больше всего* (поразить) – «Особенно» [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 72], *положить на бумагу* – «Записать» [ФСРЛЯ 2008: 294], *ни за что* – «Без всякой причины» [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 145], *по всему миру* [См.: УСССРЯ 1983: 283], *грубо говоря* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 289] последние новации, которые разрабатываются *америкосами*, оцениваются в контексте вредного влияния

западной культуры. Сниженная лексема *америкосы*, являющаяся «пренебрежительной разговорной номинацией американцев» [ТСРРР 2014. Вып. 1: 45], поддерживает неодобрительное отношение к западным заимствованиям, не соответствующим отечественным традициям.

С помощью закрепленного в новейших документах императива *формировать компетенции* выражается несогласие с бюрократическим подходом к школьному образованию и одновременно – с употреблением канцеляризмов в книжной речи. Лексема *туниз* (в субъязыке молодежи – «Крайняя степень проявления глупости») [ТСРРР 2021. Вып. 4: 627]) демонстрирует негативное влияние внедрения зарубежных технологических стандартов. Формульное сочетание *единый государственный экзамен* (ЕГЭ) и соответствующие итоговые контрольные стандарты внедрены с 2002 года [РСС 1998: 512]. Не только работник образования Г., но и инженер А. выступают против интеллектуальной стандартизации, подавляющей ментально-значимую нетривиальность мышления. Просторечный интенсифицированный экспрессив *всякую фиговину* (внедряют) акцентирует категоричность оценки. Устойчивые единицы (*среднее звено, тестовая система, сдача экзаменов* [УСССРЯ 1983: 673], *тройки ставить* [Там же: 555]) уточняют предметную тему, которую собеседники обсуждают с персональной и общественной позиций.

Эмоциональная составляющая полилога поддерживается просторечной лексикой и фразеологией, обнаруживающей «полиглотизм горожан», получивших высшее образование.

Перейдем к анализу межличностного взаимодействия близких родственников – дяди и племянницы. *Дядя* – «брат отца или матери» [ТСРЯ 2011: 223]; *племянница* – «дочь брата или сестры» [Там же: 651].

Б. – дядя **А.**, 44 года, среднее специальное образование, живет в Екатеринбурге;

А. – племянница **Б.**, 19 лет, студентка, живет в Екатеринбурге [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 195].

Диалогический фрагмент.

А. Что привело Вас именно к этой должности?

*Б. Скорее случайность // А может и судьба // **Человек предполагает / а Бог располагает** // Вот и у меня так // **Не попадись на глаза** газета с объявлениями / чем бы на жизнь зарабатывал / и не знаю //*

А. Что послужило толчком к решению пойти на эту работу?

*Б. Толчком и причём осязаемым был мат супруги // **Мозг** весь **вынесла** с вопросом / когда **устроюсь на нормальную работу** // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 196]. Разговор записан в 2016 г.*

Обращает на себя внимание форма *Вы – отношения*, подчеркивающая возрастное различие между коммуникантами и уважительное отношение племянницы к родственнику.

Тема диалогического единства – опыт поиска работы – устанавливается в инициальной вопросительной реплике А. Ответные реплики старшего собеседника содержат разговорные фразеологические обороты: *Человек предполагает, а Бог располагает* – «Получается не так, как кто-л. задумал, как кто-л. хочет» [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 112; см. также: Балакай 2001: 59]; *попасться на глаза* – «Случайно привлекать к себе внимание кого-либо, быть замеченным» [ФСРЛЯ 2008: 505]; *зарабатывать на жизнь* – «Добывать своим трудом средства для существования» [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 420]. Дядя говорит о роли случая и случайности в поиске работы.

Вопросительная реплика А., включающая оборот *служить / послужить толчком к решению*, способствует продолжению и развитию темы. Ответы старшего собеседника демонстрируют важность отношения жены к работе мужа, который, в соответствии с традициями, должен обеспечивать материальное благополучие семьи. Просторечный экспрессивный фразеологизм *вынести мозг (и)* – «Надоедать кому-л., вызывать неприязнь, неудовольствие» [Захарова, Шуваева 2014: 46], а также «Упреки, которые следовало признать справедливыми и глубоко осмыслить» [Там же] – употребляется с шутливо-

иронической окраской, подтверждающей правоту супруги. Внешний толчок к целесообразному выбору работы – справедливое требование близкого человека. Важно, что жизненный опыт не исключает роли случая в трудоустройстве. Прослеживается роль устойчивых единиц в организации текстовой категории темпоральности. В данном случае – биографического времени старшего собеседника.

Проанализированный диалогический фрагмент позволяет трактовать одобрительно-оценочное воспроизводимое сочетание *нормальная работа* [УСССРЯ 1983: 460] как аксиологически маркированный сигнал темы. Имплицитное аксиологическое суждение: «Работа должна быть не только интересной, но и хорошо оплачиваемой». В настоящее время по мнению китайцев, *нормальная работа* – это работа со регулярной зарплатой и различными социальными льготами. Например, государственные служащие, работающие в государственных учреждениях; врачи, работающие в государственных больницах; учителя и преподаватели, работающие в государственных школах и вузах и др.

Еще один разговор, который привлекается для анализа, происходит между сватами. «*Сват* понимается как отец одного из супругов по отношению к родителям другого супруга» [ТСРЯ 2011: 859]. Степень родства, а также возраст коммуникантов обуславливают обращение друг к другу по имени и отчеству. Коммуниканты обсуждают произошедший в Камышлове злобный инцидент.

А. М. – женщина, 65 лет, пенсионерка;

Ф. Г. – сват **А. М.**, мужчина, 71 год, пенсионер, живет в городе Еланском Свердловской области [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Диалогический фрагмент.

Ф. Г. <...> Ты слыхала Ан Михална / в Камышлове-то [город в Свердловской области] *девицушецкю* (девчущечку) убили?

А. М. Слыхала / Фаддей Григорьич //

Ф. Г. (возмущенно). Надо же / ирод какой!

А. М. Я бы его своими руками задавила / наркоман проклятый //

Ф. Г. Дак нет чтоб просто убил / ведь изнахалил всю / живого места на девщонке (девчонке) не оставил //

А. М. Вот и расти их / а потом всякие наркоманы наиздеваются / и хоронишь //
Чё вот она / кого она видала в жизни / и така (такая) смерть // Лучшие б утонула / раз судьба ей // А родителям как жить / ужас!

Ф. Г. Его / ирода / убить мало // Его надо так / чтоб он до конца дней своих промуцился (промучился) //

А. М. Дак ить такие на тюрьме-то долго не живут //

Ф. Г. (кивает). // [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 17].

В речевой партии Ф. Г. экспрессив-интенсив *ирод какой*, отмеченный в словаре как бран., прост., сопровождается интонацией, передающей «высшую степень негодования, возмущения» [См.: ТСРЯ 1935: 1224]. Реализованные в речевых партиях устойчивые единицы способствуют организации общей тональности текста-разговора.

В репликах А. М. и Ф. Г. экспрессивные фразеологизмы *своими руками* (задавить) [ФСРЛЯ 2008: 581], *до конца дней своих* (промучиться) [Там же: 308] демонстрируют ненависть к убийце, заслуживающему кары. В постсоветской России смертная казнь, как известно коммуникантам, заменена пожизненным заключением [См.: ЮЭС 2004: 368–369]. С их точки зрения, убийство девушки будет даже *на тюрьме* (просторечное предложно-падежное сочетание употребляется в метонимическом значении «заключенными, отбывающими наказание») воспринято как зверское, свирепое, дикое, не укладывающееся в представление о человечности, заслуживающее смерти. Параллельно отметим, что страна, в которой в настоящее время применяется смертная казнь как высшая мера наказания, – это Китай [Википедия: Электр. ресурс]. «Глобальные

тенденции к отмене и ограничению применения смертной казни» [Квашис 1989: 7] нехарактерны для Китая.

Оборот *Чё вот она <...> видала в жизни* [См.: ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 135], сочетание *живое место* (не оставить) [Мокиенко, Никитина 2007: 396] передают сочувствие и жалость по отношению к невинной девушке, еще не вступившей в самостоятельную жизнь. Отступления от фонетических, грамматических норм характеризуют коммуникантов как носителей городского просторечия.

Выделенные устойчивые единицы выступают в функции сигналов темы, средств аксиологической оценки, включенной в ситуацию физического уничтожения юной девушки, а также служат для формирования тональности текста-разговора.

Отметим, что эмоциональность является особой чертой русского характера, отличающегося также максимализмом (просторечная единица *убить мало* [См.: УСССРЯ 1983: 606]). Ф. Г. с помощью жеста согласия (кивает) поддерживает эмоциональный взрыв. Интонационное и жестовое поведение коммуникантов свидетельствует о категорическом неприятии бесчеловечности, и об отзывчивости русской души.

Продолжим анализ межличностного общения членов семьи, не связанных кровным родством.

А. – зять **Ф. П.**, 45 лет, высшее техническое образование, инженер, вырос в интеллигентной семье, живет в доме **Ф. П.**;

Ф. П. – теща **А.**, 72 года, хозяйка дома, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Диалогический фрагмент.

Ф. П. *Дак это чё такое?! Када это кончится?! У меня муж без образования был / шофер / работяга // Выпивал / но не было случая / чтобы на работу не вышел // Знал / что работа и семья на первом месте / вкалывал физически / деньги в*

*дом приносил / кормил / одевал // Принесет получку / «На / мать / распределяй / чё надо купи» // Повезет в автолавку / отоваримся там // Если не хватит / из заначки достает // А ты бездельник / лодырь / не можешь семью обеспечить // Женился / заимел семью / вот и вкалывай // (С возмущением) А ты спишь до девяти часов // **Под лежащий камень вода не течет** //*

*А. Вы чё / не понимаете? Если у меня работа такая / Не надо с утра ходить / Нет у нас с утра работы / **нече [нэчего] делать** //*

Ф. П. Не понимаю / чё это у тебя за работа такая // Кто сына-то будет кормить? Ишь как устроился / на всём готовеньком // Не можешь семью обеспечить / иди халтурь // Так все нормальные-то мужики делают //

А. Не понимаете ничё / дак не лезьте //

*Ф. П. Дак ты чё / все на жену свалил? Сел на нас и ножки свесил? Я ни разу не видела, чтобы вы с женой сели обсудили / чё купить / чё сделать // Чё это за семья такая? Ешь всегда один / никогда жену не ждешь / по три часа за столом **высиживаешь** //*

А. Как хочу / так и ем // У вас в семье так было / у нас по-другому // Отец всегда поздно приходил / поэтому мать никогда его не ждала / ели все отдельно //

*Ф. П. Мама у тебя точно с **приветом** / и ты такой же // с **приветом** // Придурок!*

А. (Машет рукой, уходит в другую комнату). [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 63–64]. Разговор записан в Екатеринбурге.

В спорном диалоге участвуют теща, носительница городского просторечия, и зять [См.: Там же: 63]. «Теща – мать жены» [БСТРЯ 2000: 1323]; «зять – муж дочери» [Там же: 372]. Зять А. вырос в семье, где были установлены права, а также обязанности супругов, обусловленные режимом их работы. В частности, *ели все отдельно*. Теща отстаивает совместность как ценность семейной супружеской жизни, условие благополучия и благоденствия. Диалог-спор – форма конфликтного речевого взаимодействия, «словесное противоборство друг

другу разных точек зрения для убеждения противника в какой-либо мысли, известной одной спорящей стороне» [Михайлова О., Михайлова Ю., Шалина 2020: 94]. «Участники диалога-спора, приводя различные доводы в защиту своей точки зрения, таким образом реагируя на критику» [Панова 2008: 241] показывают собственную ценностную установку. Некооперативный бытовой спор обнаруживает противоречия между родственниками, обладающими различными ценностными предпочтениями.

В разговоре обсуждается проблема семейного существования, которое зависит от обязанностей мужа, обеспечивающего материальный достаток семьи, а также от отношения мужа к жене. В начальной реплике тещи, сопровождающейся вопросительно-восклицательной интонацией, прогнозируются аксиологические основания претензий к зятю. Идеалом для нее был и остается муж-*работяга* – разг. [Химик 2004: 517]. Он *вкалывал* – прост. [Там же: 95], чтобы *обеспечить семью* [УСССРЯ 1983: 322]. Приведенное устойчивое сочетание характеризует настоящего мужчину как добытчика, который всеми силами «зарабатывает на жизнь» [См.: Там же: 203]. Осознанная супругом обязанность содержать семью подчеркивается благодарной женой с помощью устойчивых единиц *на первом месте* [Там же: 278–279], *выйти на работу* [Там же: 99], *приносить деньги в дом* [См.: Там же: 437]. Главное для хозяина семьи – своим трудом обеспечить ее безбедное существование. Социокультурный типаж идеального мужа отличается также выполнением ролевых семейных обязанностей в контексте проживаемого времени. Муж своим нелегким трудом зарабатывает деньги, часть которых прячет в *зачатку* – прост. «Про запас» [ТСРЯ 2011: 257], т. е. откладывает *на черный день* – «Трудное время в жизни» [ФСРЯ 1968: 135]. Жена распределяет *получку*, т. е. «зарплату» [ТСРЯ 2011: 692], для совместного с мужем преодоления «нужды, безденежья, несчастий» [ФСРЯ 1968: 135]. При этом закупки всего необходимого осуществляются совместно.

Теща упрекает зятя в том, что он не может *обеспечить семью* [УСССРЯ 1983: 322], т. е. «создать условия для материального благополучия» [См.:

ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 684]. Пренебрежительное отношение к зятю передают контраксиологемы-синонимы *бездельник, лодырь* – «Ведущий праздный образ жизни» [См.: ТСРРР 2020. Вып. 1: 100; см. также: ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 552]. Неподдельное возмущение Ф. П. вызывает позднее начало рабочего дня зятя, который лежит, а не *вкалывает*. Смысловое приращение приобретает в ее речи пословица-афоризм *Под лежащий камень вода не течет* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 426].

Интонация *возмущения*, интенсифицирующая степень неодобрительного отношения тещи к зятю, обнаруживает нетолерантность, обуславливает конфликтность диалогического общения.

В ответной вопросительной реплике А. *Вы чё / не понимаете?* выражается недоумение и сомнение в том, что Ф. П. известен график рабочего дня инженера. Повтор предложно-падежного сочетания *с утра* [УСССРЯ 1983: 28] и устойчивая единица *ничего делать* характеризуют особенности исследовательской работы, которая начинается не с самого утра. Рабочий график оправдывает возможность не просыпаться рано.

Далее в реплике Ф. П. просторечный фразеологизм *на всем готовеньком* [ФСРЛЯ 2008: 155] лишь усиливает неодобрительную оценку к заработку А., «не затратившего усилий, не вложившего труда» в то, чтобы *сына кормить* [УСССРЯ 1983: 238], материально *семью обеспечить* [УСССРЯ 1983: 322]. Призыв *иди халтурь* вызван недостаточным, с точки зрения тещи, объемом основной зарплаты инженера. Лингвоспецифические слова *халтурить, халтура* в просторечии употребляются для обозначения «побочной, обычно временной работы» [Химик 2004: 662]. Заработки зятя не укладываются в сложившиеся представления о *нормальных мужиках*, которые *кормят семью*, работают на ее благо.

В реплике-реакции А. используется императивный оператор *не лезьте*, с помощью которого мужчина отстаивает свое право на личное пространство и использование получаемой зарплаты. Он игнорирует предложение поиска *халтуры*.

Теща не идет на уступки. Она упрекает зятя в иждивенчестве, употребляя устойчивые единицы в форме риторических вопросов, являющихся интенсификаторами эмоциональной экспрессивности: *на жену свалить? сесть на нас и ножки свесить?* Спонтанность диалогического общения влияет на трансформацию фразеологизмов с помощью замены компонента: *свалить на плечи – свалить на жену* [ФСРЛЯ 2008: 596]; *сесть на шею – сесть на нас* [См.: Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 122]. Пожилая женщина выражает непримиримое отношение к А., не выполняющего, с ее точки зрения, обязанности отца и главы дома. Более того, непонимание вызывают сидячая работа дома (*за столом высиживаешь* [См.: УСССРЯ 1983: 562]) и отсутствие совместного застолья и совместной с ее дочерью домашней хозяйственной деятельности. С помощью формулы совместности она утверждает, что *ни разу не видела, чтобы вы с женой сели обсудить* семейные проблемы. В соответствии с незыблемыми семейными традициями, муж, занимающийся как интеллектуальным, так и физическим трудом, не должен взваливать на жену ответственность за семейное благополучие и воспитание детей.

В реплике-реакции А. отстаивает право на свободу поведения с опорой на устои родной семьи. Теща, проявляя максимализм, позволяет себе оскорбить не только зятя, но и его мать: устойчивое предложно-падежные сочетание *с приветом* [ФСРЛЯ 2008: 522] характеризует и зятя, и его мать как странных, не таких, как все, вызывающих недоумение и порицание. Просторечный экспрессив *придурок* [ТСРРР 2020. Вып. 3: 383] оценивает зятя как человека неумного, не знающего и не понимающего норм семейного общения, не выполняющего обязанности главы семьи. Сдержанный характер речевых реакций А. свидетельствует об уважении к пожилой женщине.

В конфликтном речевом общении фразеологические обороты (*Все на жену свалил? Сел на нас и ножки свесил?*) служат аксиологическими опорами рассуждений тещи о нормальной семье и отражают специфику «персуазивной коммуникации» [Логинова 2005: 241]. Интенционально заданная персуазивная функция речевой партии Ф. П., насыщенная экспрессивными устойчивыми

единицами, оказывается нерезультативной.

Категоричность оценок, нежелание тещи идти на уступки, понять и принять установки зятя, приводят к отказу последнего от продолжения общения. Жест *машет рукой* [Акишина 1991: 86–87] выражает недовольство, досаду, раздражение, а также свидетельствует о том, что спор не получит окончательного разрешения. Зять не готов жить по руководящим указаниям. В женской речевой партии обнаруживаются стратегия и тактики, обуславливающие использование устойчивых, в том числе просторечных, единиц, составляющих центры персуазивных речевых жанров упрека, осуждения, наставления, поучения.

Внутрисемейный речевой конфликт свидетельствует о необходимости конвенционального осмысления членами семьи личностных ролевых прав и обязанностей. Непринужденное речевое взаимодействие в семейном кругу обнаруживает закрепление устойчивых сочетаний, а также фразеологических оборотов общенационального языка в сознании горожан-уральцев и полифункциональность воспроизводимых устойчивых единиц.

3.2. Устойчивые единицы в составе межличностных разговоров друзей и соседей

В межличностном общении осуществляются не только разговоры между родственниками, но также между друзьями и соседями.

Обратимся к лингвострановедческой «характеристике дружеского микроколлектива» [См.: Шалина 2009: 351]. «Дружба» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014. Т. 1: 227–228] интерпретируется как «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, сердечной привязанности, общности интересов» [ТСРЯ 2011: 217]. В языке закреплены родовые пары: *друг – подруга; приятель – приятельница; знакомый – знакомая*. Дифференцируется степень дружеских отношений. Характерно, что дружить могут лица разного поля и возраста. При этом степень интеллектуальной, а также эмоциональной близости

между ними оказывается разной. Значимость приобретает также степень конфиденциальности.

В русском языке сложилась атрибутивная сочетаемость со словом *друг*, с помощью которой характеризуется лицо, связанное с другим лицом доверительными отношениями: *хороший, лучший, близкий, старый, давний, настоящий, верный, искренний, преданный, закадычный, милый, любезный, сердечный* [УСССРЯ 1983: 147]. Те же прилагательные употребляются в сочетаниях с существительным *подруга*. Нередко дружба начинается в раннем детстве и длится всю жизнь. Устойчивыми стали сочетания *друзья детства, школьные друзья / подруги*. Дружба – аксиологическая константа русской культуры. Лексическая сочетаемость позволяет осмыслить ценность *многолетней, настоящей, истинной, прочной, крепкой, бескорыстной* дружбы [УСССРЯ 1983: 148], которая позволяет разделить чувства горькие и радостные, ощутить поддержку и внимание собеседника.

В межличностных разговорах дружеских отношений мы можем обнаружить значимость: «*друг (друга)* – «это тот (та), кто поможет бескорыстно, посочувствует, с кем можно общаться, кому можно доверять» [Шалина 2009: 351; см. также: Шалина 2010: 378]. Традиция приглашения друзей в гости приобретает ритуальную значимость. Непринужденное дружеское общение между друзьями приводит к расширению тематической границ разговора [См.: Там же].

Приведем запись разговора между подругами. В коммуникативном взаимодействии выделяются 6 тематических фрагментов. Разговор записан в Югорске в 2017 г.

С. – хозяйка дома, 46 лет, инженер, жительница г. Югорска;

А. – подруга **С.**, 45 лет, бизнесмен, жительница г. Нижнего Тагила;

Антон – сын **А.**; **Даша** – невестка **А.**; **Артур** – пасынок **Антон**; **Юля** – дочь **А.**; **Саша** – муж **С.**; **Даня** – их сын [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 84].

Диалогический фрагмент 1.

А. Он (Артур) ничего не делает!

С. Ну-у-у-а / ты говоришь / Антошка с ним занимается //

А. Чё [что] он занимается? Он уроки вот с ним делает!

С. А-а-а / только уроки //

А. Конечно!

С. Даша вроде репетитора //

А. Какого репетитора? Пусть сидит и уроки с ним делает! Этот не занимается / это не это //

С. Ему объясняют / он не понимает / у него где-то запущено //

А. У него везде запущено! Просто-напросто ему толку объяснить // Он / ты *поним[аш]* / (нрзб) *включает //* Он тут присутствует / он стоит // Вот он далеко!

С. Ну а что-то он ещё может делать? Там / руками рисует / чем-то интересуется //

А. Ничем не интересуется!

С. Вообще ничем? Ну / на худой конец комиксы // Он даже не рассматривает комиксы?

А. Нет / он картинки смотрит / он рисует вроде бы / вот это есть // Но ты понимаешь / у него нет основы вот это вот / то что // <...>

<...>

А. <...> // И он / по крайней мере / он сидит // Вот часто с ним играли / вот это вот «найди пару парной картинке» / там вот ягодки / там вот это вот / всё вот он делает // Вот просто // Он слушает книжку //

С. Он (об Артуре) даже этого не делает?

А. Ну как сказать / нет / он делает это // Но ты понимаешь / для того чтобы вот уже сейчас даже // Второй класс программа // Как я увидела / как он в тетрадях пишет // Это пипец какой-то!

С. Он во втором классе уже?

А. Да! Он может посередине написать / потом он может вот здесь вот

написать (показывает рукой) //

С. О[h]о!

*А. Он может сидеть вот так вот на уроке / вот сидеть / он вроде не мешает // Но он не слушает // Он не воспринимает / что ему говорят // То есть вот стояли / <...> // Я пришла к ним / **тетрадку по русскому языку** / значит / надо было // Вот он стоит тут / Антон сидит // «Где тетрадь по русскому языку?» (пауза) // «Я не знаю» // Ну **грит** [говорит] / «Так ты иди ищи» / он отошёл / потом приходит // «Я не нашёл» // Он **грит** / «Ты её где оставил?» / «Я не знаю» // Я как взорвалась / я говорю / «Ты чё стоишь-то?!» / говорю // «Бери портфель / ищи в портфеле! Бери эти ящички!» // Знаешь / меня потрянуло!*

С. Ни фигу себе!

*А. Дашка на кухне была // Меня прям аж это // Я / я / я уже потом себя остановила / что вот // Я его порвать готова была // Потому что я знала / что я своим детям // Они у меня **пятый угол искать** будут / не то что тетрадь / они **пятый угол** у меня **искать** будут //*

<...>

*А. Его (Артура) нужно **приучать к порядку** / Дашка / видимо / ему сказала / что ей это не нравится // Он говорит / «Пусть чё хочет / то и делает» //*

С. Странно //

А. Вот и всё //

С. Вообще странно //

*А. Ну тут / тут вообще **кардинальные надо действия** / я не знаю! Я поэтому даже // Я сначала даже **расстраивалась** / чё-то [что-то] это //*

*С. Но он на уроках просто / это / ну как бы **в облаках витает?***

А. Да! [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 85–87].

С. и А. в настоящее время живущие в разных городах Свердловской области. «Югорск находится на севере Урала. Город образован на основе поселка, являющего центром крупного леспромхоза» [БЭС 1993: 1571]. «Нижний Тагил – второй по числу жителей город Свердловской области после

Екатеринбурга, расположен на реке Тагил» [Там же: 891].

Предметная тема разговора – «запущенный ребенок» [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 93]. Подруги обсуждают проблемную ситуацию, связанную с воспитанием Артура, пасынка, т. е. неродного для Антона сына его жены Даши. «Неадекватное и странное поведение» [Елистратов 2000: 183] этого ребенка вызывает бурю эмоций А.: восклицательные реплики, включающие оценочные устойчивые единицы-экспрессивы *у него запущено, пипец какой-то*, передают чувства «досады, раздражения» [Захарова, Шуваева 2014: 89], связанные с категорическим неприятием внутрисемейного воспитания второклассника Артура, который не обладает необходимыми для его возраста интеллектуальными запросами и умениями. В реплике С. используется эмоциональный фразеологизм *на худой конец* – «В худшем случае» [ФСРЛЯ 2008: 307], выражающий более терпимое отношение к неадекватному поведению ребенка. На взгляд С., интерес к *комиксу* является личным выбором. А. настаивает на недоразвитости неродного внука: *<...> он не слушает // Он не воспринимает / что ему говорят; Он не знает, где его тетрадка по русскому языку* [См.: УСССРЯ 1983: 588]. Неадекватное поведение Артура приводит к «несдержанному выражению резкого возмущения»: *как взорвалась; меня потрянуло*. В реплике-реакции С. сниженно-грубый фразеологизм *ни фигу себе* [Химик 2004: 650; см. также: ТСРРР 2022. Вып. 5: 169] выражает «сильное недоумение» к странному поведению запущенного ребенка и одновременно оправдывает эмоциональную несдержанность подруги. Во всех случаях воспроизводимые единицы в речевых партиях подруг характеризуются эмоциональной окрашенностью.

А. рассказывает о своей невестке. В эмоционально-экспрессивной реплике А. повтор употребления фразеологизма *искать пятый угол* – «Тщетно искать спасения» [Мокиенко, Никитина 2007: 679] демонстрирует отрицательное отношение к его браку. Результаты воспитания Артура вызывают отчаяние А. Аксиологический максимализм – ментально-специфическая черта русского характера, ярко проявляющаяся в зеркале фразеологии.

«Собеседница С. придерживается традиционных представлений о семейных ценностях (главное для семейного человека – благополучие близких, особенно детей и внуков [См.: Дюльдина 2013; Харчев 1979])» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 93]. Она согласна с тем, что женитьба сына ее подруги на женщине с ребенком не привела к счастливому браку. В вопросительной реплике с помощью употребления фразеологизма *в облаках витать* – «Предаваться бесплодным мечтам, фантазии» [ФСРЛЯ 2008: 524] С. относится с пониманием к переживаниям подруги, разделяет ее аксиологические установки. Искренняя реакция на методы воспитания трудного ребенка, эмоциональный отклик и одновременно личная точка зрения на проблемную ситуацию содержатся в репликах, включающих воспроизводимые устойчивые единицы *приучать* (ребенка) *к порядку* [См.: УСССРЯ 1983: 413], *кардинальные действия*. В китайской семье разногласия во воспитании детей тоже могут привести к конфликту между свекровью и невесткой. В китайской традиционной семейной культуре негативные отношения между свекровью и невесткой свидетельствует о соперничестве за главенство в семье; положительные отношения между ними демонстрирует взаимное уважение, ответственность и самопожертвование между членами семьи.

Устойчивые единицы, в том числе просторечные, стилистически-сниженные, используются как сигналы, регулирующие развития предметной темы, как оценочные средства, а также для обозначения индивидуального эмоционального состояния.

Диалогический фрагмент 2.

С. У нас там в Югорске / как бы тоже филиал УрФУ / и у нас есть электро / о господи / энергетика //

А. Радио? Ну радиофак ценится больше //

С. Ну если //

А. Потому что Вадик / когда поехал в УПИ / он хотел на радиофак / он не попал на радиофак //

<...>

С. Нет / он на электрофаке вообще учился //

А. А-а / на электрофаке // Он хотел на радиофак / э / он говорит / «Это самое крутое / говорит» //

<...>

С. Да, конечно // Саика учился же на радиофаке // Он говорит / «Там реально надо учиться» / так он / по крайней мере / до сих пор всё знает //

А. У[h]у //

С. Он же вот [щ]ас [сейчас] в учебном центре преподавал этот-то месяц /

<...>

А. У[h]у-у[h]у //

*С. А мы неделю ещё ждали / пока Саика **отчитает лекции** //*

А. У[h]у //

С. Это у него с трассы группа учебная была / то есть он благодаря радиофаку / то что он в пединституте учился / как бы это одно / за счет того что он учился в пединституте / его берут преподавать в учебный центр / а в учебном центре он преподаёт по тому где / что он учился на радиофаке //

А. Это очень хорошо / то есть у него знания радиофака есть / но у него есть возможность превратить это в преподавание / он может преподавать //

С. Так вот //

А. Это то же самое / что мы хотим сейчас с Юлькой сделать // У неё есть педагогическое образование //

С. У[h]у // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 90–91].

В разговоре развивается тема важного для профессиональной карьеры человека «совмещения технического образования и образования педагогического» [См.: Там же: 95]. Используются устойчивые сочетания *попасть на радиофак* (радиофизический факультет) [См.: УСССРЯ 1983: 410], *учиться на электрофаке* (электротехнический факультет) [См.: Там же: 632]. Подруги характеризуют ценностные предпочтения, отражающие объективный

спрос на выпускников: А. <...> *радиофак ценится больше*, т. е. «заслуживает одобрения» [Никитина 2003: 288], а его выпускники пользуются спросом работодателей. Использование вербальных сигналов чужой речи – «(радиофак) *самое крутое*»; «(на радиофаке) *реально надо учиться*» – подтверждает объективность аксиологической оценки. Лексема *крутой*, употребляющаяся в речи молодежи, в словарях сопровождается пометой сленг. и прост. [См.: Никитина 2003: 288; см. также: ТСРЯ 2011: 385]. «Для обеих подруг, получивших высшее образование, не подлежит сомнению, что базовые ценности, позволяющие взрослым людям реализовать себя, включают знания, которые дает высшее образование» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 95]. Языковой вкус собеседниц отличается толерантным отношением к просторечию и сленгу.

В реплике С. трудоустройство и работа мужа *Сашки* (уменьшительно-ласкательная форма имени *Саша*) описываются при помощи формульных сочетаний и оборотов *учебный центр, учебная группа* [УСССРЯ 1983: 116], *учиться в пединституте* [См.: Там же: 632], *отчитать лекцию*, выступающих как сигналы темы. В реплике А. формульное выражение *у него есть возможность* (преподавать) [Там же: 1983: 69] передает мысль о несомненной ценности приобретенных знаний: А. эксплицирует аксиологическую оценку: *Это очень хорошо*.

В реплике А. с помощью использования устойчивого сочетания *педагогическое образование* [УСССРЯ 1983: 327] проявляется одобрительное отношение к результативности. А. планирует и формирует будущую профессиональную карьеру своей взрослой дочери *Юльки*, которая, по прогнозу матери, будет работать учительницей.

Обсуждение целесообразности получения высшего образования и возможностей совмещения двух высших образований сопровождается аксиологическими оценками участниц общения. В то же время они учитывают право на выбор профессии выпускника школы. Использованные в диалоге устойчивые единицы служат сигналами темы, регулируют ее развитие.

Сниженно-просторечное сочетание *самое крутое* поддерживает эмоциональность, характерную для русского речевого общения.

Диалогический фрагмент 3.

А. «Вот и отстань / говорит / от них» // Мне самое главное / мне плевать вот / что они делают там с детьми / что-нить [что-нибудь] // Мне самое главное / чтоб она (о невестке) не затащила Антона вниз!»

С. Ну да //

А. Мне вот это самое // Мне остальное вообще без разницы! А вот самое главное / чтоб она / вот чтобы у него была машина всё-таки / чтобы он хотя бы что-то //

С. Ну да / чтобы он не зря учился //

А. Чтобы он что-то / да! Не зря учился / чтобы у него хотя бы стимул был и / по крайней мере / чтобы он чувствовал себя мужчиной! [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 87].

Подруги обсуждают тему семьи. Предметное уточнение – семейное положение Антона (сына А.), вместе с супругой живущего в отдельной квартире, но находящегося под влиянием молодой жены и не ставшего, по наблюдениям матери, хозяином дома и настоящим мужчиной.

Упрёк А. в адресе невестки связан с различием гендерных ценностных предпочтений. Аксиологическую значимость приобретает воспроизводимое сочетание (мне) *самое главное* в значении «Основа, суть» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]. Трёхкратный повтор сочетания позволяет выделить ядро аксиологического содержания речевой партии А. Местоименное уточнение (*самое главное* – для кого именно; в репликах – личное местоимение *Я* в форме дательного падежа без предлога) выдвигает на первый план восприятия точку зрения А., свидетельствующую о сложившемся мировоззрении. Гендерные аксиологические установки матери взрослого сына: необходимость стать хозяином в доме, обеспечить семью материально, утвердить своё

положение инженера, диплом которого позволяет получать достойную зарплату. Отмеченные установки свидетельствуют о другоцентризме матери, а также о ее приверженности традиционному распределению статусно-ролевых обязанностей членов семьи, главой которой является муж и отец.

Реплика-реакция С., содержащая разговорное устойчивое сочетание *не зря учиться* – «Принося желаемый результат; не безрезультатно, не впустую, не тщетно» [Михельсон 1912: 273], подтверждает ценностные суждения А. и одновременно свидетельствует об общности взглядов подруг.

Участницы диалога отстаивают традиционные семейные ценности: верность и любовь к близким, ответственность старших членов за благополучие семьи, а также за детей, в том числе взрослых. Гендерно-ориентированным является представление о главе семьи – *настоящем мужчине*. В китайской современной культуре мужчина, который не хватает самостоятельности, не берет на себя ответственность за обеспечение семейного благополучия после женитьбы и зависит от своего матери, неодобрительно оценивается как *妈宝男* (маменькин сынок).

Обращает на себя внимание аксиологема *самое главное*: в соответствии с нормой предложно-падежное уточнение передает определяющий, основной для отдельного человека или для группы людей (*для нас; для выпускников вуза и др.*) аксиологический выбор, включенный в ситуацию проживаемого времени или являющийся универсальными (Ср.: *главное для граждан страны – ее безопасность, суверенитет и благополучие*). Константу представляет собой стремление к персональному аксиологическому выбору.

Диалогический фрагмент 4.

С. Ну а на работе у Антошки?

А. На работе щас [сейчас] вообще на заводе всё плохо //

С. На Вагонке всё плохо?!

А. Ой / вообще всё плохо / ещё сказали хуже будет //

С. Да ладно //

А. Куда хуже / вообще не знаю //
С. У них чё / соцпакет отменили?!
А. У них не отменили соцпакет / им зарплату срезали //
С. Ну срезали / за счёт чего? Что им не выплачивают / они не могут им //
А. Они до сих пор ждут выслугу / которую / например / НТМК выдали в конце декабря //
С. А выслуга это не //
А. Это тринадцатая зарплата //
С. А / у вас называется выслуга //
А. Тринадцатая зарплата //
С. Ежегодно которая даётся?
А. Да //
С. За год //
А. Нам три года не платили / не платили и пообещали / люди ждали-ждали / сейчас говорят уже двенадцатого июня // <...> / если НТМК выдали / людям с неба упала ещё одна зарплата / Васька вон / тридцатку получили / вот просто так / с неба //
С. Ну нет / не просто так //
А. Ну я имею в виду-то / что вот / тринадцатая / она / как сказать / плюсом к зарплате / у них просто называется премия / вот у НТМК у них // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 88].

Разговор подруг затрагивает тему, обозначенную в инициальной вопросительной реплике С.: *Ну а на работе у Антошки?* Собственное имя *Антошка* (Антон – сын А.) реализовано в уменьшительной форме. Последнее свидетельствует о том, что С. знает сына подруги с его раннего детства [См.: Там же: 93]. Реплика в целом задает дружескую тональность разговора, поддерживает эмоциональную волну общения.

Речь идет о сложностях, возникших на Уралвагонзаводе. «Уралвагонзавод расположен в Нижнем Тагиле Свердловской области, занимается разработкой и

производством военной техники, дорожно-строительных машин, железнодорожных вагонов» [Википедия: Электр. ресурс]. В советское время промышленный город формировался как «город-завод» [Лотарева 1993] – особый символ Урала. Лексема *вагонка* является лингвоспецифической единицей городского просторечия и одновременно – субъязыка рабочих. Это слово привычно употребляется жителями Свердловской области, которые знают о инновационных достижениях заводчан, высоко ценят выпускаемую заводом технику.

В разговоре обсуждаются дополнительные выплаты и социальные услуги. С помощью просторечного устойчивого сочетания *зарплату срезать* А. информирует подругу о сокращении установленных ежемесячных выплат рабочим и инженерам. Акцентируется также отсутствие *тринадцатой зарплаты* (лингвоспецифическое сочетание обозначает «премию по итогам работы за год» [ТСРЯ 2011: 263], т. е. «дополнительное денежное вознаграждение, выплачиваемое из фонда материального поощрения за вклад труженика в общие результаты работы предприятия за год» [Новые слова и значения 70-х годов. Словарь-справочник. 1984: 733]). Показательно, что озабоченность А. связана не только с заработками Антона – молодого специалиста. Она с горечью говорит о работающих людях зрелого и пожилого возраста, которые в настоящее время не получают установленной денежной прибавки *за выслугу лет*. Лингвоспецифическое устойчивое сочетание позволяет осознать несправедливость отсутствия вознаграждения за «общий трудовой стаж» [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 221]. В Китае *十三薪* (тринадцатая зарплата) также называется как *年底双薪* (двойная зарплата в конце года). В государственных органах, учреждениях, предприятиях и других подразделениях работодатели выплачивают работнику дополнительные зарплаты за месяц после завершения одного года работы.

Разговорно-экспрессивный фразеологизм *упасть с неба* [См.: ФСРЛЯ 2008: 453] позволяет осознать невозможность выдачи заводом полагающихся денег. В реплике С. устойчивое сочетание *за счет чего <...> выплачивают* [См.: ТСРЯ

2011: 963] свидетельствует о профессиональном отношении к выплатам, которые должны поступать из средств, полученных за реализацию выпускаемой техники, за дополнительные заказы сторонних предприятий и др.

Аксиологическая установка обеих подруг на семейное благоденствие и материальное благополучие работников промышленного предприятия свидетельствует о принципе другоцентризма, характерном для женского культурного типажа. Именно «этот принцип обеспечивает кооперативное речевое взаимодействие» [См.: Винокур 1993б: 160].

Диалогический фрагмент 5.

*А. А у нас вот // И в общем / короче говоря // И там хотят вообще всё производство переделать / нн-а это / на **начальство новое** / которое пришло / он хочет вообще от вагонов избавляться // Убирать их // Я не знаю / вообще я не знаю / на одних танках всё равно не выедешь // В общем я не знаю / что будет / а **Вагонка загнётся** / если завод загнётся //*

*С. Ну да / **градообразующее предприятие** «Уралвагонзавод» //*

А. Поэтому вот / Света / я теперь ничего и не знаю / чё у них будет //

<...>

*С. Ну вот смотри / про НТМК тоже говорили / что загнивает / загнивает / загнивает / загнивает / а щас / смотрю / постоянно «в связи с расширением» **набирают рабочих** //*

А. У НТМК производство хозяев //

С. Носов? А нет / Носов мэр / а кто там?

А. Носов / он его вытянул / а потом поставил человека хорошего //

<...>

*С. Ну просто на отвод буквально летом уверяли / что НТМК закрывается / он **свою функцию выполнил** всё там / <...> // Сейчас приехали / говорю / «Саш / дак НТМК-то / процветает» //*

А. У НТМК есть хозяин / да //

С. Я смотрю / город так преобразился //

А. Дак [так] *дай-то бог!* // *Это благодаря Носову* // *Подожди дак* // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 88–89].

В диалоге речь идет о состоянии городских промышленных центров. В реплике А. отмечается, что *новое начальство* (новый начальник) [См.: УСССРЯ 1983: 316] управляет «умирающим» *Уралвагонзаводом: Вагонка зайдёт / если завод зайдёт*, т. е. «перестанет функционировать» [ТСРРР 2014. Вып. 1: 585]. В реплике С. употребляется лингвоспецифическое устойчивое сочетание *градообразующее предприятие* – «Производственное предприятие, на котором занята значительная или основная часть работоспособного населения города или посёлка» [Новые слова и значения 60-х годов. Словарь-справочник. 1971: 145]. Именно к таким предприятиям относятся *Уралвагонзавод* (УВЗ) и *НТМК* (Нижнетагильский металлургический комбинат). Осознается ответственность предприятия за обеспечение рабочих мест в *Нижнем Тагиле* – «городе-заводе». Отметим, что *градообразующее предприятие* способствует созданию социального и экономического благополучия, совершенствованию инфраструктуры, повышению уровня жизни и обеспеченности населения. Такие города, как *Нижний Тагил*, «с монопрофильной экономикой, где расположены градообразующие предприятия, называют моногородами» [См.: Википедия: Электр. ресурс]. В Китае также есть моногорода (工业型城市, 资源型城市 [См.: 马克, 李军国 Ма Кэ, Ли Цзюньго 2015]) – Таншань (唐山), Фушунь (抚顺), Датун (大同), Баотоу (包头), которые обладают мощным производственным потенциалом.

В реплике С. устойчивая единица *выполнить (свою) функцию* выделяет реальную ситуацию: НТМК процветает, т. к. есть надежный руководитель: <...> *хозяин набирает рабочих в связи с расширением производства.*

Подруги одобрительно оценивают личностные качества мэра Носова, неустанно заботящегося о состоянии дел в городе: *Носов / он его* (т. е. завод) *вытянул / а потом поставил человека хорошего.* Носов – мэр Н. Тагила [Википедия: Электр. ресурс], талантливый организатор и человек, который

уделял внимание жизни горожан. В свое время он сумел *вытянуть НТМК*, т. е. сделал завод современным рентабельным предприятием всероссийского масштаба. Аксиологическую значимость приобретает слово *хозяин* в контекстуальном значении «директор завода, профессионал, рациональный руководитель». С. пытается убедить подругу в том, что Уралвагонзавод в скором будущем будет процветать.

В восклицательной реплике А. разговорный экспрессивный фразеологизм *дай бог* [ФСРЛЯ 2008: 169], употребляется как «формула пожелания» [Балакай 2001: 126], передает «сдержанный оптимизм А., реально воспринимающей ситуацию на заводе, где работает ее сын» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 94]. Устойчивые единицы *градообразующее предприятие, новое начальство, набирать рабочих* [УСССРЯ 1983: 295], *выполнять свою функцию* служат для обозначения и развития предметной темы в режиме текущего времени. Эмоциональную оценку транслирует фразеологизм *дай-то бог*, который в контексте тематического единства выполняет прогностическую функцию.

Отметим лингвострановедческую деталь: непринужденное доверительное общение подруг сопровождается употреблением уменьшительных форм собственных личных имен в позиции обращений: *Свет* (полное имя – *Светлана* [Петровский 1966: 196]); *Саш* (полное имя – *Александра* [Там же: 44]). Фонетическая особенность – выпадение окончания – характерна для спонтанной речи. В китайском языке уменьшительные формы собственных личных имен отсутствуют.

Диалогический фрагмент 6.

*А. Я-то представляю / просто щас слух какой **прошёл** / что хотят Носова забрать в Екатеринбург // **Не дай бог!***

С. Кто там / Червинцев? Нет / там какой-то дурак //

А. Я не знаю / кто там / забыла кто //

С. Не-не-не дай бог!

*А. Его хотят забрать в Екатеринбург // (пауза) Город тогда загнётся просто / потому что **второго такого хозяина не будет** // Ну совсем-то ведь / сколько тут разворовывали город / сколько этих / зданий-то вот этих вот / садилов сколько вот так вот покупали // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 89].*

В диалогическом единстве выделяется тема профессионализма главы города Нижнего Тагила. Устойчивая единица *слух прошёл* – «Весть, известие о ком-чем-л. (обычно ещё ничем не подтверждённое)» [См.: УСССРЯ 1983: 517] и экспрессивно-оценочная реакция *не дай бог* [Балакай 2001: 55] выражают отрицательное отношение А., жительницы Нижнего Тагила, к возможности смены главы города. Очевидна роль устойчивых единиц в организации текстовой категории темпоральности.

Носов воспринимается как рачительный *хозяин*, заботящийся о жителях, знающий их нужды, со знанием дела относящийся к градообразующим предприятиям. Заменявший его на ответственном посту руководитель по сравнению с незаменимым Носовым воспринимается как *какой-то дурак*, не способный управлять промышленным городом. Персонализм – ценность, выделяющая личность (в данном случае – Носова) среди других подобных, позволяющая составить коллективное мнение об интеллектуальном и моральном потенциале человека, готового отдать свои силы горожанам.

В процессе обсуждения возможной замены главы города С. также использует фразеологизм *не дай бог* и тем самым поддерживает позицию подруги. Тагильчанка А. мотивирует свою точку зрения, используя формульное выражение <...> *второго такого (хозяина) не будет*. Забота о нуждах города демонстрирует ценностное отношение коренных уральцев к судьбе города и аналитическое отношение к личности, стоящей во главе промышленного центра, ответственной за будущее горожан.

Разговорное устойчивое сочетание *не дай бог* передает «беспокойство по поводу» [См.: ФСРЛЯ 2008: 169] предполагаемого, т. е. «крайне

нежелательного» [См.: ТСРЯ 2011: 51], ухода со своего поста действующего мэра Нижнего Тагила.

«Ядерная гендерная ценность для зрелых женщин – семейное благоденствие» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 95]. Благополучие, как свидетельствует их жизненный опыт, непосредственно зависит не только от воспитания и полученного образования, но и от условий работы, а также от «общей социальной обстановки в городе» и от профессионализма руководителей [См.: Там же: 35].

Шесть тематически целостных фрагментов доверительного разговора подруг, как показывают результаты анализа, подтверждают отраженное в зеркале языка представление об общении друзей, дающем возможность выговориться, высказать все до конца, *излить душу* – «Откровенно рассказать о том, что волнует, что наболело» [ФСРЯ 1968: 184]. Устойчивые единицы, активно реализующиеся в речевых партиях собеседниц, характеризуются полифункциональностью.

Перейдем к анализу коммуникативного взаимодействия, участницами которого являются молодые подруги. Разговор, характеризующийся политематичностью, происходит на кухне в квартире Я. Для анализа выделяются 3 коммуникативных фрагмента. Разговор записан в Екатеринбурге в 2013 году.

Я. – женщина, 25 лет, замужем, учительница русского языка и литературы, живет в Екатеринбурге;

И. – подруга **Я.**, 23 года, с незаконченным высшим техническим образованием, работает менеджером, живет в Екатеринбурге [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 152–153].

Диалогический фрагмент 1.

Я. Это как мы ботинки купили мне // Мы до этого ездили на Парковый когда / считать обои / скоко надо / прикидывали и смотрели / дак за одним обувь / потому что у меня ботинки уже всё конкретно // Вот / пошли / а / ну идём /

стоят ботинки по типу моих / которые понравились // Три тыщи // **Ой / блин /**
но меня **жаба** конкретно **давила** / мне так этих **денег жалко** было //

И. Нельзя так / нельзя **на себя жалеть** // Я понимаю / **детям не жалко / мужу**
не жалко // Знаешь / я до недавнего времени / тоже / знаешь / маме там купить
/ сестре купить // А щас я думаю / что мне тоже надо / мне нужно одеваться //
Я молодая / я хочу хорошо одеваться / выглядеть хорошо! Я / блин / уже два
месяца только и делаю / что себе **на шмотки зарабатываю** // Это / может
быть / неправильно / нет / но всё равно **на себя жалеть** нельзя! Чулочки покупаю
//

<...>

И. <...> // Я купила чёрные и плавки к ним с ажуром // На самом деле красиво //
Я. Хожу сама себе нравлюсь // Любимое выражение // [Ценностное содержание
разговорного диалога 2021: 154–155].

В диалоге затрагивается тема покупок, отражающая интересы молодых женщин [См.: Там же: 163].

В реплике Я. экспрессив-интенсив *жаба давит* (меня) [Никитина 2003: 163] демонстрирует эмоциональное переживание, которое она испытала из-за денег, потраченных на *ботинки*: они ей *понравились*, но стоят *три тыщи* (тысячи). Жаргонно-просторечное сочетание *ой / блин* [См.: Квеселевич 2005: 44] употребляется как междометие, передающее внезапно нахлынувшие чувства. Я. критически оценивает свою жадность (просторечный фразеологизм *жаба давит*) и объясняет подруге причину, вызывающую разноречивые чувства, обозначенные с помощью устойчивого сочетания *денег жалко* (мне) [См.: ТСРЯ 2011: 228], свидетельствующего о необходимости ограничения личных расходов.

В ответной реплике И. признания подруги встречают аксиологическое сопротивление: дважды используя разговорную устойчивую единицу (нельзя) *жалеть на себя* [См.: УСССРЯ 1983: 153–154], она настаивает на необходимости *следить за собой*, удовлетворять собственные потребности. Речевая партия И. наполняется «тональностью категорического запрета» [Ценностное содержание

разговорного диалога 2021: 163], которая поддерживается повтором отрицательной частицы *не* и наречия *нельзя* [Русская грамматика 1980. Т. 2: 214]. Воспроизводимые сочетания *детям не жалко*, *мужу не жалко* выражают понимание И. эмоционального состояния подруги Я., которая считает, что нужно отказывать себе в дорогих покупках. Высказывания с глаголом-инфинитивом (*маме*) *купить*, (*сестре*) *купить* намекают на персонально осознанную отрицательную оценку ущемления личных потребностей. Речевая партия И. отмечается дидактичностью, формирующейся на базе использования «модальных слов» [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 21; 163]: *надо*, *нужно* [Русская грамматика 1980. Т. 2: 214–215]. Воспроизводимое сочетание *зарабатывать на шмотки (себе)* [См.: УСССРЯ 1983: 179] содержит просторечный компонент *шмотки* – «Одежда, личные вещи» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]) и свидетельствует о положительной оценке самодостаточности: работающая женщина, получающая зарплату, имеет право на покупку вещей, которые приходятся ей по вкусу. Выводное аксиологическое суждение: *Нельзя на себя жалеть*.

В разговоре сталкиваются различные установки на позволительную трату денег. Выделяются два жизненных принципа: «жить только ради близких и жить ради себя» [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 163]. Ценностная установка на жизнь ради себя аргументируется молодостью (я *молодая*), стремлением быть привлекательной (*выглядеть хорошо*). В репликах подруг при поддержке устойчивых единиц вербализуются гендерные ценностные ориентации современной молодой женщины (*сама себе нравлюсь*; *хочу хорошо одеваться*), демонстрирующие стремление быть хорошо одетой.

Диалогический фрагмент 2.

И. Тут недавно передача по телевизору была // Приёмные родители взяли ребёнка из детдома / да // Через месяц сдали его обратно // Ну там заведующая спрашивает / «Чем вас не устраивает ребёнок этот?» // «Он не слушается моих приказов» // «Извините меня / приказы могут быть в армии и в отношении

собак» //

Я. Дак если своих нету детей / как они чужих могут воспитать //

И. Нет / ну знаешь / кому дано / кому не дано // Даже если и своих детей нет / **относиться к чужим** надо хорошо //

Я. Редко / если своих нету // Причём нету не по той причине / что просто не может мужик / а просто **по глупости** // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 157–158].

Разговор между подругами затрагивает тему воспитания приемных детей и отношения к ним [См.: Там же: 164]. В реплике И. употребляются тематически релевантные устойчивые единицы *приёмные родители*, т. е. «усыновители» [Ожегов, Шведова 2006: Электр. ресурс]; *взять ребёнка* (из детдома) [УСССРЯ 1983: 40], т. е. «усыновлять детей» [Мокиенко, Никитина 2007: 189]; *сдать* (приемного ребенка) *обратно*. Выявляются неблагоприятные факты, связанные с детьми-сиротами, брошенными приемными родителями. Устойчивая единица *слушаться приказа*, воспроизведенная в границах чужой речи, обнаруживает неодобрительный оценочный смысл: по мнению И., вербальное насилие по отношению к детям неприемлемо. В речевой партии И. интерпретируется ценностная установка: к приемным детям следует с пониманием и любовью. Ср. устойчивые сравнения *быть для кого-либо как родная дочь* в значении «О девушке, будущей близкой, родной, любимой» [Огольцев 1992: 43]; *относиться к чужим* (детям) *как родной отец* в значении «О мужчине, относящемся к кому-либо заботливо, внимательно, с сердечным участием» [Там же: 102]; *относиться к чужим* (детям) *как родная мать* в значении «О женщине, относящейся заботливо, внимательно, ласково» [Там же: 81]. В реплике Я. воспроизводимое предложно-падежное сочетание *по глупости* [Абрамов 1999: 318] передает мысль об усыновлении приемными родителями детей без обдуманного решения, легкомысленно.

В разговоре проявляется «гендерная аксиологическая общность»: воспитание детей – родных и приемных – должно осуществляться на основе

любви, внимания, благожелательности, терпимости, заботы и ласки [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 164].

К разговору Я. и И. присоединяются А. – подруга Я., 21 год, учащаяся педагогического колледжа, живет в Екатеринбурге, а также Г. – подруга Я., 28 лет, специальное (техническое) образование, в настоящее время безработная, живет в Екатеринбурге [См.: Там же: 162].

Полилогический фрагмент.

*И. У нас девчонка одна работает / с мужиком живёт / он у неё **первый мужчина** / ей уже двадцать восемь / ему тридцать // Живут просто / потому что **деваться некуда** // У него нет квартиры / нет прописки / вот он живёт у неё //*

Я. Она у него?

И. Он у неё //

Я. А-а //

*И. Ребёнок у них // Она по телефону с ним разговаривает / «Чё надо / чё надо?! Куда деньги дел?!» // (смеются) Вот это всегда так / **изо дня в день** / всегда в таком тоне // Ну я у неё спрашиваю / «А чё ты с ним живёшь?» Она мне / «Я не знаю / Ирка / потому что он мой **первый мужчина** / у меня больше / кроме него / никого не было / до него и после него не было» // <...>*

<...>

Я. Да скорее всего //

И. Ни хера не работает он / она его содержит // У неё отец больной / там под машину попал / <...>

Я. Да скорее всего у него кто-то есть //

<...>

А. Ох / детское время вышло / мужика кровать зовёт //

Г. Мужика в поле ищите / он как / сеет / пашет //

*И. Ты знаешь / мне это не нравится // У меня вот **троюродная сестра** есть // У неё вот / с **парнем живёт** / восемь лет уже живут // Вот у него тоже такие*

понятия / «Мужик там / в деревне / на земле работает / а я мужчина» // Она его восемь лет содержит / мужчина // Да на хер такой мужчина нужен //

Я. Угу //

А. Н-да //

И. Поэтому / знаешь / Галка / я ничё не вижу в этом обидного // Мужик / это мужское начало // [Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 156–157; 159].

И. инициирует тему, затрагивающую восприятие мужика, мужчины и внебрачные связи [См.: Там же: 165]. В ее рассказе о коллеге «очерчиваются не типичный» для русской традиционной культуры отношений сожительства – «женщина содержит мужчину», с которым не состоит в официальном браке [См.: Там же: 164–165]. С помощью разговорной устойчивой единицы *деваться некуда* [ФСРЛЯ 2008: 174] отрицательно оценивается взрослый мужчина, который *нигде не работает*, а живет в свое удовольствие за счет женщины в ее квартире (женщина *содержит его* (мужчину)) [См.: УСССРЯ: 532]; женщина *с парнем живёт* [См.: Там же: 161]). Страноведческая деталь – *прописка* [ТСРЯ 2011: 760]. У сожителя *нет прописки*, следовательно, он не может официально устроиться на работу. Как следует из рассказа, он не прикладывает усилий к тому, чтобы стать хозяином, кормильцем семьи.

В репродуцированной речи сожительницы устойчивый оборот *куда деньги дел* отражает материальные трудности, с которыми она постоянно сталкивается. Фразеологизм *изо дня в день* [ФСРЛЯ 2008: 200] свидетельствует об ироническом отношении И. к постоянным жалобам коллеги на нехватку денежных средств. Единственное оправдание: *он мой первый мужчина*, т. е. тот, с кем она в первый раз вступила в сексуальные отношения, утратив девственность.

В настоящее время в России терпимо относятся к внебрачным связям и сожительству, не оформленному официально. В Китае выбор добрачного сожительства среди зрелых людей с каждым годом постепенно увеличивается

[См.: 中国婚姻家庭报告 отчет о браке и семье в Китае 2023: Электр. ресурс]. Неодобрительное отношение к внебрачным связям вербально интерпретируется такими номинациями, как *出轨* (*измена* [РСС 1998: 276]), *偷情* (*вступить в тайно половую связь* [Там же: 495]), *外遇* (*завести любовника / любовницу* [Там же: 455]), *搞破鞋* (*интрижка* [Там же: 276]), сопровождающимися пренебрежительной, уничижительной, бранной оценками к аморальному поведению.

Молодые женщины, являющиеся образованными носительницами кодифицированного литературного языка, оценивая ситуацию, активно используют «обценные фразеологизмы» [Мокиенко 2003], не ведущие к «коммуникативному напряжению» благодаря дружеской общности, взаимопониманию [См.: Ценностное содержание разговорного диалога 2021: 165–166]. Фразеологизм *ни хера не (работает)* [Мокиенко, Никитина 2007: 712; см. также: Химик 2004: 669] выражает максимальную степень презрительного отношения к тому, что *женщина содержит мужчину, у которого нет квартиры, нет работы*.

В разговор вступает Г. Она говорит о *настоящем мужчине* – о *мужике* [Колесов, Колесова, Харитонов 2014. Т. 1: 388], который *в поле <...> сеет / пашет*, т. е. постоянно трудится, чтобы прокормить близких. Имплицитно выражается догадка о том, что трудяги остались только в деревне. Это крестьяне. Избалованные горожане часто уклоняются от трудовых обязанностей, не проявляют трудолюбия.

И. разделяет высказанную Г. мысль: она приводит в пример проблемную ситуацию, возникшую в жизни ее *троюродной сестры*. Устойчивое сочетание обозначает «отдаленное не прямое родство (в третьем поколении)» [ТСРЯ 2011: 1003]. Сожитель сестры предлагает ей смириться с новейшей реальностью: *Мужик там / в деревне / на земле работает / а я мужчина*. Сформировавшаяся оппозиция освобождает горожанина от традиционных ролевых обязанностей.

Просторечно-бранная устойчивая единица, имеющая эмоционально-

экспрессивную окрашенность, – *на хер нужен* (такой мужчина) [Мокиенко, Никитина 2007: 712; см. также: Елистратов 2000: 512], – с одной стороны, поддерживает презрительное отношение к мужчине, который отличается самомнением, нежеланием работать, без стыда состоит на иждивении женщины, с другой стороны, выражает эмоциональную чуткость по отношению к слабости и кротости троюродной сестры. Приведем параллель: в Китае мужчина, состоящий «на содержании у женщины и зависящий от нее материально» [См.: 中国婚姻家庭报告 отчет о браке и семье в Китае 2023: Электр. ресурс], презрительно номинируется как *小白脸* (*жиголо, альфонс* [СИССРЯ 2014: 34]), *软饭男* (*содержанец*). Женщина, добровольно содержащая мужчину, иронически оценивается как *恋爱脑* (*безнадежный романтик* [РСС 1998: 335]), *傻白甜* (*простоголовая*), *舔狗* (*угодница*).

В сознании современной русской женщины, как следует из вербализованных в полилогическом единстве аксиологических суждений, сохраняется традиционное представление об идеальном мужчине. Его характеризуют сила, трудолюбие, брутальность, забота о близких, способность любить женщину. Не уходит в прошлое лингвокультурный типаж «настоящий мужик», соответствующий *мужскому началу* [См.: Колесов, Колесова, Харитонов 2014. Т. 1: 465–467]. Сохраняется также типаж женщины, на содержании которой находится здоровый, работоспособный мужчина. В китайской национальной культуре смысл «настоящий мужчина» (男子汉) номинируется и характеризуется значимыми компонентами: «天 (поле) и 地 (земля)» [Тань Аошуан 2004: 189]. Китайские фразеологизмы *顶天立地*, *天地男儿* [常用成语词典 Словарь общеупотребительных фразеологизмов 2004: 195] свидетельствуют о таких качествах, как «сила, твердость, ответственность, мужество» [Тань Аошуан 2004: 92], которыми обладает идеальный мужчина, «не озабоченный мелочами жизни, не дорожащий собственным благополучием» [Там же: 168].

Проведенный анализ текстов-разговоров позволяет сделать вывод о том,

что гендерные представления о настоящем мужчине формируются на базе закрепленных в языковой системе и используемых в межличностном общении устойчивых сочетаний и оборотов. Наблюдаемые в контексте текущего времени изменения кардинальным образом не влияют на восприятие идеального мужеского типажа носителями и русской и китайской лингвокультур.

Приведем запись разговора подруг пожилого возраста.

А. Ф. – хозяйка дома, 76 лет, пенсионерка, среднее специальное образование, работница завода, живет в Карпинске Свердловской области;

Ф. П. – подруга **А. Ф.**, 68 лет, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге;

М. И. – подруга **А. Ф.**, 75 лет, пенсионерка, неполное среднее образование, продавец магазина, живет в Екатеринбурге [См.: Шалина 2009].

Полилогический фрагмент.

Ф. П. (Шутит) *С ты могут взять как с инвалидки // Без денег // (Все смеются)*

А. Ф. (Указывает на **М. И.**) *Слушай / кто из нас инвалидка? Она или я?*

Ф. П. *Ну вы обе инвалидки //*

А. Ф. *Ну с такой-то рожей //*

М. И. *А чё / я ить могу похудеть // <...>*

А. Ф. *Выйдет / как яблоко красное / а я как покойник / синяя //*

М. И. *Шура / у каждого своё // Ты давай меня не унижай // У каждого свои болезни //*

А. Ф. *Какими херами они выбрали ты? Пенсию за инвалидность?*

М. И. *Мне бы было хорошо / мне бы никто не дал //*

А. Ф. *Я считай / попала в аварию // А то уже до ста лет доработала // Я инвалид / я не могу // Дак старческа-то где болесь (болезнь)?*

М. И. *Она не идет к врачу-то // Дак кто придет? У меня своя синица в руке // С ногами еле-еле... [Шалина 2009: 347–348]. Разговор записан в Екатеринбурге.*

В разговоре обсуждается пенсия. Диагностирование нарушений здоровья гарантирует получение соответствующих выплат. Со страноведческой точки зрения, важно разграничивать, *за что* государство назначает россиянам пенсии. В Китае пенсия (退休金) также называется как пенсионный фонд по старости (养老金), являющийся важнейшей разновидностью социального страхования по старости. Пенсия необходима для благосостояния общества и в основном используется для обеспечения основных потребностей работников после выхода на пенсию. Пенсии накапливаются и функционируют по принципу совместного накопления государством, коллективом и отдельным человеком. Пенсионное обеспечение в Китае в основном разделено на две системы: пенсия для сотрудников государственных учреждений и пенсия для работников предприятий.

В речевой партии А. Ф. грубо-просторечный фразеологизм *какими херами* приобретает контекстуальный смысл «Почему, по какой причине» [Мокиенко, Никитина 2007: 712]. Она, как и Ф. П., сомневается в справедливости назначения М. И. *пенсии за инвалидность* [См.: УСССРЯ 1983: 372]. А. Ф., как следует из разговора, страдает хроническим заболеванием и выглядит не лучше, чем М. И., лицо которой *как красное яблоко* – «О женщине с ярким, здоровым румянцем на щеках» [Огольцев 1992: 165]. Отмеченная деталь поддерживается грубо-просторечным предложно-падежным сочетанием *с такой рожей* в контекстном значении «худая, некрасивая» [ТСРЯ 2011: 836] и устойчивым сравнением *как покойник*, т. е. «с лицом, утратившим жизнерадостность, выразительность» [См.: Мокиенко, Никитина 2007: 514]. В то же время А. Ф. пенсию не получила. Ф. П. пытается примирить подруг: *Ну вы обе инвалидки*. Однако М. И. воспринимает колкие замечания как обидные, ущемляющие ее достоинство. А. Ф. пытается оправдаться, говорит о том, что *попала в аварию* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 11], напоминает о своей трудолюбии: *если бы не авария, то до ста лет доработала*. Гиперболическая устойчивая единица указывает на готовность трудиться до глубокой старости. М. И., используя фразеологизм *у каждого свое* [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 312], напоминает собеседницам об

отсутствии уравнивания: нельзя *ставить на одну доску* болезни хронические и полученные в результате несчастного случая: *у каждого свои болезни*. М. И. с обидой воспринимает недоверие: *Ты давай меня не унижай*.

В конфликтном общении аксиологическую функцию выполняют устойчивые, в том числе находящиеся за пределами литературного языка, единицы, позволяющие разграничить универсальное и персональное в зависимости от конкретной ситуации.

Ф. П. – хозяйка дома, 72 года, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге;

З. С. – подруга **Ф. П.**, 69 лет, пенсионерка, неполное среднее образование, работница завода, живет в Екатеринбурге [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Диалогический фрагмент.

Ф. П. <...> // У *тя пенсия* какого числа?

З. С. *Седьмого* //

Ф. П. А у *меня* *ить* двадцать *второго* // Мне *еще жить да жить* //

З. С. *Не / у меня* *ить* *есть* *деньги* *дома* / я *даже* *не беспокоюсь* // Я *даже пенсию* *не буду получать* / я *проживу* //

Ф. П. А *откуда у тя деньги*? Как ты их *копишь*?

З. С. Я *умею экономить* //

Ф. П. У *тя от пенсии* *остаются*?

З. С. *Остаются* // Ты *тратишь* *много* // *Семья* // Ты *в семье* / а я *одна* // Я *с первых дней* / с *первой пенсии* *своей* // Я *ее разложила* / *разделила по полочкам* / и *всё* //

Ф. П. И *правильно делаешь* / *всегда так у нас* / *которые одни-то живут* // [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 118].

В разговоре обсуждается расходование пенсии. В реплике Ф. П. воспроизводимое сочетание *жить да жить* акцентирует значимость *пенсии* в обеспечении каждодневного существования и в проекции на событийное будущее. Ценность пенсии по старости заключается в обеспечении жизненных потребностей пожилых граждан. Устойчивое сочетание *жить на пенсию* [УСССРЯ 1983: 161] (Ср.: *жить на зарплату* [Там же]) указывает на отсутствие дополнительных доходов, а также денежных накоплений. Из разговора следует, что обе пожилых женщины живут «от пенсии до пенсии». Пенсионные выплаты поступают ежемесячно в установленное число. Именно поэтому следует быть экономным, распределять деньги от числа до числа, *копить деньги* [УСССРЯ 1983: 129], т. е. «собирать впрок, запасать» [ТСРЯ 2011: 364].

В репликах З. С. устойчивые единицы *с первых дней* [ФСРЛЯ 2008: 199], *разделить по полочкам* демонстрируют умение пенсионерки «разумно навести порядок, упорядочить траты» [ФСРЛЯ 2008: 561] *полученной пенсии*. Очевидно, что рациональная, бережливая З. С. умеет экономить деньги и даже отложить их *на черный день*, т. е. «в предвидении нужды, трудностей» [ТСРЯ 2011: 1092]: *Я даже пенсию не буду получать / я проживу*. Ф. П. одобряет бережливость подруги, используя формулу похвалы *правильно делаешь*. Самооправдание собственной расточительности она находит в семейном положении: З. С. *живет одна*, т. е. у нее нет иждивенцев; Ф. П., как следует из текста, – женщина семейная. Оппозиция *семейный – одинокий* (о человеке) определяет трату имеющихся денежных средств. В то же время в зеркале языка закреплены антонимические номинации: *транжира* – типаж человека, который, в отличие от *эконома*, не умеет беречь деньги, тратит их неразумно.

Устойчивые единицы, реализованные в тематически целостном фрагменте, дают возможность уточнить отдельные страноведческие детали, связанные с получением пенсии и материальным обеспечением пенсионеров, а также составить представление о бережливости как черте характера. В Китае, в соответствии с культурной традицией, бережливость характерна для пожилых людей, которые откладывают пенсионные средства, чтобы потратить их на

лечение, а также на покупку взрослым детям отдельного жилья.

Выделим для анализа фрагмент разговора, участниками которого являются молодые люди – двое мужчин и девушка.

В. – 20 лет, среднее специальное образование, закончил горно-металлургический колледж, работает охранником в магазине, родился в Камышлове Свердловской области;

Ст. – друг **В.**, 27 лет, среднее специальное образование, закончил медицинский колледж, работал в больнице, в настоящее время работает экспедитором, живет в Екатеринбурге;

Ал. – подруга **В.**, 20 лет, среднее специальное образование, закончила педагогический колледж, родилась в Камышлове Свердловской области [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

В. *В школе там / короче / пять преподавателей / ну как бы / все такие / общеразвитые преподаватели / короче / и вот они договорились / что каждый препод ведет по одному дню все уроки /*

Ст. (смеётся). *Ни хуя //*

В. *У девятого класса / школа / блядь / отстойная / ваще пиздец // Во дворе больше узнаешь / чем в школе-на / как правильно писать на заборах / дак там / говорит / ваще дауны полные // Там есь три девки / хули на хуй / все остальные ублюдки // Я / «Как ты справляешься?» / «Пиздеть приходится-на» / «Доучишь / потом повесят где-нить / выпуск девяносто девятого года / хули / на остановке его повесил / ну дак / и обоссали его-на //*

Ал. *Кого так?*

В. *Нашего физрука / хули //*

Ал. *Ну а за чё?*

В. *Его ваще ненавидели // Фанат военного дела / всех задрачивал / а слушать его*

не будешь / диплом ни хуя не получишь //

Ал. Я решила / вот када у нас будут деньги / я пойду в школу работать //

В. Чё те там нравится работать? Козлячья работа // [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 138].
Разговор записан в Екатеринбурге.

Молодые люди заинтересованно оценивают ситуацию, сложившуюся в сфере среднего образования.

В реплике В. устойчивое сочетание *вести уроки* [РСС 1998: 512] выявляет состояние дефицита школьных учителей: *каждый препод* (жарг. «преподаватель» [Захарова, Шуваева 2014: 92]) *ведет по одному дню все уроки*, т. е. обучение ведется непрофильными учителями.

Недостатки в образовательном процессе вызывают бурю негодования. В речи В. и Ст. активизируются нецензурные устойчивые сочетания: *ни хуя, на хуй, ни хуя не* (получишь диплом) [Мокиенко, Никитина 2007: 722, 724]. Матизмы трактуются русистами как «неприличные, непристойные, оскорбительные» [Культура русской речи 2003: 627]. Употребление бранных, грубых, вульгарных слов и устойчивых единиц [См.: Мокиенко 2003] жестко ограничено или полностью запрещено в публичном общении [См.: Химик 2004]. В анализируемом полилоге обценнизмы употребляются в функции междометий и не затрагивают чести и достоинства собеседников, в составе которых Ал. – подруга В. Она не возмущена «сквернословием» [Там же: 10], т. к. считает его справедливым, но избегает использовать матизмы в собственной речи. В реплике Ал. транслируется стратегическая установка будущего учителя: воспроизводимое сочетание *пойти в школу работать* [См.: УСССРЯ 1983: 399] позволяет понять намерение девушки стать квалифицированным преподавателем, чтобы формировать знания и умения будущих учеников.

Установка соседей на неформальные контакты отражает возникшую между ними «общность, стремление к эмоционально-теплому взаимодействию» [Шалина 2009: 334]. Лексическая сочетаемость позволяет осмыслить ценностное

восприятие личности соседа: *хороший, ближайший, симпатичный, приятный, добрый* [УСССРЯ 1983: 540].

Приведем тематически целостные фрагменты разговоров, стилистика которых обусловлена ритуалом поминовения.

Н. К. – племянница **А. С.**, 72 года, работница столовой, неполное среднее образование, живет в Екатеринбурге;

А. Н. – сосед **А. С.**, муж **В. И.**, 80 лет, неполное среднее образование, кладовщик, уроженец дер. Филимоново Свердловской области;

В. И. – соседка **А. С.**, жена **А. Н.**, 84 года, пенсионерка, среднее специальное образование, работница фабрики;

Ф. П. – соседка **А. С.**, 72 года, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге;

Н. И. – соседка **А. С.**, 81 год, пенсионерка, среднее специальное образование, бухгалтер, живет в Екатеринбурге;

З. А. – соседка **А. С.**, 68 лет, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

В. И. Ну чё / выпьем // *Пусть земля ей будет пухом! Отмучилась // Не чокаемся / не чокаемся / чокаться низя // Душа уходит // В нашем доме сорок лет прожили // Анна Семеновна (об умершей) чувствует // Она нас видит //*

Н. И. Как не чувствует // *Есть такое поверье / душа летает // Давайте по второй //*

Ф. П. Ну о душе-то надо *позаботиться* как-то // *Чтоб им там было полегче //*
(пьют, закусывают)

<...>

В. И. *Добрая была / скромная //*

Ф. П. *Рассудительная такая //*

З. А. Несмотря на свои годы / ум у неё сохранен был полностью //

В. И. Любила она стряпать // Она мастерица была // Любила поесть (поесть) //

Жили дружно // она чем-нибудь да угощала// Мы угощались попеременно то пирогами / то блинами //

А. Н. Она компанию любила // Немало песен перепето у нас с ней // Помню пировали / она стучит в стенку «Тише!» // Всей компанией туда к ней завалили и к себе увели // Молодые были //

<...>

Ф. П. Скоко она после Аркадия Ивановича-то (муж умершей) прожила?

Н. И. Почти четырнадцать лет // Он в девяносто первом // Аркадию Ивановичу будет четырнадцать лет в марте месяце / шестого числа // Очень она плакала по нему //

Ф. П. Как ни зайдешь / начинает вспоминать / плачет // Фотографии смотрели // <...>

З. А. У меня есь такая фотография / белый воротничок // Где-то ей лет наверно шийсят //

В. И. У неё / по-моему / даже волоса смолоду были такие кучерявенькие // Волнистые-волнистые //

Ф. П. Ничё не волнистые //

В. И. Нет / пышные / пышные // Вот я помню / она приехала ходила //

Н. И. Волосы у неё ваще / как будто уложили // У неё же мало было волос / седые // И они как будто уложённые

Ф. П. Не работягой работала / следила за собой //

В. И. Всегда аккуратненькая ходила // Выйдет во двор / вся нарядная // В хорошем платье / в хорошем платочке // Фартовая / куда-куда // Чистюля / дома всегда чисто у неё было / прибрано //

Ф. П. И не ходила када уже / за собой следила // Всегда старалась по-домашнему / но ходить чтобы чистенько / уютненько //

А. Н. Бывало придешь / обо всем / обо всем можно говорить / и про политику / и про всё //

Ф. П. *На любую тему // Привыкли к друг дружке //*

В. И. *Душевная была женщина // Царство небесное // <...>* [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 108–110]. Разговор записан в Екатеринбурге в 2004 году.

«В. И., А. Н., Ф. П., З. А., Н. И. приглашены Н. К., являющейся организатором поминок» [См.: Там же: 108]. На поминки собрались соседи. Они вспоминают покойную.

Поминки – «обрядовое угощение в память умершего, устраиваемое в доме покойного или на кладбище, непосредственно после погребения и в определённые сроки поминовения» [Азбука христианства 1997: 194; БТСРЯ 2000: 915]. В национальной культуре «поминальные традиции – обширнейший пласт духовности русских, выраженный в традиционных формах, включающих поминальный обед и поминальную трапезу, отличающиеся от праздничного застолья скорбным поводом. Во время поминания родственники, близкие друзья, соседи умершей (умершего) собираются за одним столом, читают молитвы, произносят прощальные речи, делятся добрыми воспоминаниями, выражают уважение к усопшему и соболезнование близким» [См: Поминальные традиции: Электр. ресурс]. Аналогичный обряд поминовения умершего закреплён в китайской культуре: устраивается поминальный обед (送葬宴) [См.: Поминальный обед: Электр. ресурс], объединяющий память живых о покойном (покойной). В процессе поминального обеда присутствующие должны отдать ближайшим родственникам умершего определённые денежные средства (挽金, 帛金) [См.: Википедия: Электр. ресурс], выразить соболезнование, поддержать их в трудный момент, помочь пережить боль утраты.

В реплике В. И. устойчивое выражение *Пусть земля (Анне Семеновне) будет пухом* [См.: ФСРЛЯ 2008: 257] выступает как сигнал темы полилогического фрагмента и одновременно формирует задушевную тональность. В соответствии с ритуализованной поминальной ситуацией устойчивый оборот регулирует поминальный речевой этикет [См.: Балакай 2001:

193].

В репликах соседок воспроизводимые глагольные сочетания *душа уходит, душа летает, позаботиться о душе* [См.: УСССРЯ 1983: 162] не только отражают дань памяти умершей, но и эксплицируют уверенность в утешении ее души.

Присутствующие на поминках соседи вспоминают о покойной А. С. – женщине, отличающейся положительными качествами, конкретизированными в репликах собравшихся устойчивыми единицами. Особо характеризуется гендерно одобряемая привлекательность внешнего вида с помощью качественных прилагательных *аккуратненькая, нарядная*. Воспроизводимые атрибутивные сочетания выделяют природную красоту волос: *волоса* (просторечный грамматический вариант формы множественного числа *волосы*) *кучерявенькие, волнистые-волнистые, пышные*. Опрятный внешний вид не только в будни, но и в праздники – отличительная черта А. С., которая всегда за собой следила [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 360].

В. И. использует лексема *мастерица* для одобрения кулинарных способностей А. С. Одновременно В. И. с благодарностью вспоминает щедрость, гостеприимство, хлебосольство усопшей: *чем-нибудь да угощала* [УСССРЯ 1983: 610] своих соседей, ставшими друзьями: *Мы угощались <...> пирогами / то блинами*. Устойчивые единицы *на свои годы* [См.: Там же: 105], *ум* (у нее) *сохранен* свидетельствуют о *рассудительной* женщине, характеризующейся наличием благоразумия и мудрости даже в преклонном возрасте.

Сосед А. Н. вспоминает об общительности покойной, которая *любила компанию*, т. е. любила «проводить время вместе» с соседями, ставшими друзьями [См.: ТСРЯ 2011: 355]. По сложившейся традиции *всей компанией немало песен перепето*. Хоровые песни за столом (нередко под баян или под гитару) – культурно-специфическая особенность домашних посиделок. Общались откровенно: *На любую тему* [См.: УСССРЯ 1983: 584] // *Привыкли к друг дружке* [См.: Там же: 431]. Собеседники чувствовали дружелюбие, сердечность, искренность, откровенность. Итоговая аксиологическая

характеристика: *Душевная была Анна Семеновна.*

Н. И. говорит о стойкой преданности усопшему мужу, который скончался *четыренадцать лет* назад: она (А. С.) сохранила благодарную память о супруге, рассказывала о нем *плакала*.

Тематически целостное полилогическое единство соответствует ритуалу: на поминках собравшиеся вспоминают об усопшей. Воспоминания соседей способствуют формированию лингвокультурного типажа простой русской женщины, обладающей внешней привлекательностью, живым разумом, умеющей сочетать работу и домашнее хозяйство, гостеприимной, дружелюбной, верной супружескому долгу. Отмечается частотность в речевых партиях собравшихся лингвоспецифического слова *душа*. Гармоническое полилогическое взаимодействие раскрывает «не только душу отдельного человека, но и душу, которая возникает и живет в общении с соседями» [Вежбицкая 2005: 496], похожими на близких родственников.

Еще один поминальный разговор, который будет проанализирован, подтверждает верность традициям, владение говорящими этикетным ритуалом и соответствующими речевыми формулами.

В. И. – соседка **М. В.**, 84 года, пенсионерка, среднее специальное образование, работница фабрики;

Ф. П. – соседка **М. В.**, 72 года, пенсионерка, среднее специальное образование, медсестра, живет в Екатеринбурге;

В. К. – соседка **М. В.**, 81 год, пенсионерка, среднее специальное образование, работница типографии, живет в Екатеринбурге [См.: Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011].

Полилогический фрагмент.

Ф. П. *У Марьи-то Васильны всё добренькое / чистенькое // Серьезная / уважительная женщина была //*

В. И. *Но-о! Она очень обиходная женщина была // Не повезло ей с сыном / взял*

с ребенком жену / и ни спасибо ни насрать //

Ф. П. *Ой / она мне сама рассказывала / плакала горькими слезами / как Серезжу-то (Сергей – сын умершей) невестка против неё настраивала // А мы же такой народ / нам надо вместе!*

В. И. *Но-о / и мне грила // Серезжина-то жена знает чё-то типа колдовства // Она ведь хотела / чтобы Марь Васильна заболела // Квартиру хотела //*

Ф. П. *Мне она сама грила / менструальной кровью та заражала её / чтобы пришла смерть //*

<...>

В. К. *Давайте помянем Марь Васильну // Душу её навечно проводить // (Читает по бумажке) <...> Если Богу не служила / в муку вечную пошлет //*

Все присутствующие. **Царство ей небесное // Упокой / Господи / её душу! Пусть земля ей будет пухом!**

В. И. *Это вот на сорок дней // Вот такой стишок //*

Ф. П. *Совсем её // Уже последний день душа ее над нами //*

<...>

В. И. *<...> Вот ить скоко пережито / и в горести и в радости // <...>*

Ф. П. *<...> Мы вот привыкли к соседям-то // <...> // Вот так и живём // Все всё друг про дружку знаем //* [Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия 2011: 111–114]. Разговор был записан в Екатеринбурге в 2005 г.

«В. И., Ф. П., В. К. жили с умершей соседкой М. В. на одной лестничной площадке» [См.: Там же: 111]. Тема беседы – воспоминания о покойной и ее страданиях.

Соседки воздают должное умершей *Марье Васильне*, употребляя в речи устойчивые сочетания, выступающие в функции аксиологем: *уважительная женщина; обиходная женщина* (просторечные единицы). Подчеркивается умение с пониманием относиться к людям, осознавать их достоинства, быть обходительной в общении, т. е. проявлять вежливость, чуткость по отношению

к другим и уважение по отношению к себе. Аксиологически значимым всеми коммуникантами признается общение с таким почитаемым человеком, как *Марь Васильна*.

Еще одно аксиологически значимое устойчивое сочетание – *серьезная женщина* [УСССРЯ 1983: 157], т. е. вдумчивая, обладающая интеллектом, строгая, взыскательная.

Соседи с сожалением соглашались с тем, что жизнь была несправедлива к умершей. Воспроизводимый оборот *Не повезло ей с сыном* (обобщающее аксиологическое суждение В. И.) [См.: Там же: 47] конкретизируется. Оборот *взял с ребенком жену* и грубо-просторечное сочетание *ни насрать* – «Испортить настроение кому-л., обидеть кого-л.» [Мокиенко, Никитина 2007: 216] свидетельствуют о неблагодарном сыне, который не пожелал прислушаться к мнению матери, сказать ей доброе слово (*ни спасибо*). В. И. выражает разделяемое всеми коммуникантами неприятие отчуждения сына от матери, его неподобающего речевого поведения. Категоричность отрицательной оценки поддерживает характерный для разговорной речи грамматически устойчивый повтор усилительной частицы *ни*: *ни спасибо ни насрать*. Сочетание, включающее грубо-просторечный глагол в переносном значении, используется как экспрессив-интенсив [См.: Химик 2004].

Несчастливая женщина страдала из-за невестки. Ф. П. вспоминает о доверительной беседе с М. В., которая *сама рассказывала* о жене сына. Устойчивый оборот *плакала горькими слезами* [УСССРЯ 1983: 514] дает возможность составить представление о глубоких переживаниях, о горьких чувствах, которые пришлось испытать умершей. В. И. рассказывает, что *Сережина-то жена хотела наложить порчу на свекровь с помощью колдовства: менструальной кровью заражала, чтобы Марь Васильна заболела, а потом пришла смерть*. Здесь упоминается колдовской ритуал, осуждаемый всеми собеседницами. Вспоминая о страданиях *Марь Васильны*, В. И. использует эмоционально-экспрессивный воспроизводимый оборот в просторечном фонетическом оформлении: *Вот ить скоко пережито*. С уверенностью можно

сказать, что соседки на протяжении ряда лет делились между собой горестями и радостями (предложно-падежные сочетания *в горести* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 272], *в радости* [См.: УСССРЯ 1983: 464]), проявляли сочувствие друг к другу. Смерть соседки, переживаемая всеми присутствующими, вызывает коллективное горе, обуславливает вербализацию эмоций. Просторечные слова и устойчивые единицы не нарушают общей задушевной тональности и высокой эмоциональной отмеченности текста-разговора.

В полилоге актуализируются коммуникативные ценности: отзывчивое, внимательное, доброжелательное отношение к собеседникам, готовность выслушать друг друга, возможность выговориться, излить душу. Сочувствие, сопереживание – константы русской лингвокультуры. «Дружеские отношения между соседями моделируются в соответствии с ценностными коммуникативными установками, формирующими основу соседской общности» [См.: Шалина 2009: 338; 347].

В соответствии со сложившимися традициями, поминание усопшей сопровождается ритуальными устойчивыми единицами: *Царство <...> небесное* [ФСРЛЯ 2008: 733]; *Пусть земля ей будет пухом!* [См.: ФСРЛЯ 2008: 257]; *Упокой / Господи / её душу!* [Балакай 2001: 542]. В китайской траурной речи содержатся ритуальные устойчивые сочетания и выражения: *逝者安息* – «希望逝者在天堂能够安宁、平静» (Пусть усопшие покоятся на небесах) [辞源 Цюань: Этимологический словарь 1979: 416]; *驾鹤西去* – «骑着鹤飞往天堂» (Усопшие улетают в небо на белых журавлях) [Там же: 203]; *香消玉损* – «年轻美貌的女子死亡» (Смерть прекрасной молодой женщины) [Там же: 491]; *相隔两世* – «死者离开人世» (Усопшие покидают этот мир) [Там же: 490]; *与世长辞* – «同人世永远告别» (Усопшие прощаются с миром навсегда) [常用成语词典 Словарь общеупотребительных фразеологизмов 2004: 1110]; *寿终正寝* – «老年人在家里自然死亡» (Пожилые люди умирают дома) [Там же: 824] и др.

Завершая анализ тематически целостного полилогического фрагмента, отметим особую активность аксиологически значимых устойчивых единиц.

Последнее, в частности, объясняется силой традиции: *О покойнике худо не молви* [Пословицы русского народа 1989. Т. 1: 254]. Ср. китайскую поговорку: *人死不计冤, 死者为大* – О покойнике, который заслуживает уважения, говорят хорошо.

Христианская православная лингвокультура выработала свои устойчивые единицы, которые, в частности, реализуются на поминках [См.: Азбука христианства 1997: 155]. Отмеченные в ходе анализа воспроизводимые сочетания и обороты маркированы религиозным функциональным стилем. В составе текста-разговора они используются для вербализации категорий темы, тональности, хронотопа, а также для создания лингвокультурного типажа *хорошей, душевной* женщины. Важно, что включенные в поминальный ритуал речевые практики не подвластны времени.

Выводы

Тематически целостные диалогические и полилогические фрагменты содержат важную для носителя русского языка как иностранного страноведческую составляющую, отражающую специфику русской национальной культуры и речевой коммуникации.

Общая примета проанализированных разговоров родственников, друзей, соседей – реализация в речевых партиях собеседников воспроизводимых в готовом виде сочетаний и оборотов.

Отдельные устойчивые единицы в составе диалогов и полилогов характеризуются социальной маркированностью: наряду с общелитературными употребляются просторечные, жаргонные, профессионально-маркированные устойчивые сочетания и обороты.

В речевых партиях горожан-уральцев активно используются формирующие обратную связь устойчивые единицы, отмеченные шутливо-иронической окраской, а также интенсивы-экспрессивы. Грубые, бранные устойчивые сочетания в отдельных случаях нарушают гармоническое коммуникативное взаимодействие, способствуют возникновению речевого

конфликта.

В непринужденном межличностном общении горожан-уральцев особое место занимают устойчивые сочетания-аксиологемы и аксиологически маркированные устойчивые единицы, отражающие ценностные предпочтения и отталкивания носителей национальной культуры. На базе отмеченных единиц конструируются одобряемые лингвокультурные типажи.

В процессе анализа выявлены, в частности, аксиологемы «нормальный мужик», «идеальный муж», «душевная женщина», «хорошая женщина», «хозяйственная женщина», «экономная женщина», «душевная соседка», которые трактуют человека в этико-эстетических категориях.

Проведенное с опорой на словари русского языка и контекст ситуации исследование позволило установить полифункциональность устойчивых единиц в составе тематически целостных диалогических и полилогических фрагментов: они используются для формирования текстовых категорий темы, тональности, хронопа, для обеспечения обратной связи между партнерами общения, для вербализации ценностных предпочтений и отталкиваний горожан-уральцев. Особо выделяется персуазивная нагрузка устойчивых единиц в конфликтных диалогах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе проанализированы зафиксированные словарями русского языка и реализованные в живой разговорной речи горожан-уральцев устойчивые единицы, которые выделяются с опорой на универсальные критерии воспроизводимости, частотности, заданности состава компонентов. В процессе исследования текстов-разговоров отмечены также ставшие воспроизводимыми, но не нашедшие отражения в словарях отдельные узуальные сочетания, в том числе урализмы. Особое внимание уделено типичным для разговорной речи трансформациям устойчивых единиц, а также описанию смысловых приращений и стилистической маркированности в речевых партиях говорящих.

Использование широкого подхода к выделению устойчивых единиц позволило привлечь к анализу не только фразеологические сращения, единства, фразеологически связанные сочетания, но и фразеологические обороты, коллокации, клишированные формульные сочетания и обороты. Отмеченные разновидности устойчивых единиц воспроизводятся говорящими в живой разговорной речи автоматически.

В тематически целостных фрагментах диалогов и полилогов ярко проявляются содержательные особенности живой разговорной речи горожан-уральцев, их ценностные предпочтения, отталкивания и шире – ментальное своеобразие русской речевой коммуникации. Суммируя результаты исследования, отметим важность дифференциации устойчивых единиц-аксиологем и контраксиологем, перспективная типология которых должна быть осуществлена в границах гедонистической, социально-утилитарной, материально-утилитарной, интеллектуальной, морально-этической оппозиций, сложившихся в соответствующих аксиосферах [См.: Столович 1997].

В ходе анализа нами установлена полифункциональность устойчивых единиц в составе текстов-разговоров: они выступают как средства формирования категорий предметной темы, тональности, хронотопа, служат для реализации

интенциональных коммуникативных установок участников общения, в том числе установки на положительный коммуникативный результат; установки на свободное выражение личностных аксиологических оценок; установки на другоцентричность.

Перспектива дальнейшей разработки темы связана с контрастивным лингвоаксиологическим анализом русской и китайской фразеологии, исследованием особенностей реализации устойчивых единиц в межличностном речевом общении носителей двух национальных языков и культур, а также с разработкой проекта аксиологического словаря русского языка.

Список использованных словарей русского и китайского языков

1. Абрамов П. Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / П. Н. Абрамов. – Москва : Русские словари, 1999. – 505 с.
2. Азбука христианства. Словарь-справочник / сост. А. Удовенко. – Москва : Наука, 1997. – 288 с.
3. Акишина А. А. Жесты и мимики в русской речи : лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина. – Москва : Рус. яз., 1991. – 144 с.
4. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова ; под ред. Л. А. Чешко. – Москва : Сов. энциклопедия, 1969. – 600 с.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : КомКнига, 2007. – 576 с.
6. Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. – 372 с.
7. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – Москва : АСТ-Пресс, 2001. – 672 с.
8. Бизнес-сленг для «новых русских» : словарь-справочник / сост. В. Т. Пономарёв. – Донецк : Сталкер, 1996. – 368 с.
9. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
10. БЭС – Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Ленинградская галерея, 1993. – 1630 с.
11. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – Москва : Эксмо, 2006. – 672 с.
12. Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва : Языки русской культуры, 2001. –

254 с.

13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 : А–З / В. И. Даль. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – 723 с.

14. Елистратов В. С. Словарь русского арго : материалы 1980–1990 гг. / В. С. Елистратов. – Москва : Русские словари, 2000. – 694 с.

15. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались : толковый словарь русского общего жаргона : ок. 450 слов / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. – Москва : Азбуковник, 1999. – 320 с.

16. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

17. Захарова Л. А. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) / Л. А. Захарова, А. В. Шуваева. – Томск : Томский государственный университет, 2014. – 126 с.

18. История и философия науки: основные имена и понятия / науч. ред. В. И. Полищук. – Москва : Prondo.ru, 2013. – 350 с.

19. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка : ок. 16 000 слов / Д. И. Квеселевич. – Москва : Астрель : АСТ, 2005. – 1021 с.

20. Колесов В. В. Словарь русской ментальности : в 2-х т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014.

Т. 1: А–О. – 591 с.

Т. 2: П–Я. – 592 с.

21. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

22. МАС – Малый академический словарь : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Рус. яз.

Т. 1: А–Й. – 1985. – 696 с.

Т. 2: К–О. – 1986. – 736 с.

Т. 4: С–Я. – 1988. – 800 с.

23. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

24. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта, 2014. – 415 с.

25. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь : свыше 500 наиболее частотных фразеологизмов, более 6000 их индивидуально-авторских модификаций / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, 1997. – 864 с.

26. Мещеряков В. А. Словарь компьютерного жаргона : около 1000 слов и словосочетаний / В. А. Мещеряков ; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 113 с.

27. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – Санкт-Петербург : АО «Брокгауз – Ефрон», 1912. – 1046 с.

28. Мокиенко В. М. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Норинт, 2003. – 446 с.

29. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

30. Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга : слова, непонятные взрослым. Ок. 2000 слов / Т. Г. Никитина. – Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 736 с.

31. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под редакцией Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. – Москва : Советская энциклопедия, 1971. – 543 с.

32. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой. – Москва : Рус. яз., 1984. – 808 с.

33. НЭС – Новый энциклопедический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2001. – 1456 с.
34. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения русского языка : пособие для учащихся / В. М. Огольцев. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1992. – 176 с.
35. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 938 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kulichki.com/moshkow/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 24.02.2024).
36. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен : ок. 2600 имен / Н. А. Петровский. – Москва : Сов. энциклопедия, 1966. – 384 с.
37. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 22: Ночушка – огошечек / сост. В. К. Андреев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-та, 2010. – 537 с.
38. Пословицы русского народа : в 2-х т. / В. И. Даля. – Москва : Художественная литература, 1989.
- Т. 1. – 431 с.
- Т. 2. – 447 с.
39. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 1998. – 710 с.
40. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – Москва : Изд-во Акад, 1961. – 230 с.
41. СИССРЯ – Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
42. Скляревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Скляревская. – Москва : Эксмо, 2004. – 448 с.
43. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : словарь: в 5-х т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Москва : Междунар. отношения, 1999. – 702 с.

44. СМЖ – Словарь молодежного жаргона. Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Логос, 1992. – 112 с.
45. СРЯ – Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Рус. яз., 1981. – 698 с.
46. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2004. – 992 с.
47. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. Т. 1 / А. Н. Тихонов. – Москва : Рус. яз., 1985. – 856 с.
48. ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / под ред. Л. П. Крысина. – Москва : Языки славянских культур, 2014. – 776 с.
Вып. 3: П–Р. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2020. – 821 с.
Вып. 4: С–Т. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021. – 680 с.
Вып. 5: У–Я. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 744 с.
49. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. Т. 1: А–Кюрины / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Советская энциклопедия, 1935. – 1565 с.
50. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
51. ТСРЯ XX века – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. – Санкт-Петербург : Изд-во Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
52. ТСУ – Толковый словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1938. – 1040 с.
53. УСССРЯ – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – Москва : Рус. яз., 1983. – 688 с.
54. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А. И. Федорова. – Москва : Астрель, 2008. – 878 с.
55. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.

56. ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта : Наука, 2004.

Т. 1. – 832 с.

Т. 2. – 832 с.

57. ФССРЯ – Фразеологический словарь современного русского языка / сост. Ю. А. Ларионова. – Москва : Аделант, 2014. – 512 с.

58. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

59. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 762 с.

60. Щуплов А. Н. Жаргон – энциклопедия современной тусовки / А. Н. Щуплов. – Москва : Колокол-Пресс, 1998. – 542 с.

61. ЭССЛТИП – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Москва : Флинта, 2014. – Т. 1. – 840 с.

62. ЭЭФН – Энциклопедия эпистемологии и философии науки / гл. ред. И. Т. Касавин. – Москва : Канон+, 2009. – 1248 с.

63. Юганов И. Ф. Словарь русского сленга. Сленговые слова и выражения 60–90-х годов / под ред. А. Н. Баранова. – Москва : Метатекст, 1997. – 301 с.

64. ЮЭС – Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. – Москва : ИНФРА-М, 2004. – 450 с.

65. 常用成语词典 / 杨忠主编. – 北京 : 人民日报出版社, 2004年. – 1230页. (Словарь общеупотребительных фразеологизмов / гл. ред. Ян Чжунчжу. – Пекин : Жэньминь жибао, 2004. – 1230 с.)

66. 辞源 / 商务印书馆编辑部. – 北京 : 商务印书馆, 1979年. – 3590页. (Цыюань : Этимологический словарь / под ред. Коммерческой прессы. – Пекин : Коммерческая пресса, 1979. – 3590 с.)

67. 俄汉成语词典 / 黑龙江大学. – 哈尔滨 : 黑龙江大学, 1959年. – 611页.

(Русско-китайский фразеологический словарь / Хэйлунцзянский университет. – Харбин : Хэйлунцзянский университет, 1959. – 611 с.)

68. 俄汉成语词典 / «俄汉成语词典» 编写组. – 武汉 : 湖北人民出版社, 1984 年. – 722 页. (Русско-китайский фразеологический словарь / коллектив редакции «Русско-китайского фразеологического словаря». – Ухань : Хубэйское народное издательство, 1984. – 722 с.)

69. 现代汉语成语词典 / 吴光奇主编. – 上海 : 上海辞书出版社, 2009 年. – 350 页. (Фразеологический словарь современного китайского языка / гл. ред. У Гуанци. – Шанхай : Шанхайское лексикографическое издательство, 2009. – 350 с.)

70. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – 北京 : 商务印书馆, 2012 年. – 1790 页. (Словарь современного китайского языка / под ред. Отдела редактирования словаря Научно-исследовательского института языкознания Китайской академии социальных наук. – Пекин : Коммерческая пресса, 2012. – 1790 с.)

Список литературы

1. Агутин. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Агутин,_Леонид,_Николаевич (дата обращения: 15.04.2024).
2. Адельфан. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Резерпин> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Агрессия в языке и речи : сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – Москва : РГГУ, 2004. – 281 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Элпис, 2008. – 271 с.
6. Андреева Г. М. Общение и межличностные отношения / Г. М. Андреева // Социальная психология. – Москва : Асток-Пресс, 1998. – С. 89–99.
7. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию / С. Ф. Анисимов. – Москва : Современные тетради, 2001. – 128 с.
8. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика : избр. труды. В 2-х т. Т. 1 / Ю. Д. Апресян. – Москва : Восточная литература, 1995. – 472 с.
9. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения / И. В. Арнольд // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы межвузовской конф. / отв. ред. В. А. Ильиш. – Ленинград : Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1970. – С. 87–90.
10. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1988. – 339 с.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
12. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке:

Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 316 с.

13. Архангельский В. Л. Семантика фраземного знака / В. Л. Архангельский // Проблемы русской фразеологии : респ. сб. / отв. ред. В. Л. Архангельский. – Тула : Тульск. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1978. – С. 9–18.

14. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 295 с.

15. Байрамова Л. К. Предисловие / Л. К. Байрамова // Аксиологический фразеологический словарь. Словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. – С. 3–12.

16. Байрамова Л. К. Предисловие / Л. К. Байрамова // Аксиологический словарь фразеологизмов-библейзмов на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках. Словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова, В. А. Бойчук. – Казань : Центр инновационных технологий, 2012. – С. 3–12.

17. Бакланова И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста / И. И. Бакланова. – Москва : Гос. ин-т русского яз. им. А. С. Пушкина, 2014. – 272 с.

18. Баранов А. Г. Когнитивность текста: к проблеме уровней абстракции речевой деятельности / А. Г. Баранов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 4–12.

19. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

20. Барышков В. П. Аксиология : учеб. пособие / В. П. Барышков. – Саратов : Наука, 2009. – 65 с.

21. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.

22. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. – Киев : FIRM «NEXT», 1994. – С.

11–68.

23. Беликов В. И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.

24. Белоусова Л. Д. Фразеологические единицы и слово / Л. Д. Белоусова // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 6 (36). – С. 148–149.

25. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Сварог и К, 1997. – С. 245–412.

26. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.

27. Березовский. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Березовский> (дата обращения: 15.01.2024).

28. Биркенбиль В. Ф. Язык интонации, мимики, жестов / В. Ф. Биркенбиль. – Санкт-Петербург : Питер-пресс, 1997. – 72 с.

29. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматический и семантический аспекты : учеб. пособие / В. В. Богданов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 87 с.

30. Борзенков В. Г. Антропоцентризм / В. Г. Борзенков // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – С. 39–40.

31. Борисова Е. Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать? / Е. Г. Борисова. – Москва : Филология, 1995а. – 49 с.

32. Борисова Е. Г. Слово в тексте. Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарём ключевых слов / Е. Г. Борисова. – Москва : Филология, 1995б. – 148 с.

33. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

34. Борохов А. Д. Агрессия как возможный пусковой механизм саморазрушающего поведения у подростков / А. Д. Борохов, Б. Б. Ершов, А. П. Файн // Саморазрушающее поведение у подростков: сб. науч. тр. – Л.: НИИ психоневрологии им. В. М. Бехтерева, 1991. – С. 102–106.

35. Буйнов. Википедия [Электронный ресурс]. – URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Буйнов,_Александр_Николаевич (дата обращения: 15.04.2024).

36. Бырдина Г. В. Динамическая структура русской диалогической речи : учеб. пособие / Г. В. Бырдина. – Тверь : ТГУ, 1992. – 84 с.

37. Бэррон Р. Агрессия / Р. Бэррон, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 352 с.

38. Василенко В. А. Ценность и оценка : автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. А. Василенко. – Киев, 1964. – 21 с.

39. Вахитов С. В. Лекция о русском сленге / С. В. Вахитов. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. – 47 с.

40. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицкая // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 466–500.

41. Вепрева И. Т. Инновационные методы исследования аксиологического содержания речевого быта семьи / И. Т. Вепрева // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 107–113.

42. Вепрева И. Т., Пикулева Ю. Б. Семейная аксиосфера : к проблеме инвентаризации базовых ценностей (на материале записей живой разговорной речи) / И. Т. Вепрева, Ю. Б. Пикулева // Litera. – 2020. – № 12. – С. 118–130.

43. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Рус. яз., 1980. – 320 с.

44. Верещагин Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и Лингвострановедение / под ред. Е. М. Верещагина. – Москва : Рус. яз., 1982. – С. 89–98.

45. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. – С. 84.

46. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.

– Москва : Индрик, 2005. – 1038 с.

47. Вешнинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю. Г. Вешнинский // Мир психологии. – 2005. – № 4. – С. 226–235.

48. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва : Изд-во АН СССР, ОЛЯ, 1963. – 256 с.

49. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : избр. труды / В. В. Виноградов ; отв. ред. В. Г. Костомаров ; АН СССР, Отд-ние литературы и яз. – Москва : Наука, 1977а. – С. 118–139.

50. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Там же. – Москва : Наука, 1977б. – С. 141–161.

51. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Москва : Высш. шк., 1986. – 592 с.

52. Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры : материалы междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93–97.

53. Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) / Т. Г. Винокур // Развитие функциональных стилей современного русского языка : сб. ст. / Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1968. – С. 3–11.

54. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи / Т. Г. Винокур // Там же. – С. 12–101.

55. Винокур Т. Г. Устная речь и стилистические свойства высказывания (к постановке вопроса) / Т. Г. Винокур // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1988. – С. 44–84.

56. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1993а. – С. 5–29.
57. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Москва : Наука, 1993б. – 171 с.
58. Винокур Т. Г. Диалог / Т. Г. Винокур // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – С. 119–120.
59. Влавацкая М. В. Синтагматика vs. комбинаторика: основы комбинаторной лингвистики / М. В. Влавацкая // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 35–45.
60. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
61. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии : в 2-х т. Т. 1 / С. Г. Воркачев ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 10–12.
62. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва : Гнозис, 2007. – 284 с.
63. Выготский Л. С. Мышление и речь / под ред. В. Колбановского. – Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 323 с.
64. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения / Д. П. Гавра. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 288 с.
65. Гайденко П. П. Аксиология // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – С. 17–19.
66. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с.

67. Гальперин П. Я. Новые возможности обучения, в частности иностранным языкам / П. Я. Гальперин // Вопросы методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах университетов / МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : Изд-во МГУ, 1971. – С. 69–82.

68. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

69. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1973. – 103 с.

70. Генетика : учебно-методическое пособие / Д. С. Долина. – Горки : БГСХА, 2022. – 212 с.

71. Германова Н. Н. Коммуникативная стратегия комплимента и проблемы типологии речевых этикетов / Н. Н. Германова // Язык и модель мира : сб. науч. трудов. – Москва : МГЛУ, 1993. – Вып. 416. – С. 27–39.

72. Говердовский В. И. О предпосылках создания коннотационного словаря / В. И. Говердовский // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычной лексикографии. – Кишинев : Штиинца, 1982. – С. 211–214.

73. Гольдин В. Е. Речевая культура / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – С. 413–415.

74. Гольдин В. Е. Толерантность как принцип культуры речи / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. – Екатеринбург, 2003. – С. 525–537.

75. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний : сб. науч. тр. / под ред. А. С. Нариньяни. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1985. – С. 64–79.

76. Горшкова М. Л. К определению понятия стилистической тональности художественного текста / М. Л. Горшкова // Текст и его категориальные признаки : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Мороховский. – Киев : КГПИИЯ, 1989. – С. 51–55.

77. Грачев М. А. Введение / М. А. Грачев // Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – Москва : Эксмо, 2006. – С. 5–21.
78. Григорьева-Голубева В. А. Homo communicans: Языковая личность как объект изучения / В. А. Григорьева-Голубева // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – №4. – С. 115–125.
79. Грищенко М. А. Коллективистские и индивидуалистические ценности: Объективные факторы формирования жизненных стратегий россиян / М. А. Грищенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 3. – С. 241–246.
80. Гулыга Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Наука, 1976. – С. 291–314.
81. Гумбольдт В. фон. Внутренняя форма языка / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз., под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 100–106.
82. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. М. И. Левиной, О. А. Гулыга и др. – Москва : Прогресс, 1985. – 450 с.
83. Данилов С. Ю. Константа откровенность в русской коммуникативной практике: речевые аспекты / С. Ю. Данилов // Русское повседневное общение: прагматика, культурология : монография. / Борисова И. Н. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. – С. 317–396.
84. Данченко А. А. Диалоговое интервью как речевой жанр: коммуникативные тактики ведущих информационных новостных выпусков / А. А. Данченко // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – № 10. – С. 55–70.
85. Дементьев В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 1998. – 107 с.

86. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры : категория личности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – Москва : Глобал Ком, 2013. – 336 с.

87. Дементьев В. В. Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи / В. В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. – 396 с.

88. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 171 с.

89. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.

90. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов: Проблема ценности и марксистская философия / О. Г. Дробницкий. – Москва : Политиздат, 1967. – 350 с.

91. Дюльдина Ж. Н. Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства / Ж. Н. Дюльдина // Власть. – 2013. – № 11. – С. 97–100.

92. Еремин А. Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия / А. Н. Еремин. – Калуга : КПКУ им. К. Э. Циолковского, 2001. – 445 с.

93. Ермакова О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1993. – С. 30–64.

94. Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан / Т. И. Ерофеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 135 с.

95. Жапуев З. А. Российская молодежь в условиях социокультурного раскола: Проблема формирования иерархии ценностей / З. А. Жапуев. – Ростов-на-Дону : Наука-Пресс, 2008. – 24 с.

96. Живая речь уральского города : тексты / науч. ред. Т. В. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 206 с.
97. Живая речь уральского города. Устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 355 с.
98. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1978. – 158 с.
99. Жуков В. П. Русская фразеология : учеб. пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – Москва : Высш. шк., 2006. – 408 с.
100. Захаров В. П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог-2010». – Москва : РГГУ, 2010. – Вып. 9 (16). – С. 137–143.
101. Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учебник / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 234 с.
102. Захарова Н. Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений В. М. Шукшина) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Захарова. – Тула, 2001. – 201 с.
103. Зелёные. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зелёные> (дата обращения: 20.04.2024).
104. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Проспект / Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1968. – 99 с.
105. Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1988. – С. 234–240.
106. Земская Е. А. Наблюдения над просторечной морфологией / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1984. – С. 66–

102.

107. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.

108. Зимини В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма / В. И. Зимини // Современная фразеология: Тенденции и инновации / отв. ред. А. П. Василенко. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск : Новый проект, 2016. – С. 32–51.

109. Зими́на Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Зими́на. – Воронеж, 2007. – 23 с.

110. Ивин А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин ; отв. ред. Э. Г. Храстецкий. – Москва : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.

111. Ивин А. А. Ценность // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004а. – С. 968.

112. Ивин А. А. Оценка // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004б. – С. 623.

113. Ивин А. А. Аксиология / А. А. Ивин. – Москва : Высш. шк., 2006. – 390 с.

114. Ивин А. А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1 (4). – С. 66–78.

115. Изард К. Е. Эмоция человека / К. Е. Изард. – Москва : МГУ, 1980. – 552 с.

116. Ильенко С. Г. Лингвистические аспекты пушкиноведения: избранные статьи / С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. И. А. Герцена, 2008. – 227 с.

117. Ильин В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

118. Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская,

- И. А. Мельчук. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
119. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : URSS ЛКИ, 2008. – 284 с.
120. Иссерс О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.
121. Ицкович Т. В. Разноязычие и многоречие в современной религиозной коммуникации / Т. В. Ицкович // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 102–113.
122. Каган М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1999. – 205 с.
123. Капанадзе Л. А. Современное городское просторечие и литературный язык / Л. А. Капанадзе // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1984а. – С. 5–12.
124. Капанадзе Л. А. Современная просторечная лексика (московское просторечие) / Л. А. Капанадзе // Там же. – Москва : Наука, 1984б. – С. 125–129.
125. Карасик В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004а. – 390 с.
126. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс / В. И. Карасик // Германистика России: Традиции и перспективы: Мат-лы науч.-метод. семинара. – Новосибирск : НГУ, 2004б. – С. 28–32.
127. Карасик В. И. Коммуникативная тональность / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10 – С. 99–109.
128. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
129. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности : доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» / Ю. Н. Караулов. – Москва : [Б. и.], 1991. – 66 с.
130. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие /

В. Б. Кашкин. – Москва : Флинта, 2013. – 224 с.

131. Квашис В. Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы / В. Е. Квашис. – Москва : Юрайт, 1989. – 799 с.

132. Кириллова Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий / Н. Н. Кириллова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2012. – № 1. – С. 26–33.

133. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Языки славянской культуры, 2010. – 469 с.

134. Книга поздравлений : в стихах и прозе / сост. Т. А. Новоселова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 288 с.

135. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – Москва : ЛЕНАНД, 2016а. – 456 с.

136. Ковшова М. Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры / М. Л. Ковшова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. – Москва : Культурная революция, 2016б. – С. 468–498.

137. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учеб. для студентов высших учебных заведений / М. Н. Кожина. – Москва : Наука, 1983. – 223 с.

138. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология исследований в лингвистике : учебное пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. – 818 с.

139. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высш. шк., 1990. – 253 с.

140. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 192 с.

141. Контрастивная лексикология и лексикография / под ред.

И. А. Стернина, Т. А. Чубура. – Воронеж : Истоки, 2006. – 341 с.

142. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1860. – 214 с.

143. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

144. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В. В. Красных // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 60–66.

145. Кретов А. А. Русские аксиологемы МАСа-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 140–154.

146. Кругликова Л. Е. Структура лексического и фразеологического значения / Л. Е. Кругликова. – Москва : МГПИ, 1988. – 83 с.

147. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 384–409.

148. Крысин Л. П. Просторечие / Л. П. Крысин // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – Москва : Язык русской культуры, 2003. – С. 53–68.

149. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л. П. Крысин. – Москва : Академия, 2007. – 240 с.

150. Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 110–118.

151. Крюкова Н. А. Распространение компонентного состава фразеологических единиц русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Крюкова. – Иваново, 2007. – 172 с.

152. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
153. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высш. шк., 1989. – 216 с.
154. Кунин А. В. Английская фразеология / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1970. – 344 с.
155. Кунсткамера. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кунсткамера> (дата обращения: 20.04.2024).
156. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. – 160 с.
157. Купина Н. А. Разговорное диалогическое единство как текст / Н. А. Купина // Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Купина. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 38–46.
158. Купина Н. А. Три ступени речевой агрессии / Н. А. Купина, Л. В. Енина // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В. М. Амиров [и др.]. – Екатеринбург : УрГУ, 1997. – С. 26–38.
159. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва : Юрайт, 2013. – 415 с.
160. Купина Н. А. Любительская датская поэзия: групповой аксиологический лексикон и креативные речевые практики / Н. А. Купина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 31–42.
161. Купина Н. А. Руководящие ценности россиян в эпоху пандемии коронавируса / Н. А. Купина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 74–83.
162. Лазуткина Е. М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной,

Е. Н. Ширяева. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 1998. – С. 58–96.

163. Лапаева Т. А. Устойчивые сочетания в системе языковых единиц / Т. А. Лапаева // Вестник новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2007. – № 44 – С. 75–77.

164. Лаптева О. А. Устно-разговорная разновидность современного русского языка и другие его компоненты / О. А. Лаптева // Вопросы стилистики. – 1974. – Вып. 7. – С. 75–91.

165. Лаптева О. А. Разговорная речь / О. А. Лаптева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – С. 407–408.

166. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание : избр. работы / Б. А. Ларин ; сост. Б. Л. Богородский, Н. А. Мещерский. – Москва : Просвещение, 1977а. – С. 125–149.

167. Ларин Б. А. О народной фразеологии / Б. А. Ларин // Там же. – Москва : Просвещение, 1977б. – С. 149–162.

168. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // Там же – Москва : Просвещение, 1977в. – С. 175–189.

169. Ларин Б. А. К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – Москва : Просвещение, 1977г. – С. 189–190.

170. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т. В. Ларина. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 317 с.

171. Ларина Т. В. Коммуникативные ценности как регуляторы поведения членов лингвокультурного сообщества / Т. В. Ларина // Жизнь языка в культуре и социуме-2 : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – Москва ; Калуга : Эйдос, 2011. – С. 150.

172. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 26–36.

173. Левонтина И. Б. Дом 2 / И. Б. Левонтина // Новый объяснительный

словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / под ред. Ю. Д. Апресяна. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 84–87.

174. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл ; Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 287 с.

175. Леонтьев Д. А. Ценностные ориентации / Д. А. Леонтьев // Человек. Философско-энциклопедический словарь / сост. В. Д. Жирнов. – Москва : Наука, 2000. – С. 409.

176. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова ; под ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Москва : Тезаурус, 2011. – 352 с.

177. Логинова И. Ю. Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест / И. Ю. Логинова // Интерпретация, понимание, перевод : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2005. – С. 240–248.

178. Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида / Б. Ф. Ломов // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – Москва : Наука, 1976. – С. 64–93.

179. Лосский Н. О. Ценность и Бытие / Н. О. Лосский. – Париж : YVCA PRESS, 1931. – 135 с.

180. Лотарева Р. М. Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX в. / Р. М. Лотарева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. – 213 с.

181. Лощакова Н. П. Понятие «коллокация» в истории традиционной и корпусной лингвистики / Н. П. Лощакова // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3 (79). – С. 34–37.

182. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова ; отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.

183. Лукьянова Н. А. Традиции и новации в изучении русской лексики разговорного дискурса / Н. А. Лукьянова // Русистика : сб. науч. тр. / отв. ред. Л. А. Кудрявцева. – Киев : Киев. ун-т, 2012. – Вып. 12. – С. 19–26.

184. Марьянчик В. А. Аксиологическая функция неологизмов медиа политического дискурса (на материале газетных публикаций начала XXI века) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Марьянчик. – Архангельск, 2005. – 18 с.

185. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста / В. А. Марьянчик. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2013. – 272 с.

186. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке : учеб. пособие по спецкурсу / Т. В. Матвеева. – Свердловск : УрГУ, 1986. – 91 с.

187. Матвеева Т. В. Об одной лингвокультурологической проблеме в сфере непринуждённого общения / Т. В. Матвеева // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : тез. докл. Ч. IV. Русская литература и Восток. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – С. 173–176.

188. Матвеева Т. В. Тональность разговорного текста: три способа описания / Т. В. Матвеева // Stylistica. – Opole, 1996. – Vol. 5. – С. 210–221.

189. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова / Т. В. Матвеева. – Лондон : Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.

190. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : учеб. пособие по спецкурсу / А. М. Мелерович. – Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. – 79 с.

191. Мелерович А. М. Современная русская фразеология: семантика – структура – текст / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 455 с.

192. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.

193. Мельчук И. А. Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с помощью семантических параметров) / И. А. Мельчук // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических

единиц : материалы межвуз. симпозиума. – Тула, 1968. – С. 51–65.

194. Менон Р. Н. Устойчивые единицы русского сленга / Р. Н. Менон // Мир русского слова. – 2007. – № 1–2. – С. 45–48.

195. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165–185.

196. Михайлова О. А. Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.

197. Михайлова О. А. Гармонизация речевого конфликта в семейном общении / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, И. В. Шалина. – Екатеринбург : Ажур, 2020. – 96 с.

198. Мирошников Ю. И. Аксиология: концепция эмотивизма / Ю. И. Мирошников. – Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2007. – 164 с.

199. Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев // Научные доклады высшей школы. – 1963. – № 3. – С. 120–132.

200. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. М. Мокиенко. – Москва : Высш. школа, 1980. – 207 с.

201. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, Авалонъ, 2005. – 256 с.

202. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : Наука: Ленингр. отд-ние, 1997. – 283 с.

203. Моногород. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Моногород> (дата обращения: 20.04.2024).

204. Никитина Е. С. Текст в диалогах / Е. С. Никитина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 140–151.

205. Николаев. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Николаев,_Игорь_Юрьевич (дата обращения: 15.04.2024).

206. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учеб. пособие / Л. А. Новиков. – Москва : Высш. шк., 1982. – 272 с.

207. Носов. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Носов,_Сергей_Константинович (дата обращения: 15.04.2024).

208. Образование в Китае. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.b60e42e9-6711defc-3e46cf3c74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Compulsory_education_in_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения: 15.04.2024).

209. Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов / Т. Ю. Павельева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 21, № 3–4 (155–156). – С. 56–61.

210. Палийчук Д. А. Проблема определения понятия коллокация в современной лингвистике / Д. А. Палийчук // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 1. – С. 20–25.

211. Панова Ю. С. Коммуникативные типы диалогов и их языковые признаки / Ю. С. Панова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 238–242.

212. Парфюмер. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Парфюмер._История_одного_убийцы_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Парфюмер._История_одного_убийцы_(фильм)) (дата обращения: 20.04.2024).

213. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – Москва : Наука, 1984. – 222 с.

214. Пещеров Г. И. Институт семьи: эволюция и проблемы в современном мире / Г. И. Пещеров, А. И. Пирогов // Власть. – 2013. – № 10. – С. 106–109.

215. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований / М. В. Пименова // Антология концептов : в 2-х т. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 15–19.

216. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в

научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 7–20.

217. Подольская О. М. Живая речь уральского города / О. М. Подольская // Русская речь. – 1996. – № 2. – С. 124–126.

218. Поиск коллокаций. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/page/tool-collocations/?ysclid=m2dal0n97664443291> (дата обращения: 28.04.2024).

219. Поминальные традиции. Академик [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/11016/поминальные (дата обращения: 20.04.2024).

220. Помыкалова Т. Е. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска (к проблеме языка города) / Т. Е. Помыкалова, Т. Я. Шишкина, Л. А. Шкатова // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1984. – С. 162–173.

221. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

222. Попова Е. С. Рекламный текст и проблемы манипуляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

223. Потанина О. Ю. К вопросу об употреблении просторечных фразеологизмов в сказках Л. С. Петрушевской / О. Ю. Потанина // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 6 (62). – С. 219–221.

224. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – Москва : Правда, 1989. – С. 3–203.

225. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Педагогика-Пресс, 1996. – 215 с.

226. Пугач В. Н. Аксиологичность как константная характеристика фразеологии: к проблеме коммуникативного режима речи / В. Н. Пугач, М. Н. Заметалина // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 49–52.

227. Радюк А. В. Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса / А. В. Радюк // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 236–240.
228. Речевая агрессия в современной культуре : сб. науч. тр. / под ред. М. В. Загидуллиной. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. – 242 с.
229. Розанова Н. Н. Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) / Н. Н. Розанова // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1984. – С. 37–65.
230. Ройзензон Л. И. Фразеология и страноведение / Л. И. Ройзензон // Бюллетень по фразеологии: Труды Самар. гос. ун-та. Вып. 234 / гл. ред. Л. И. Ройзензон. – 1972. – № 2. – 80 с.
231. Рожанский И. Д. Античная наука / И. Д. Рожанский. – Москва : Наука, 1980. – 199 с.
232. Рожанский Ф. И. Сленг хиппи : материалы к словарю / Ф. И. Рожанский. – Санкт-Петербург – Париж : Изд-во Евр. дома, 1992. – 64 с.
233. Романов А. А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения / А. А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации. – 2008. – № 10. – С. 71–75.
234. Романов А. А. Массовые коммуникации : учеб. пособие / А. А. Романов, Г. А. Васильев. – Москва : Вузовский учебник, 2009. – 236 с.
235. Розина Р. И. Русская разговорная речь сквозь призму лексикографии и английского языка / Р. И. Розина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – № 4. – С. 47–58.
236. Русская грамматика. В 2-х т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова. – Москва : Наука, 1980. – 783 с.
237. Русская грамматика. В 2-х т. Т. 2. Синтаксис / Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова. – Москва : Наука, 1980. – 711 с.
238. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) : коллективная

монография / отв. ред. Е. А. Земская. – Москва : Язык русской культуры, 1996. – 480 с.

239. Рыбаков Н. С. Н. О. Лосский: онтологическая теория ценностей / Н. С. Рыбаков // Апология русской философии : сб. науч. ст. / отв. ред. К. Н. Любутин. – Екатеринбург : Фонд творческой педагогики, 1997. – С. 77–107.

240. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – С. 94–115.

241. Рыжова Н. В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы / Н. В. Рыжова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2003. – № 1. – С. 29–34.

242. Санджи-Гаряева З. С. Просторечные элементы в устной речи жителей г. Элисты / З. С. Санджи-Гаряева // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. – Москва : Наука, 1984. – С. 167–173.

243. Сарапулка. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сарапулка> (дата обращения: 15.01.2024).

244. Сафина Р. А. Экспрессивный компонент фразеологического значения / Р. А. Сафина. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – 78 с.

245. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 196–212.

246. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2016. – 439 с.

247. Семенова Е. В. Лексикология английского языка / Е. В. Семенова, Н. В. Немчинова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 152 с.

248. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипьев, Л. Г. Викулова ; под ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Москва : Тезаурус, 2011a. – С. 7–26.

249. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Там же. – Москва : Тезаурус, 2011б. – С. 27–40.
250. Сибирякова И. Г. Тематическое структурирование разговорного диалога : дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Сибирякова. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1996. – 230 с.
251. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров. – Москва : Наука, 1987. – 140 с.
252. Сидоров Е. В. Базовая структура аксиологического измерения речевой коммуникации / Е. В. Сидоров, Н. А. Сидорова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – № 6. – С. 166–172.
253. Сидорова Н. А. Ценности как ориентир коммуникативных действий / Н. А. Сидорова // Казанская наука. – 2020. – № 2. – С. 121–124.
254. Сиротинина О. Б. Разговорная речь. Определение понятия, основные проблемы / О. Б. Сиротинина // Вопросы социальной лингвистики / [редкол.: А. В. Десницкая и др.]. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 373–391.
255. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – Москва : Просвещение, 1974. – 144 с.
256. Складаревская Г. Н. К вопросу о стилистических пометах как средстве экспликации языковой оценки / Г. Н. Складаревская // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Ажур, 2019. – С. 56–58.
257. Сковородников А. П. Экология русского языка / А. П. Сковородников. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – 388 с.
258. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – Москва : Горький, 1975. – 175 с.
259. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
260. Смертная казнь в Китае. Википедия [Электронный ресурс]. – URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертная_казнь_в_Китае (дата обращения: 15.04.2024).

261. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Омен, 1998. – 260 с.

262. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ш. Балли, А. Сеше ; пер. с фр. яз. А. Сухотина ; Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре ; Примечания / под общ. ред. М. Э. Рут ; пер. с фр. яз. С. В. Чистяковой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

263. Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с.

264. Степанов А. Н. Порт-Артур. В 2-х т. Т. 2 / А. Н. Степанов. – Москва : Сов. Россия, 1978. – 608 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/stepanov1/18.html> (дата обращения: 24.01.2024).

265. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.

266. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 112 с.

267. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Halle, 1989. – С. 279–282.

268. Стернин И. А. Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж : Воицпро, 1996. – 123 с.

269. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 4–16.

270. Стернин И. А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения / И. А. Стернин // *Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского*. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 5–15.

271. Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.
272. Камбаралиева У. Д., Стернин И. А. Русское и киргизское коммуникативное поведение / У. Д. Камбаралиева, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во РИТМ, 2021. – 220 с.
273. Столович Л. Н. Об аксиосфере / Л. Н. Столович // Вестник СПбГУ. Серия 6. – 1997. – Вып. 32. – № 13. – С. 11–16.
274. Столович Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии / Л. Н. Столович // Соловьёвские исследования. – 2011. – Вып. 4 (32). – С. 7–27.
275. Сусов И. П. История языкознания : учеб. пособие для студентов старших курсов и аспирантов / И. П. Сусов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – 191 с.
276. Сусов И. П. Введение в языкознание / И. П. Сусов. – Москва : Восток – Запад, 2006. – 382 с.
277. Таирбеков Б. Г. Функционально-прагматические парадигмы этнокультурных единиц в межъязыковой и межкультурной коммуникации (на материале казахских, английских, русских, немецких, французских и испанских паремий) / Б. Г. Таирбеков, Л. Н. Таирбекова, К. Л. Кабдулова, Ж. Г. Амирова, М. К. Адырбекова. – Алматы : Дәуір-Кітап, 2018. – 212 с.
278. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
279. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1981. – 269 с.
280. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1986. – 141 с.
281. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Шк. язык. рус. культуры, 1996. – 288 с.
282. Телия В. Н. Коннотация / В. Н. Телия // Языкознание : большой

энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 236.

283. ТСРРР – Предисловие / Толковый словарь русской разговорной речи : в 2 вып. / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. Л. П. Крысина. – Москва : Языки славянских культур, 2014. – Вып. 1. А–И. – С. 9–23.

284. ТСРЯ – К читателям // Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. – С. V–VI.

285. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры / В. П. Тугаринов. – Ленинград : Изд. Ленингр. унта, 1960. – 156 с.

286. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022) [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=1walmx052h713907094> (дата обращения: 15.03.2024).

287. Успенский В. А. К публикации статьи Г. Фреге «Смысл и денотат» / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 351–352.

288. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; отв. ред. Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1986. – 239 с.

289. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы : учеб. пособие / А. В. Федоров. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Филология три, 2002. – 416 с.

290. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке / Ф. П. Филин // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 20–25.

291. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология : учеб. для филол. спец. вузов / М. И. Фомина. – Москва : Высш. шк., 1990. – 415 с.

292. Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге ; пер. с нем. яз. Е. Э. Разлоговой // Семиотика и информатика. – 1997. – № 35. – С. 352–379.

293. Фреге Г. О смысле и значении / Г. Фреге // Логика и логическая семантика : сб. тр. / пер. с нем. яз. Б. В. Бирюкова ; под ред. З. А. Кузичевой. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – С. 230–246.

294. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. – Москва : Мысль, 1979. – 367 с.

295. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.

296. Химик В. В. Предисловие / В. В. Химик // Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – С. 5–12.

297. Химик В. В. Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии / В. В. Химик // XLIII Международная филологическая конференция : Избранные труды. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – С. 460–471.

298. Химик В. В. Русская разговорная речь: актуальные вопросы / В. В. Химик // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2015: сб. науч. тр. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2016. – С. 272–276.

299. Холодович А. А. О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра / А. А. Холодович // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. яз., под ред. А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 9–30.

300. Хомяков В. А. О термине «сленг» (Из истории вопроса) / В. А. Хомяков // Вопросы теории английского и немецкого языков. Уч. зап. Т. 352. – Ленинград : Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1969. – С. 77.

301. Хомяков В. А. Коды культуры в жаргонной фразеологии / В. А. Хомяков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – 2014. – № 3 (31). – С. 151–160.

302. Хохлова М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций / М. В. Хохлова // Slavica Helsingiensia. Инструментарий русистики:

Корпусные подходы. – 2008. – № 34. – С. 343–357.

303. Хохлова М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов: на базе корпусов текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Хохлова. – Санкт-Петербург, 2010. – 26 с.

304. Ценностное содержание разговорного диалога / отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 228 с.

305. Цзя Пэнлин. Репродукция речевого диалогического взаимодействия в текстах пьес молодых драматургов Урала : дис. ... канд. филол. наук / Цзя Пэнлин. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. – 200 с.

306. Шалина И. В. Толерантность (Культурная норма и политическая необходимость) / И. В. Шалина. – Краснодар : Периодика Кубани, 2000. – 256 с.

307. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И. В. Шалина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 443 с.

308. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Шалина. – Екатеринбург, 2010. – 43 с.

309. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. – 192 с.

310. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 1983. – 94 с.

311. Школьная форма в Китае. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9c6435af-6711e176-9d32d2aa-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/School_uniforms_by_country (дата обращения: 15.04.2024).

312. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

313. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература» / Д. Н. Шмелев. – Москва : Просвещение, 1977а. – 335 с.
314. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1977б. – 168 с.
315. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения / Т. В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – 1983. – № 1. – С. 43–49.
316. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.
317. Шулежкова С. Г. Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке / С. Г. Шулежкова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 374–383.
318. Шулежкова С. Г. Христианские ценности, отраженные фразеологическими средствами в славянских текстах X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург : Ажур, 2019. – С. 160–163.
319. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 188 с.
320. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – Москва : КомКнига, 2006. – 360 с.
321. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении / А. М. Эмирова. – Симферополь : Научный мир, 2020. – 228 с.
322. Эфендиева Р. А. Фразеологические единицы со значением «материальное положение человека» (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Р. А. Эфендиева. – Нальчик, 2001. – 184 с.
323. Язык и национальное сознание / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во «Истоки», 2006. – Вып. 8. – 254 с.

324. Якубинский Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Якубинский Л. П. Язык и его функционирование : избр. работы / Л. П. Якубинский. – Москва : Наука, 1986. – С. 17–58. [Электр. ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm?ysclid=lsrkrxjszg442541431> (дата обращения: 15.02.2024).
325. McEnery T. Corpus Linguistics : Method, theory and practice / Т. McEnery, A. Hardie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 294 p.
326. 李连科. 哲学价值论 / 责任编辑: 费小琳. – 北京 : 中国人民大学出版社, 1991 年. – 264 页. (Ли Ляньке. Философская ценность / отв. ред. Фэй Сяолин. – Пекин : Изд-во Китайского университета Жэньминь, 1991. – 264 с.)
327. 李建群. 现实价值哲学论 / 李建群, 周树智. – 北京 : 中国社会科学出版社, 2012 年. – 322 页. (Ли Цзяньцюнь. Философская теория о реальной ценности / Ли Цзяньцюнь, Чжоу Шужу. – Пекин : Изд-во китайских социальных наук, 2012. – 322 с.)
328. 刘宏. 俄语语言与文化: 理论研究与实践探索 / 刘宏. – 北京 : 外语教学与研究出版社, 2012 年. – 323 页. (Лю Хун. Русский язык и культура: Теория и практика / Лю Хун. – Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2012. – 323 с.)
329. 马克. 资源型城市经济转型政策研究 / 马克, 李军国. – 北京 : 科学出版社, 2015 年. – 260 页. (Ма Кэ. Исследование политики перепрофилирования экономики моногородов ресурсного типа / Ма Кэ, Ли Цзюньго. – Пекин : Изд-во науки и техники, 2015. – 260 с.)
330. 送 葬 宴 . Академик [Электронный ресурс]. – URL: https://chinese_russian.academic.ru/24794/送葬宴 (дата обращения: 20.04.2024).
331. 挽 金 , 帛 金 . Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/帛金> (дата обращения: 20.04.2024).
332. 王加兴. 俄语语言与文化第六讲 / 王加兴. – 北京 : 北京大学出版社, 2014 年. – 289 页. (Ван Цзясин. Шесть лекций по русскому языку и русской

культуре / Ван Цзясин. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2014. – 289 с.)

333. 吴军. 现代语言学视角下的俄语成语学 / 吴军. – 北京 : 首都师范大学出版社, 2006 年. – 333 页. (У Цзюнь. Русские фразеологизмы в современной лингвистике / У Цзюнь. – Пекин : Изд-во Пекин. столичного пед. ун-та, 2006. – 333 с.)

334. 张岱年. 中国古典哲学价值观 / 张岱年. – 北京 : 北京大学出版社, 1947 年. – 342 页. (Чжан Дайнянь. Классическая китайская философия о ценности / Чжан Дайнянь. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 1947. – 342 с.)

335. 赵爱国. 20 世纪俄罗斯语言学遗产——理论, 方法及流派 / 赵爱国. – 北京 : 北京大学出版社, 2012 年. – 508 页. (Чжао Айго. Наследие русского языкознания в XX веке: теория, метод и школа / Чжао Айго. – Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2012. – 508 с.)

336. 赵馥洁. 中国传统哲学价值论 / 赵馥洁. – 西安 : 陕西人民出版社, 1991 年. – 452 页. (Чжао Фуцзе. Введение о китайской традиционной философской ценности / Чжао Фуцзе. – Сиань : Шэньсийское народное издательство, 1991. – 452 с.)

337. 中国婚姻家庭报告. 2023 年. (Отчет о браке и семье в Китае. 2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/647586167> (дата обращения: 15.05.2024).